

Письмо в молодость

МИХАИЛ ЛЬВОВ

МИХАИЛ ЛЬВОВ

Письмо в молодость

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1974

Письмо в молодость. Стихи, рассказы, фронтовые записки. Издание 2-е, переработанное. М., «Молодая гвардия», 1974.

192 с. с ил.

Михаил Львов принадлежит к поколению поэтов, которых формировали годы Великой Отечественной войны. Его творчество давно волнует читателей своей самобытностью, острой эмоциональностью и прямоотой высказывания.

В книгу включены новые и часть уже публиковавшихся стихов и рассказов, посвященных героям-танкистам, ветеранам Челябинской танковой бригады, их послевоенной жизни, а также поездкам ветеранов по местам боев. Выпущенная впервые в свет в 1970 году, книга М. Львова «Письмо в молодость» была высоко оценена комсомольцами и молодежью — получила премию «Орленок» Челябинского обкома комсомола.

Л $\frac{70402-187}{078(02)-74}$ — 266 — 74

P2

Львов Михаил Давыдович
ПИСЬМО В МОЛОДОСТЬ

Редактор **М. Беляев**
Художник **А. Гольдман**
Фотографии уральцев-добровольцев
М. Нечмоглода, Н. Чиж
Художественный редактор **А. Романова**
Технический редактор **Е. Брауде**
Корректоры: **З. Федорова, З. Харитонova**

Сдано в набор 17/XII 1973 г. Подписано к печати 27/VI 1974 г. А01405. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага № 1. Печ. л. 6 (усл. 10,08) + 8 вкл. Уч.-изд. л. 10,6. Тираж 40 000 экз. Цена 1 р. 05 к. Т. П. 1974 г., № 266. Заказ 2511.

Типография издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.

© Издательство «Молодая гвардия», 1970 г.

© Издательство «Молодая гвардия», 1974 г. Второе издание со значительными изменениями.

Л $\frac{70402-187}{078(02)-74}$ — 266 — 74

ПРЕДИСЛОВИЕ

Встреча моя с поэтом Михаилом Львовым произошла в дни Великой Отечественной войны на фронте в 10-м гвардейском Уральском добровольческом танковом корпусе, в который он был зачислен рядовым.

Михаил Львов прошел с корпусом по дорогам, лесам и полям Украины, Польши, Германии и Чехословакии. Поэт участвовал в танковых боях под Фридриховкой и Романовкой, ходил вместе с корпусом в прорывы, где велись бои в «оперативной глубине».

Стихи Михаила Львова, написанные прямо в огне боев, находили живой отклик в сердцах танкистов, воодушевляли их на подвиги.

Уральцы называли его поэтом танкистов, а его стихи — «танковыми стихами». Они любили Михаила Львова.

Был однажды такой случай. Бойцы получили к празднику подарки с Урала. Каждый солдат и офицер нашел во врученной ему посылке вместе с другими подарками книгу стихов Михаила Львова «Дорога», изданную в Челябинске.

Получил эту книгу и я, от души радовался успеху поэта, который так правдиво и доходчиво показал фронтовую действительность, тяжелый и славный путь уральских танкистов.

К слову сказать, одна из статей, посвященных фронтовым стихам Михаила Львова, опубликованная в нашей газете «Доброволец», так и называлась — «Поэзия фронтовой действительности».

Несколько лет назад наш однополчанин полковник Василий Данилович Фокин прислал поэту письмо, в котором говорилось: «Книга Ваша «Дорога» издания 1944 года, по всей вероятности, является первой книгой про уральских танкистов-добровольцев. И это Ваш большой вклад не только в поэзию. Эта Ваша книга, надо полагать, стала библиографической редкостью. А о подвиге уральцев фронта и тыла нужно писать и писать».

И вот, как бы откликаясь на этот зов фронтовиков-уральцев, издательство «Молодая гвардия» выпустило к великому празднику 25-летия Дня Победы в числе других книг и книгу Михаила Львова «Письмо в молодость», в которой собраны его стихи об Урале и уральцах, уральских танкистах, написанные за многие годы, а также его фронтовые записки, сделанные на фронте, по горячим следам, с документальной точностью. Он посылал их в Челябинский обком партии как отчет челябинских танкистов о пройденном боевом пути.

Интересно, что Сергей Наровчатов, который в то время находился на фронте по соседству с нами, прислал Михаилу Львову доброе письмо о его книге «Дорога». В этом письме были такие слова: «Нам идти локоть к локтю по литературной дороге, и в начале пути я рад сказать тебе, что я верю в тебя, как в хорошего попутчика. Я уже сказал, какое впечатление произвела на меня «Дорога». Ей не хватает цельности, в ней немало недостатков, но это талантливая книга. Я был уверен, что она не пройдет незамеченной, и это подтвердилось».

Все написанное Михаилом Львовым о наших уральцах нам, ветеранам, поныне дорого.

Наш корпус был создан по инициативе трудящихся Урала.

Танковые бригады получили наименование тех областей, которые их формировали. Вся техника, вооружение и снаряжение

были приобретены на средства, собранные уральцами. Танкисты с честью выполнили наказ, данный им трудящимися Урала. Воины корпуса всегда проявляли непреклонную волю к победе над врагом и неоднократно добивались полного разгрома превосходящих сил противника. Так было под Орлом, Каменец-Подольским, Львовом, на территориях Польши, Германии, в боях за овладение Берлином и освобождение Праги и в ряде других мест.

За мужество и отвагу, проявленные в боях, большинство воинов корпуса награждены орденами и медалями Союза ССР, а 38 особо отличившихся удостоены звания Героя Советского Союза.

Об уральских танкистах после войны написано немало хороших книг, в частности свердловскими писателями и журналистами, бывшими офицерами нашего корпуса.

О челябинцах писал и пишет М. Львов.

Михаил Львов — поэт-боец. Он всегда стремился быть на острие боевых событий, проявляя при этом бесстрашие и отвагу. Он, например, в числе первых ворвался в пылающий Каменец-Подольский.

За боевые заслуги в Великой Отечественной войне М. Львов был награжден орденом Отечественной войны 2-й степени и несколькими медалями. За литературно-журналистскую деятельность награжден орденом «Знак Почета».

Бывший командир Челябинско-Петраковской Краснознаменной орденов Суворова и Кутузова добровольческой бригады, дважды Герой Советского Союза генерал-лейтенант танковых войск М. Г. Фомичев в своей книге «Огненные версты», выпущенной в 1969 году Южно-Уральским книжным издательством, тепло вспоминает нашего поэта. «Этот отважный человек, — пишет он, — ...и в атаку ходил с мотострелками. И стихи читал разведчикам, и вместе с саперами проходы проделывал в минных полях, и был инициатором сбора трофейного оружия и боеприпасов».

После войны мы пристально следили за творческими успехами Михаила Львова, не прерывали дружбы, проверенной в тяжелых испытаниях.

Ныне Михаил Львов — известный поэт. Мы часто читаем его стихи и статьи на страницах центральных газет и журналов, слышим его голос, его песни и стихи по радио и телевидению и гордимся, что как поэт он формировался в нашем боевом коллективе уральцев.

Написанное им в те годы и сегодня не потеряло своей художественной и гражданской значимости.

Эта книга еще раз подтверждает верность и благодарность поэта своей молодости, своим землякам-уральцам, однополчанам.

Генерал-майор танковых войск А. Б. ЛОЗОВСКИЙ,
бывший начальник штаба 10-го гвардейского
Уральско-Львовского Краснознаменного
орденов Суворова и Кутузова
добровольческого танкового корпуса

ВРЕМЯ

ПРОПЕЛЛЕР

Как сабля, вскинутая грозно,
Пропеллер солнцем освещен,
Одним концом он рвется в воздух,
Другим — к могиле обращен.
Тут он лежит, упавший сокол,
Его не вызвать из земли.
К нему, летевшему высоко,
Его товарищи пришли,
Они спешат — им в небо нужно:
Закончить прерванный полет.

Умру — так пусть мое оружие
Вот так на бой людей зовет.

Челябинск,
1939

ПРОЩАНИЕ

Уже за дымом паровоза
Не видно белых рук твоих,
Мне горе выдавило слезы,
Мне горе высушило их.

Стеклянный мраморный вокзал
Уже вдали за степью скрылся.
А я не все тебе сказал,
А я не так с тобой простился.
Не так, не так. Я был не тот,
Не так я губ твоих коснулся.
И я б назад еще вернулся,
Но поезд движется вперед.

ВОЛНЫ

Лето солнечное. Полдень.
Через плотик из досок
Перекатывались волны,
Выбегали на песок.

Погружая в волны плечи,
Я далеко заплывал.

Набухающий, навстречу
Переваливался вал,
И меня с огромной силой
Вал высоко поднимал.

(Так вот молодости сила
По годам меня носила.)
Там, где волны закипали,
В легком платье голубом
Ты ходила у купальни,
Чтобы сниться мне потом.

Озеро Тургояк

ДОРОГА НА ЮГ

У самых волн мы пировали,
Мы югом руки обожгли,
И на холодном перевале
Мы к небу близко подошли,

Где вровень с солнцем, с небом рядом
Белело здание и кругом
Крошились камни колоннады;
Травой заполнило пролом,
Как мрамор, облако проплыло,
Стояли боги на пути —
И так, казалось, можно было
До Древней Греции дойти.

* * *

Еще штыками обернутся песни,
Еще придут и отшумят бои.
Придет домой седеющий ровесник,
Придут не все ровесники мои.
Оставшимся — счастливо оставаться.
Но с этим миром в утреннем дыму
Договорились мы не расставаться —
И мы вернемся бронзою к нему.
У вас сады. У вас цветенье лета,
И юноши по мрамору идут
сияющие университеты,

И холодно быть памятником тут...
Когда ты выйдешь с лекций на закате,
О наших размышляя временах,
Навек ушедших в толщи хрестоматий,
О наших запыленных именах,
Ты обернешься —
И увидишь рядом
Тех,
Кто отвел и от тебя беду,
Товарищ мой,
Бредущий тихим садом
В трехтысячном немыслимом году.

ВОЛГА

Набросив на себя шинели,
Скрипучие качая нары,
В теплушке вечером мы пели —
Грузины, русские, татары.
И песни были долги, долги...
А в песнях девушки красивы,
И за окном открылась Волга
Широкая, как путь России.

ПЕСНЯ

Ребята песню запевают,
На нарах лежа в тишине,
И песня-то невеста какая,
А сердце разрывает мне.
Все в песне можно и уместно.
И стоит захотеть друзьям —
В теплушку царская невеста
Войдет и тихо сядет к нам...
Но мы поем, поем до ночи
О том, что позабыть нельзя:
«Последний нонешний денечек
Гуляю с вами я, друзья».
И, как далекое наследство,
Пробившись через столько дней,
Твоя судьба сожмет мне сердце,
И я забуду о своей.

СТЕПЬ

Березок тоненькая цепь
Вдали растаяла и стерлась.
Подкатывает к горлу степь —
Попробуй уברי от горла.
Летит машина в море, в хлеб.
Боец раскрыл в кабине дверцу —
И подступает к сердцу степь —
Попробуй оторви от сердца.

1941

ВАСИЛИЮ ВОХМЕНЦЕВУ *

Эти дни позабыть нельзя,
Нам со многим пришлось расставаться,
Но когда погибают друзья,
Неудобно в живых оставаться.
Ты ведь знаешь, мой друг, я не лжив —
Мне б хотелось быть рядом с тобою
И, как ты, не вернуться из боя...
Ты прости мне, что я еще жив.

ВЫСОТА

Комбату приказали в этот день
Взять высоту и к сопкам пристреляться.
Он может умереть на высоте,
Но раньше должен на нее подняться.
И высота была взята.
И знают уцелевшие солдаты —
У каждого есть в жизни высота,
Которую он должен взять когда-то.
А если по дороге мы умрем,
Своею смертью разрывая доты,
То пусть нас похоронят на высотах,
Которые мы все-таки берем.

---

* Василий Вохменцев — молодой поэт, член литературного объединения Челябинского тракторного завода. Работал кузнецом. Перед войной был призван в армию, окончил офицерскую школу. В звании лейтенанта служил на западной границе. Погиб в бою в 1942 году.

ЗЛАТОУСТ

...Ты сегодня дымишься за дальнею далью,
За снегами, которым не видно конца.
Златоуст! Златоуст! Нержавеющей сталью
Это имя нам детство вписало в сердца.
И Закаменки камень, и малинники Голой,
И запруженный Ай, и седой Таганай —
Это детство мое. Это юность и школа.
Это в горы и сосны справленный край.
Город детства и стали, город стужи и зноя,
За оградой резною, за сосной вырезною,
Весь ты в зренье моем, весь ты в сердце моем,
Словно только вчера я покинул свой дом.
Мы идем сквозь огонь, позабыв о покое,
И в родительский дом я не скоро вернусь.
Как любовью своей, как отцовской рукою,
Ты прикрой меня сталью в бою, Златоуст.

ДОЖДЬ

Я должен ежедневно жить,
В грозу, в листве дрожащей жить,
И в ночь арктическую жить,
И в поворотах мира жить.
В пургу не стыть. Под ливнем быть.

Мы присягали вечно жить.
И мы любили в ночь гулять,
Прильнув лицом к дождю, стоять
И воду подпирать плечом
И в плечи плещущим плащом.
...Где тонет танк — там ставим шест.
(Могила танка под шестом.)
И их уже не пять, не шесть
(Мы откопаем их потом).
Завязли мы в грязи болот,
И по железу дождь идет,
По плащ-палатке хлещет дождь.
То, поскользнувшись, упадешь —
Поднимешься и вновь идешь.
По плащ-палатке хлещет дождь.
Как веткой по лицу сечет.
Под орденами пот течет.

И ни привалов, ни еды.
И хочешь пить — и нет воды
(В болоте только «труп воды»).

Неделю дождь без берегов,
Болотный дождь в тылу врагов,
И холод, голод, ливень, грязь,
И так легко упасть, пропасть,
Легко так без вести пропасть
И стать рабом в стране рабов,
И гробом стать среди гробов...
Но нам приказывали жить.
Мы будем мужеству служить,
Год под дождем кружить, но жить,
Идти вперед — иди, живи,
Пока не дождь в твоей крови,
Пока не смыло нас с ума,
Пока не вспомнит смерть сама.
И мы прошли болота...

МЕТАЛЛ

ВОСПИТАНИЕ МЕТАЛЛА

В начале войны я работал на оборонном объекте. Писал стихи. Мне хотелось «сформулировать время», найти поэтическое выражение его.

В то время я слабовато знал жизнь, хотя и вырос в деревне, и поработал уже трактористом, умел косить, пахать, жать и сеять. В Златоусте работал в депо, на металлургическом заводе.

Детство мое прошло между городом и деревней: жил в деревне, у отца, и в городе, в Златоусте, у бабушки.

Учился в Миассе, Челябинске, Москве.

В те годы я любил слово «металл». Оно было для меня воплощением стойкости и мужества.

Металл. Прежде чем металл попадет в руки советского воина, он проходит сложный путь возмужания. Только тогда металл превращается в руках гвардейца в совершенное оружие. Но это качество он взял у людей, у обыкновенных советских тружеников. Об одном таком замечательном труженике — об Александре Андреевиче Прохорове хочется рассказать подробно.

Он 64 года работает с металлом!

Родился Александр Андреевич в 1867 году. Одиннадцати лет пошел работать учеником кузнеца.

В городе, в котором он жил, была кузница. В ней ковали топоры, косы, серпы, оковывали повозки, экипажи. Украдкой от матери Саша стал забегать в кузницу: нравилось, что мальчики, ученики кузнеца, ходили чумазые и... независимые.

— Бывало, разожгу костер, накалю в нем железо, на камне кую и гну, — рассказывал Александр Андреевич. — Потом мать отпустила меня в кузницу учеником. Вставал в три часа утра. По месяцу мать будила, взойдет месяц против окна — будит: «Вставай, пора». Иду. А впереди бегут волки (город-то маленький, в лесу — Солигалич, бывшей Костромской губернии). И так каждое утро. Впереди — волки, а я — сзади. На всякий случай держу палку. Придешь в кузницу, а там еще никого нет, заваляешься в сторожку, поспишь до прихода хозяина, а потом работа. Тяжелая. До поздней ночи работаешь, а ведь мальчиком было. Одиннадцатифунтовой кувалдой бьешь, два меха качаешь. Уставал. Три года проработал. Потом отправили в Питер. Пятнадцати лет прибыл туда, в монументную мастерскую Баринова на Васильевском острове поступил. Всякое делали: надгробные решетки, железные часовни, парапеты, решетки лестниц. Два года работал. Хозяин прогорел, и мастерская закрылась. Ушел я на другой завод. Цепи варил самостоятельно, механик видит, что из меня выходит толк, — дали подручного. Стал делать поковки для артиллерийских повозок, для зарядных ящиков. Работал пять

лет. Хозяин тоже прогорел. В 1889 году, двадцати двух лет, пришел я на Путиловский завод. К мастеру иду, в ноги кланяюсь: возьмите, говорю, кузнецом. Дал мастер пробу: сделать дверные задвижки к вагону. Сделал. Мастер не поверил, показалось, что быстро, думал, помогли мне. Дал еще раз сделать новую задвижку и ходит вокруг, смотрит. А эту я сделал еще быстрее. Видит мастер, дело идет, улыбается. Принял.

Двадцать восемь лет работал на Путиловском заводе: двадцать пять лет кузнецом, три года мастером. Много видал. Делал поковки вагонные, паровозные, турбинные, пушечные, ударники, сошники, лодыги лафетовые, поковки корабельные — якоря миноносцев, штурвал броненосца «Гангут» в 1915 году ковал...

Потом меня перевели на новый завод — после Октябрьской революции — в Подмосковье. Мастером. Завод только еще строился. Сам строил и сам ковал первый слиток на этом заводе в конце 1917 года. Обучал молодежь, смену себе, помощь. Ковали сталь-молнию. Детали накуем и сами проверяем. ОТК еще не было. Ну а потом все пошло хорошо.

Жили мы отлично. Мне дали квартиру из трех комнат. Меня все знают и в главке, и в наркомате.

Началась Отечественная война.

Меня эвакуировали с заводом на Урал. Поместили в деревне, восемнадцать верст от завода. А завод еще строили только. Не могу сидеть, заболеваю без работы. Выйду, дров нарублю хозяйке, наколю, пойду в лес, играю топором — обманываю себя. Не выдержал. Прибежал на завод до пуска: «Дайте работу, не могу без нее, болею». Вот и стал организовывать тут ОТК. Металл любит людей с характером. Хотя мне и семьдесят шестой пошел, а здоровым себя чувствую. Работать буду долго. Я в жизни никогда не болел. За двадцать пять лет на «Электростали» всего два раза ходил по больничному, четыре дня всего, и то заставили врачи, а то бы не стал.

Дали мне сейчас орден, не забыли меня. Буду работать еще лучше. Я ведь знаю металл, всю жизнь с ним работал. Долго еще буду работать.

Указом Президиума Верховного Совета СССР Александр Андреевич награжден орденом Ленина.

Суровое время. Суровый облик людей, городов, сел. Труд тяжелый, но осмысленный. И металл Урала как бы одушевленный — к нему прикасаются тысячи рук и душ — и воодушевленный — его всем сердцем благословляют на ратный подвиг тысячи сердец тружеников тыла.

Так народ творил победу и в тылу, ковал ее, как металл.

МИТИНГ

В большие трубы дуют оркестранты,
И, вслушиваясь в громкую игру,
Широким шагом движутся курсанты
По заводскому дымному двору.
Идут курсанты мимо паровозов,
Вагонов, домен, труб, чугунных плит.
И, вытирая медленные слезы,
У переезда женщина стоит.
Что вспомнила? Быть может, Украину?
Танкиста-сына? Яблони и Днестр?
Быть может, эти слезы беспричинны?
Так. Музыка... Погода и оркестр...
Идут курсанты. Строем. Ряд за рядом.
В подкованных армейских сапогах.
Гремит оркестр. Оркестр из Ленинграда.
Сиянье меди движется в глазах.
Кругом завод, расчерченный огнями.
Идут танкисты шагом боевым.
Над батареей коксовой — пламя
И с золотыми искорками дым.
Кругом разгон строительства огромный.
Опалубки. Конструкции. Навес.
Стоит трибуна у подножья домны,
И к ней идут танкисты под оркестр.
...Я вижу всех. Я вглядываюсь в лица.
Парторг. Майор. Строитель молодой.
Курсант-танкист, и танки на петлицах,
И рядом с ним старик казах. Седой.
Седой-седой. Как бы покрытый пудрой.
Я помню речь казаха-старика.
Его устами говорила мудрость.
Отчизна. Человечество. Века.
И митинг шел. Знамена наклонялись.
И ветер по знаменам пробегал.
В глазах у многих слезы появлялись.
Я сдерживался. Смахивал. Стоял.
И митинг шел. И люди клятву дали
В грядущее пройти к победным дням.
И сам Главнокомандующий Сталин,
Казалось, вышел на трибуну к нам.

Магнитогорск

* * *

Я был на стройках Южного Урала,
Я видел, как выстраивался в ряд,
Сверкая полировкой металла,
За новым агрегатом агрегат,
Как будто артиллерия морская,
И выдох пушек, вспышками огня
Великий труд победы освещая,
Как легкий дым, окутывал меня.
В жару июля и в мороз крещенский,
В волнах пшеницы, в угольной пыли
Мой путь лежал от «энска» и до «энска»
По городам промышленной земли.
Я видел, как победа вырастала.
Свидетельствую: пролетят года —
Спасительное мужество Урала
Отчизна не забудет никогда.

Урал, Урал... Заводы... Шахты... Горы...
Страной железа видишься ты мне.
Твои сыны, литейщики, шахтеры,
Себя как дома чувствуют в огне.

С рождения металлом окруженный,
Уралец — прирожденный металлист,
А значит, он и воин прирожденный,
И слесарь от рожденья, и танкист.

В пороховой окутываясь запах,
Идет на запад наших танков вал.
И сам Урал подвинулся на запад,
Придвинул пушки к западу Урал.

Пройдут года — над веком небывалым
Потомки совершат свой поздний суд.
Железо назовут они Уралом,
Победу назовут они Уралом,
И мужество Уралом назовут.

* * *

Раздался выстрел. Я не вздрогнул.
Немного времени прошло,
А все ж сижу спокойно, ровно,
Когда дрожит в окне стекло.
Не привыкают к смерти люди,
Привыкнуть к смерти не дано,
И мне под дулами орудий
Не все равно, не все равно.
Но есть в военных людях гордость,
С которой все перенесешь.
Она вселяет в сердце твердость
И вон выбрасывает дрожь.

* * *

Чтоб стать мужчиной, мало им родиться.
Чтоб стать железом, мало быть рудой.
Ты должен переплавиться, разбиться.
И, как руда, пожертвовать собой.
Какие бури душу захлестнули!
Но ты солдат и все сумеи принять:
От поцелуя женского до пули,
И научись в бою не отступать.
Готовность к смерти — тоже ведь оружие,
И ты его однажды примени...
Мужчины умирают, если нужно,
И потому живут в веках они.

* * *

Есть мужество, доступное немногим, —
Все понимать и обо всем молчать,
И даже в дружбе оставаться строгим,
А если боль — о боли не кричать.
И, как металл, лететь в сражений гущу,
Чтоб в дальность цели, как в мишень, войти, —
Железу, как известно, не присущи
Лирические отступы в пути.
Вычерчивая линию красиво,
Чтобы над целью вырасти в дыму,
Снаряд в пути не делает извива
И в гости не заходит ни к кому.
Так ты пойдешь немедленно и гордо,

Как полководец, сквозь железо лет
И станешь безошибочным и твердым —
Но тут уже кончается поэт.

Я ЖИВ

Я жив. Передайте друзьям, что я жив,
Что первая пуля меня не задела,
А пуля вторая убить не сумела,
И слух, что я умер, конечно же, лжив:
Что вижу я листья в окне медсанбата,
Что к осени, может, приеду в Москву,
Когда листопад убирают лопатой
И дети фуражками ловят листву;
Что шел я с уральцами к городу с боем
Сквозь вьюгу свинца, по кинжалу огня,
А город, встающий за Смотрич-рекою,
На десять столетий был старше меня;
И был он в дыму с поволокою чуден,
Старинною лепкой вдали он вставал,
И к городу шли мы — и путь наш был труден,
А город, как древняя родина, звал.
...А роту снаряды осыпали вражьи,
И мог умереть я, но я не хотел,
А раз не хотим мы, то кто нам прикажет —
И мы проскочили сквозь плотный обстрел.
Я жив. И убить меня трудно, как видно,
И долго еще собираюсь прожить.
Два года не умер — и было б обидно
У самой победы оружие сложить.
Но если придет похоронная вдруг —
Считайте, что писарь напутал, не верьте,
Считайте, что все-таки выйдет из смерти
И, значит, опять будет драться ваш друг.
Быть может, и в этом-то наше спасенье,
Что крепкий характер нам дали года,
Что вынес я с детства еще убежденье,
Что мы в эту жизнь
пришли навсегда.

* * *

От хаты к хате и от боя к бою
Мы еле тащим сапоги с землею,
А вечером ножом скоблим свое.

В походах почерневшее белье.
С утра опять вода, и грязь, и глина.
А в редкий час домашней тишины,
Седея на соломенных «перинах»,
Нам бабушки отгадывают сны.
И перед сном, на всякий случай все же,
Сержант усталый, на соломе лежа,
Советует бойцам очки надеть,
Чтоб сны во сне яснее разглядеть.
А поутру от боя и до боя
Мы снова тащим сапоги с землею,
А вечером ножом скоблим свое
Трехмесячное черное белье.

ПЕХОТИНЦУ

Ты прошел от Польши до Волги
И от Волги обратно до Польши
и дальше,
И ты видел, сколько земли на Земле.
Ты шел усталый,
опираясь порой на винтовку,
Плечи резал ремень,
мешок вещевой
К спине прирастал,
словно горб.
И когда ты снимал мешок
перед сном —
Спина еще долго
чувствовала его.
Ты наклонялся к земле
и комями брал снег и кушал,
Тоскуя о дальнем тепле и доме.
А если не было снега,
Ты ветер холодный пил,
как родник:
Откроешь рот —
и ветер гудит во рту.
Грязь прилипала к сапогам,
Вода приникала к ногам.
Сколько дорог намотал ты
На кирзовые свои сапоги.
Если тебе удавалось к танкистам подсесть —

Ты спал на танке,
                                возле сетки его,
И танк тебя,
                                словно дом,
Окутывал
                                драгоценным теплом.
Ты заходил в украинские хаты,
И девушка лет восемнадцати
Снимала тебе сапоги,
И ты долго
                                в хате чужой перед сном,
Как в детстве,
                                играл с мурлыкавшей кошкой в полос
И звал ее «тигрой»,
И давал ей консервное мясо,
И засыпал на соломе
С безмерной тоскою о доме.
Ты проходил танковые поля,
Где распластанные гусеницы
Лежат,
                                как перебитые позвоночники.
Ты кушал хлеб,
Обстрелянный из пулемета.
Алюминиевая трофейная фляга
На боку у тебя висела.
С лицом простым, как шинель,
С лицом святым, как шинель,
Ты прошел от Польши до Волги
И обратно,
                                и дальше до Вислы, до Шпрее —
И ты понял,
Что нет ничего
                                лучше отеческого дома,
Который
                                как родина в Родине,
И ты научился
                                впредь не отдавать его другому.

РАЗБИТЫЙ ТАНК

Металлу, наверное, снится
Что снова он стал рудой,
Лежит на горе Магнитной

Бесформенный и молодой;
Что снова идет он в домну,
И снова проходит прокат,
И движется танком огромным,
И пушкой глядит на закат,
И снова он давит бронею,
И гонит врага вон.
Раскинулось поле боя,
И снится металлу сон.

* * *

Есть истины, которые не нужно
Высказывать ни другу, ни врагу.
Есть истины, которые оружием
И лишь ему доверить я могу.
И мне досталось тоже сердце с детства,
И убивать трудней, чем умирать.
Я принимаю мужество в наследство
От вас, которым никогда не встать.
Так примем гнев и месть, как меру веса,
Слова о всепрощении замкнем,
Пока с железом говорит железо,
Пока огонь беседует с огнем.

У ВХОДА В СКАЛАТ

Лозовскому А. Б.

Полковник, помните Скалат,
Где «тигр» с обугленной кожей
И танк уральский, в пепле тоже,
Лоб в лоб уткнулись и стоят?
Полковник, помните, по трактам
Тогда и нас водил сквозь смерть
Такой же танковый характер —
Или прорваться, иль сгореть?

ДОРОГА

1

...Над нами проплывает, как акула,
За вымытыми стеклами зари
Воздушный возчик с двухмоторным гулом.
Везет бензин. Патроны. Сухари.

Так низко «кукурузники» стрекочут,
Что задевают даже провода,
И, как насадки, хлопают, хлопочут
Над самой головою иногда.
Как рыбами аквариум играет,
Так небо самолетами полно.
На парашютах бочки повисают,
И землю достают они, как дно.
Мы смотрим вверх. Ракетою условной
Прорезав голубую глубину,
На дно войны заброшенные словно,
На танках продвигаемся по дну.
На дне, конечно, нелегко бывает...
По гусеницам катятся катки,
А гусеницы на гору вползают.
Потом съезжают. Юзом. Вдоль реки,
Ревя на поворотах и подъемах,
Идет наш танк. Пока вдали враги,
Мы ночью спим на танке, как на громе,
На жалюзи мы сушим сапоги.
Согревшись, засыпаешь на мгновенье,
И вновь со дна, куда его ты вверг,
Не досмотрев рисунки сновиденья,
Сознание карабкается вверх —
И хочется уснуть наполовину,
Лишь половину мозга затемнив,
Невыключенным светом полусиним
Другую половину осветив,
Чтоб сонного бомбежка не застала.
(Так можно, не проснувшись, умереть.
И значит, надо встать, забыв усталость,
Чтоб собственную смерть не просмотреть.
И мы правы, конечно. И поверьте,
Обидно будет умереть во сне.
И я хочу присутствовать при смерти.
Тогда еще поборемся мы с ней
И, может быть, поборем — мы упрямы.
И будем жить, чтобы врага добить.)
И вдруг сквозь сон ты слышишь: воет «рама»,
Выходит «юнкерс» сны твои бомбить.
И сны бегут. В убежище. Теснятся.
Проснулся, смотришь — бомбы не видны.
Так даже сны военные нам снятся —
Воздушные и танковые сны.

(Привстав с постели, легкою пастелью
Художник зарисовывает сны;
Мы встали с наших танковых постелей,
Но роскоши подобной лишены.)

2

Все тот же путь. Коль с танка прыгнешь с ходу —
Уйдешь по горло в грязь, во весь свой рост.
Буксируют два танка самоходку —
Она собою продавила мост.
Огромная, с нацеленною пушкой,
Как зданье с набок съехавшей трубой,
Привязанную «эмку», как игрушку,
Тридцатьчетверка тащит за собой;
А «эмка» рвется в сторону с разбега.
И снова ей одернули разбег.
Она как холмик около Казбека,
Который хочет вырасти с Казбек.
Вот кое-как из выбоины вылез
Захаренко на «доджике» своем,
За ним Лозовский выволок свой «виллис»,
И генерал. И едут так втроем.
За ними следом движется колонна:
Машины, танки, пушки — корпус весь.
И если можно мерить путь на тонны,
То сколько тонн он выворотил — взвесь!

3

...Романовка. 16 марта.
В землянке Фомичева тусклый свет,
И пятна света падают на карту,
Где карандаш вычерчивает след.
В лесу скопление вражеской пехоты.
Патронами потрескивает лес.
А в три часа проснулись минометы,
От шестиствольных блеск летит и треск.
Шли молнии отвесно и продольно,
То ты во тьме, то снова озарен,
И ночь сама нам кажется стоствольной,
Заряженною с тысячи сторон.
Погаснет свет на несколько мгновений —
Как будто бы внезапно ты ослеп,

То вспышка вновь — и возвратилось зренье,
То снова в тьму ты выброшен, как в склеп.
Как будто свет играет в прятки с ночью,
То мгла падет, всю землю погребя,
То снова молний вспыхивает росчерк,
Как будто ночь взглянула на себя.
На землю тяжело бухаются мины,
А их земля отбрасывает вверх,
Кругом кипит стальная мешанина,
И гром, и вой, и тьма, и молний сверк.
...Из батальонной выбравшись землянки,
Осыпанные вспышек серебром,
Спешат танкисты к неподвижным танкам:
Захлопнешь люк — и снова темь кругом;
И в танке та же полночь фронтовая —
Из ночи в ночь ты словно пересел.
Замкнула на мгновение шунтовая —
Мотор проснулся. Разом. Зашумел.
Твоя рука толкнула передачу —
И гусеницы вздрогнули. Пошли.
Уходит танк. Желай ему удачи.
Чуть виден танк, как синий холм, вдали.
...Пять танков шлет полковник за деревню
На случай боя для захода в тыл,
И в плотной тьме кубической и древней
Они гремят, и вновь их след простыл.
А вскоре танки остальные сам он
На боевой выстраивал черте.
Без лун, без фар, с закрытыми глазами
Передвигались громы в темноте.
Незримые, по фронтовой дороге,
Бродили бронированные боги.
К рассвету немцы перешли в атаку,
Сжимая с флангов вогнутой дугой.
Десант на месте, и приказ: «По танкам!»
И сам полковник их повел на бой.
Везя в огонь уральскую пехоту,
Шли танки на сближение, открыв
Стрельбу по цепи движущейся, с ходу
Прорвав ее и ринувшись в прорыв.
Башнер сидит, как в колоколе. Дымно.
Снаряды бьют и рвутся на броне,
И вмятины на танке ощутимы,
Как вмятины на сердце, в глубине.

Ударила пятерка из засады —
И немцы бьются в танковых тисках,
А те тиски сжимаются как надо
В огромных чьих-то опытных руках.
Все поле боя — в криках и в погоне,
В помятых касках, в поднятых руках.
В немецких документах и погонах,
И в брошенных медалях и крестах.
Я был в квадрате мужества со всеми.
Я видел поле — в мертвых и в живых,
Средь мертвых схоронившихся на время.
В квадрате смерти и волос седых.
...Был в этой битве полностью разгромлен
Немецкий полк сто шестьдесят восьмой.
А через час в отбитом теплом доме
Танкист писал на родину письмо.
Не мог забыть он бой ни на минутку,
Рассказывали. Радовались. Бой
«Мамаевым побоищем» не в шутку
Договорились звать между собой.

4

Мы двигались, как лента грозовая,
В тылу врага. Сказал Лозовский мне,
Что это по-штабному называют —
«Бои в оперативной глубине».
В ту глубину не доходили письма
Затем, что было слишком глубоко,
И ты однажды улыбнулся мысли,
Что это объясняется легко —
Что разбомбили почту полевую, —
Домой об этом надо написать,
И, значит, разбомбили поцелуи —
Пусть присылают новые опять.
Таков уралец. В горе и печали
Всегда найдет какой-то поворот
И запоет — и легче, чем вначале,
И боль его не так уже берет.
Он проезжает села. Вдоль заборов
Стоят девчата. Кофты. Сарафан.
Он крикнет вдруг с мальчишеским задором:
— А ну, меняем девушку на танк! —
Он едет в бой, и в самой гуще боя
И на почти последнем рубеже

Он всюду — он, не покривив душою,
Без ужаса и страха на душе.
Ведь если он умрет (возможный случай) —
То нету смысла страхом отравлять
Свои часы последние, не лучше ль
Перед концом позлей повоевать?
А если не погибнет (может случиться,
И это вероятнее всего),
Тогда, выходит, нечего бояться,
В пределах жизни все ведь ничего...
Страх в том и в этом случае не нужен —
Так думает он в шутку и всерьез,
Он с детства видел, как куют оружие,
И это в свой характер перенес.
...Руду из недр глубоких добывают,
Расплавят, станут молотом топтать,
Не все удары точные бывают —
Металлу не положено роптать,
И наш характер кован, как оружие.
А превосходство в духе над врагом,
Как превосходство в воздухе, нам нужно,
Как превосходство стали над стеклом.
Уральцу отступление незнакомо,
И, как в ладони вложенный металл,
Характер свой он чувствует. Весомо.
Физически его он ощущал.
Он знает — на каком-то страшном, новом
Пределе, неизвестно на каком, —
Бессильно слово. Слово только слово,
И надо заменить его штыком.
...Заводы нас с рожденья окружают,
Кругом ведут монтажники монтаж,
Как будто бы железом вышивают
Суровый златоустовский пейзаж.
А первый снег над родиной моею
Из облака, как хлопок, выпадал,
Но по пути, от копоти чернея,
До наших окон сажень долетал.
Еще никем не сказано об этом,
Как города в оправе медных гор,
Оцепленные соснами и светом,
Со школьных дней нам вкованы во взор.
Заброшенный, закинутый, забытый
За давностью и славы, и событий,

Мерцал среди литья, доспехов, лат
В музее златоустовский булат.
Но от давленья времени не слабли
Морской палаш с насечкой золотой,
С насечкою серебряною сабли,
Кинжал узорный с ручкою витой.
Столетье их на прочность испытало —
Хоть вновь носи их в кипень боевой.
Ты вырос в уважении к металлу,
И к верности, и крепости его.

5

Бои.
...Скалат. Копычинцы и Скала.
Змеится Збруч. Оринино. Дозжок,
Где смерть нас сразу группами искала,
В любое время, в ливень и в снежок.
У переправы очередь, заторы.
Вот город-крепость. Весь седой, как снег.
Бойницы как глазницы, из которых
Глядит на нас какой-то давний век.

6

Дорога, с боем пройденная нами,
Навек во мне, как память, задержись,
Где мы прошли, где водрузили знамя, —
Ожигов, Фридриховка, Волочиск,
Романовка, Гусятин и Гжамалув,
Где до сих пор наш пепел не остыл,
Где вражьи части сбоку нажимали,
А мы зашли врагу в глубокий тыл,
Припомним путь уральцев-добровольцев,
Как мы освобождали города,
Как мы смыкали танковые кольца
На горле «тигров», сбившихся в стада,
Как пленные стояли на коленях —
Рука дрожит. Блестит в глазах вода...
Запомни это, наше поколение.
Не поменяйся местом никогда.

7

...Мы шли к границе. Этот полдень дорог.
Танк стал у края Родины почти.

Последний выступ Родины. Пригорок.
Прощальным взглядом ты его почти.
Мы переходим эту грань по праву.
По праву правды, понятой стократ.
По праву мести. Праву нашей славы.
По праву счета болей и утрат.
Пусть этот полдень в памяти хранится,
В ту сторону границу перейдем
По праву мертвых, павших у границы,
По праву ограждающих свой дом.
Но, двигаясь по западу с боями,
Мы продолжаем двигаться и тут
В большом магнитном поле обаянья
Родной страны, где нас с победой ждут.

8

...И наш пейзаж был танками наполнен,
И воздух был до звона накален,
И сквозь пространства медленные волны
Опять ко мне приходит этот звон.
Далекий звон, пронзительный и длинный,
Как свист миноискателя в ушах,
Когда он обнаруживает мину,
На полдвиженья сковывая шаг.
И этот путь, и фронтовые дали
Мне снятся вновь: я снова проезжал
По городам, которые мы брали,
Знакомые дороги узнавал —
Как будто ничего не изменилось.
Все было так, как было в первый раз,
Как будто все, что боем тут дымилось,
Не уходило никогда из глаз,
И Ерошенко мне живым приснился,
И все вернулись на свои места,
И каждый был, и каждый с немцем бился,
Не покидал ни боя, ни поста,
Как будто там, куда мы шли сквозь пули,
Куда был путь в сраженьях проторен,
Уснув, мы памятниками проснулись —
И каждый был в бессмертье повторен.

ИЗ ФРОНТОВЫХ ЗАПИСОК

РАСПУТИЦА

...В этом месте гитлеровцы нас не ожидали. Дороги были непроходимы. Обозы растянулись, машины буксовали, утопали колесами в грязи, и только одна пехота не знала задержки. А впереди шли танки. Внезапными ударами они очищали село за селом.

Отступая, гитлеровцы лютуют, жгут села, угоняют скот, убивают людей. Спасаясь от возмездия, они не всегда успевают сделать свое черное дело. Наши танкисты отбивают у них стада, обозы и тысячи мирных советских граждан, угоняемых в рабство.

...Станция Волочиск. По бокам дороги — трупы лошадей. Разбитые машины, разбитые вагоны, на железных скелетах которых надписи «Ганновер». Вечереет. Конь фыркает при виде трупов. Вдали, за станцией, у края горизонта, — тонкая цепочка берез, закутанных ливнем. Щемящее чувство нежности подступает к сердцу. Березы такие же, как на Урале, но тут около них окопались немцы — и ненависти нашей нет предела.

Женщина ходит по пеплу — здесь был ее дом. Мальчик роется в заваленной квартире, на полу лежат убитые голуби.

— Германия вернет тебе голубей — потребуем, такая статья в договоре будет, — говорит ему боец. — Все потребуем, каждый кирпич, каждую пылинку вернут.

Дальше, за Волочиском, по краям шоссе лежат с 41-го года непохороненные танки.

Еще один убитый город — Скалат. Запах сгоревшей аптеки. Разрушенные здания. Уткнувшись друг в друга — лоб в лоб, — стоят наш Т-34 и «тигр». Немецкие трупы с кольцами на руках. Черные сожженные танки в пепле. Лежат под ногами немецкие артисты — из немецких журналов.

Сказывается отсутствие дорог. Тылы и артиллерия отстали. Необходимо обеспечить доставку боеприпасов. Преследование врага должно продолжаться со всей быстротой. Мобилизовали весь гужевой транспорт. Застрекотали самолеты «У-2»: они сбрасывали на парашютах бочки с горючим, сухари, патроны, сало. Население помогало нам: под руководством саперов расчищало дороги, убирало снег, подвозило бревна и солому для настилки переправ, выталкивало из грязи машины. Работали круглые сутки.

Связисты пересели с мотоциклов на попутные танки, на коней.

Вот боец на лошади переезжает через мост, где сгрудились женщины, девушки с лопатами, со связками соломы.

— А ну, бережись «тигра»! — веселым голосом кричит боец.

Девушки разбегаются и хохочут.

— Чего она у тебя така мала? — говорят они, показывая на лошадь.

— Когда выезжал из дому, большая была, а по дороге уменьшилась, — шутит солдат. И он идет дальше, жизнерадостный уралец, сохраняющий хорошее настроение даже перед боем.

Пожилая женщина с корзинкой и с крынкой раздает танкистам и десанникам пироги, поит их молоком.

— Спасибо, мама, — говорят ей бойцы.

Танк трогается, она бежит за машиной и успевает напоить молоком еще одного бойца. Потом она долго стоит в сторонке и смотрит, смотрит на удаляющиеся громадины танков. В глазах сверкают материнские слезы.

Наступление продолжается.

Станцию Волочиск обороняли смертники, штрафники, осужденные за сдачу Киева. Им приказано было любой ценой удерживать шоссе и железную дороги. Если удержат — будут прощены. Если сдадут — их семьи и они сами будут расстреляны. И немцы дерутся отчаянно. Но устоять не могут.

— Это им не 1941 год! — говорят уральцы.

Гусятин. На станции трофеи: вагоны с лошадьми, продуктами, платформы с новыми «тиграми».

Сотни разбитых машин на дорогах. На крыле одной — медведь. Спрашиваю разведчика Черенкова, сидящего со мной на танке:

— Что это означает?

— Да у них этой чепухи много. Встречаются и подковы, приваренные к моторам. Счастье, значит. Талисман. Да, как видите, не помогает.

...Копычинцы. Чертков. Скала. Вброд переходим Збруч. Каменный берег — наша Украина. Оринино. Каменец-Подольский. С запада, обходным путем, разорвав коммуникации противника, мы ворвались в Каменец-Подольский и освободили его.

Окруженные гитлеровцы мечутся. В Оринине утром сапер пил сырые яйца и пояснял:

— Чтобы лучше кричать «ура!» на немца.

— А что?

— Да они боятся нашего «ура». Вчера мы, пятнадцать человек, пошли на село, как закричали «ура!», побежали они, а было их больше четырехсот. Побросали пулеметы и гранаты.

«МАМАЕВО ПОБОИЩЕ»

С самого начала весеннего наступления челябинцы шли в передовом отряде корпуса. У Ямполья они вошли в прорыв и ринулись вперед на танках, не дожидаясь подхода тылов. Малая Гнилица, Подволочиск, Романовка. Здесь танкисты держали фронт протяжением в 25 километров, прикрывая перегруппировку наших главных сил.

14, 15, 16, 17 марта продолжались бои под Романовкой, в 21 километре от Тарнополя.

В 4 часа дня 16 марта мы выехали из села Киданьцы (где помещался штаб корпуса) с майором Кришталь (через несколько дней он погиб). «Виллис» катит по тарнопольскому шоссе. Вот и Романовка. На КП — комбриг гвардии подполковник Фомичев, начальник штаба гвардии подполковник Баранов, начальник политотдела гвардии подполковник Богомоллов и другие. За рекой, в роще, — немцы. Идет перестрелка. Комбриг попросил собравшихся разойтись с КП.

— Врозь лучше умирать, — шутя добавил он.

В десяти метрах от КП — медвзвод бригады. Бригадный врач гвардии майор Агамалеев, комвзвода капитан Кириллов, лейтенант медицинской службы старший фельдшер Лапин в трудных условиях передовой организовали своевременную помощь и транспортировку раненых в тыл. Бригадному медвзводу полагается быть в трех километрах от передовой, но он располагался на самой передовой не только в Романовке, но и во всех других боях.

В боях за Романовку медвзвод вынес с поля боя, оказал первую помощь и вывез в тыл 50 раненых. Не было транспорта — мобилизовали подводы, использовали попутные машины. Во взводе никогда не скапливалось более 10 раненых. Здесь хорошо себя проявили врач Бахрах, санинструктор Русаков (он погиб сегодня ночью от снайперской пули), санинструкторы Юнусов, Зубкова (из Челябинска), Костина, Радченко. Челябинец, бывший педагог, санитар Рождественский шел к экипажу подбитого танка. Справа появились немцы. Отважный санитар забросал гранатами и уничтожил из личного оружия 11 гитлеровцев и своевременно пробрался к раненым. Он вынес из-под огня противника 23 тяжелораненых и 17 раненым оказал помощь на месте.

ДЕВУШКИ

Санинструкторы Тамара Костина (23-го года рождения, планировщица Уралмашзавода) и Зинаида Радченко (23-го года рожде-

ния, из Свердловска) воюют с самого начала создания корпуса. Все время с бойцами на передовой. Оказывают первую помощь на поле боя.

Рассказывает санинструктор Тося Зубкова (из Челябинска):

— Наши получили четырнадцатого марта приказ начать бой. Мы с батальонным врачом капитаном Печерским выбрали место для медпункта в ста метрах от исходной. Роты пошли в атаку... Раненые. Около сорока человек. Эвакуировали в бригадный медвзвод. В Довжке тоже во время атаки выносили раненых. Ранило минометчика в руку. Пошла перевязывать — перевязала, направила в бригаду.

Подходит минометчик Молчанов, говорит: «На сопке лежит раненый, а там справа, в тридцати метрах, немцы в окопах». Пошла с Молчановым. Подползли — огонь. Замолкли. Раненый — танкист Семенов из первого батальона. Ранен в грудь и в обе ноги (пулевые ранения). Я взяла его за ноги, Молчанов — за ворот, оттащили метров на десять. Подходит их фельдшер, сделали носилки, отправили в тыл.

В этом же бою опять раненый — командир орудия сержант Казанцев из Челябинска. Снайпер — в пятнадцати-двадцати метрах. Только высунешься из-за стенки — по стене разрывными пулями. Говорю: «Казанцев! Ты нагибайся, а я буду наблюдать, откуда стреляют».

Подошел боец, выглянул из-за меня. Выстрел — и убило. Дождались потемок, несли его под огнем по-пластунски. Он уже был к смерти ближе, в голову ранен.

(В рассказах девушек еще чувствуется пульс боя, ритм боя.)

Рассказывает санинструктор Тамара Костина:

— В Романовке взвод Ермакова послали в разведку (пятнадцатого марта) проверить, сколько немцев в лесу. Около леса — домики. Зашли в домики, а их стали обстреливать минами. Ермаков вышел и повел своих к речке. Ранило командира отделения сержанта Степанова в бедро, перебило его автомат, Петина — в ногу, пулеметчика Гаменюка — в голову. Немцы стали бить из пулеметов.

Говорю: «Гаменюк, неси Степанова, а я заберу ваше оружие».

Автомат повесила на себя, только начала брать ручной пулемет Гаменюка, как они открыли пулеметный огонь. Мне все и комбат кричат: «Тамара, падай, не поднимай головы».

Только подниму голову — опять стрельба. Лежала с полчаса.

Потом перебежками, взяв оружие, все-таки прошла к своим. Ребята говорят: «А мы уже приготовили пулеметы — если немец пойдет на тебя...»

Всего перевязала я человек семьдесят на поле боя. Столько дел, и о письмах подумать некогда.

В боях не напишешь, только возьмешь карандаш в руку, как говорят, того-то ранили...

Ранили бойца Беляева.

«Тамара, берегись, по тебе бьет снайпер!» — крикнул ей сержант Засанский.

Тамара оттащила Беляева в ложину, перевязала. Ранили еще одного бойца из роты ПТР. Тоже перевязала.

Около дуба ранили еще двух — Бирюка и Копылова — уральцы.

Тамара подбежала к ним — Копылов был ранен в живот, ранение сквозное, пуля вышла в спину, — оттащила от дуба, подняла одной рукой, а другой стала перевязывать, голову прикрыла сансумкой. Выстрел — прямо по сумке, сумка далеко отлетела.

— Добинтовываю бойца, — рассказывает Тамара, — еще выстрел — в локоть левой руки. Конец бинта выпал из руки. Локтевой нерв перебит, рука не держит. Обидно. В Романовке из-под пулеметного огня вышла, а тут какой-то снайпер подшиб. Плачу, подхожу к ребятам. Курочкин, адъютант командира роты, перевязал меня. Подходит комбат лейтенант Злобин: «Тамара, пойдём вместе, до бригадной санчасти доведу».

Ведут двух пленных. Комбат — им:

«Что вы сделали! Сволочи, девчонку ранили».

А я их тоже: «Сволочи!»

Зло берет.

Рассказывает санинструктор Бовкун Таисия:

— Шестое августа. Высота 227 около Брянска. Бой. Сильный. Крик раненого (тяжело, осколками снаряда в позвоночник): переломы руки, правой ноги, мелкие царапины по телу. Оказываю первую помощь. Беру бойца Платонова, чтобы вынести раненого с поля боя. Когда приближались к нему, нас заметили снайперы. Перевязали, вынести невозможно: сильный огонь артиллерии, минометов, обстрел с самолетов. Увидели маленькую воронку — и решили укрыться все вместе. Стали переносить его: снайпер прострелил мне берет. Раненого оставили в воронке. Пошли за другими ранеными. Снайпер продолжал следить за нами: пули плюхались вокруг и в воронку с водой. В течение полутора часов

нельзя было поднять головы. Платонова ранило в руку. Когда «катюши» дали несколько залпов — противник отошел.

В этот день я перевязала под огнем шестьдесят человек.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Командир отделения, разведчик Анатолий Романов, комсомолец, 25-го года рождения, был ранен 15 марта, в день своего рождения. До войны у него была самая мирная профессия — работал кочегаром на Челябинской макаронной фабрике. Он даже не любил книг о войне. Сушил макароны, лапшу, вермишель, мечтал стать инженером. Работает на фабрике с 14 лет.

— Проработаю смену, — рассказывает он, — потом в кино. Гуляю с девушками. Подходил возраст в армию. Вдруг услышал — создают корпус, подал заявление.

Учился. Потом — фронт. После Брянска получил медаль «За боевые заслуги». За тридцать дней в разведку ходил раз пятнадцать...

Пятнадцатого марта в Романовке послали в разведку боем. Утро. Перешли речку вброд. Двадцать человек. В ста метрах от леса гвардии лейтенант Дмитрюк открыл огонь из пулемета — уничтожил две пулеметные точки. Противник стал бить встречно прямой наводкой — мы засекли его огневые точки. Отходим. Снайпер — по лейтенанту. Задел погоны. Дмитрюк упал. Я через мост переполз к лейтенанту спасти его, и тут меня ранило в ногу. Ранение сквозное. Стал поднимать ногу — не могу. И это в день рождения! «Неужели я проехал четыре тысячи километров от Челябинска до этого места, чтобы меня немец убил? Не выйдет!» — говорю себе и ползу к Дмитрюку. Вместе с Овчинниковым и Пономаренко спасли командира.

В медсанвзвод повезли меня, в госпитале лечат. Но госпиталь другой армии. Спрашиваю сестру:

«А я в свою часть попаду потом?»

«Нет. Раз мы вас лечим — значит, вы потом будете в нашей армии».

«Как же, ведь я доброволец, наша часть добровольческая, своя».

Когда она ушла, я тихонько мешок на плечо — и убежал. Искал своих, сто километров пешком прошел — разыскал.

Романов был награжден за бои под Романовкой орденом Славы 3-й степени. (Это тоже в день рождения!)

Так отмечали дни рождения люди моего поколения.

В РАЗВЕДКЕ

Александр Соколов окончил студию при Челябинском театре имени Цвиллинга. Не успел еще молодой актер привыкнуть к сцене, как началась война, и он добровольцем уходит в армию. В 1943 году после ранения участник Сталинградской битвы, разведчик-орденоносец приезжает в родной Челябинск в отпуск. Услышав о создании Уральского добровольческого корпуса, он спешит в обком ВЛКСМ и подает заявление.

Теперь он — помкомвзвода механизированной разведки. За участие в весеннем наступлении награжден орденом Красной Звезды. Вчера Фомичев — командир Челябинской бригады — дал задание: разведать лес, найти брод и установить, где огневые точки противника.

Взвод разведчиков ушел на задание.

Спуск, затем болото, дальше — камыш, речка. За рекой — крутой подъем, потом поле метров двести шириной, а дальше лес. Сняли шинели, взяли в руки автоматы. Рядом с Соколовым — командир взвода лейтенант Дмитрюк, сержант Пономаренко, рядовой Волков. Взвод разделили на две группы: одна должна подойти к лесу с левого фланга, другая — в лоб противника. Топко, хлюпает вода под ногами. Ночь темная, и только трава поблескивает.

— Прошли метров пятьдесят, — рассказывает Соколов, — слышим: шуршит замерзшая корка земли на той стороне реки (река-то узкая), прислушиваемся: тихо. Думаем, показалось. Идем. Опять хруст, значит, немцы идут по той стороне реки, наблюдают, где мы переходить речку будем, чтобы пристрелять это место. Разведку они пропустят, а части, которые пойдут в атаку, встретят огнем у брода. Так, наверно, думали немцы... Волков заметил, что две фигуры мелькнули на фоне белого снега. Присмотрелись, а там, на склоне, человек пятнадцать лежит. Значит, немцы в лесу есть. Теперь необходимо решить вторую задачу: выявить их огневые точки. Мы рассыпались и открыли огонь сразу из нескольких мест. Немцы побежали в лес, с опушки леса застрочил пулемет. Разведка засекла его на карте. В стороне от леса стоял разбитый дом. Оттуда другой пулемет стал выплевывать пламя. Снова засекли. А левее леса — еще пламя. По всем признакам — миномет. Больше огневых точек не было обнаружено. Итак, задание выполнено. Разведчики нашли брод и вернулись обратно без потерь. Вскоре наша артиллерия подавила обнаруженные огневые точки немцев.

Приходилось Соколову ходить и в тыловую разведку, переодевшись. И здесь его выручало актерское искусство.

Наша беседа была прервана: возле вырытой могилы собрались бойцы и командиры. На земле лежали четыре обгорелых трупа. Перед тем как опустить тело в землю, капитан Павел Чирков, размахивая фонарем, яростно скомандовал танку:

— Смерть немецким оккупантам, огонь!

Танк Михаила Акиньшина выстрелил по врагам.

И грохот и блеск наполнили лес. Еще, еще и еще раз! Четыре трассирующих снаряда один за другим полетели в сторону врага, были слышны их разрывы, и, вероятно, не один фашист заплатил жизнью за смерть наших боевых друзей. Кто-то всхлипнул. Я протиснулся ближе. Над могилой друга плакал капитан Чирков. Среди погибших был и его друг Яхнин.

Зашли в землянку, танкисты ужинали, держа тарелки на коленях.

— Я их, сволочей, давил, с тысяча девятьсот сорок первого года давлю, — сказал Чирков. — Я завтра еще покажу им! — И горе и ярость капитана мы разделяли всем сердцем.

Он учился с Яхниным вместе в Магнитогорске, вместе подавали заявление в корпус, вместе ходатайствовали перед УралВО, чтобы их не разделяли, чтобы послали в одну часть. Сколько боев они прошли плечом к плечу! Экипаж Чиркова в последних боях, пройдя 40 километров по тылам врага в передовом отряде, уничтожил более 300 захватчиков.

...В землянке собрались разведчики и танкисты. Был тут и командир отдельной диверсионной партизанской группы, приданной челябинцам, Григорий Матвеевич Милов. На нем немецкий плащ, немецкий френч. Отряд партизан оказывал большую помощь бригаде. Сегодня ночью они прочесывали село, очищая его от спрятавшихся вражеских автоматчиков.

Мало-помалу в землянке затихло. Некоторые уснули.

...В три часа ночи нас разбудил минометный обстрел: земля ходила ходуном. Вдруг молнией свет в землянку, затем гром разрыва; за шиворот посыпалась земля.

Комбриг Фомичев сидел за столом в глубине своей землянки и разговаривал с офицером связи соседней части. Фашисты накапливаются. Вероятно, к рассвету перейдут в атаку. Минометный огонь усиливался, гитлеровцы били по штабу. Обнаглевшие автоматчики просочились в село и стреляли по дороге, ведущей на КП. К рассвету противник стал обтекать Романовку справа.

Разгадав замысел врага, Фомичев заранее отдал приказ расположить пять танков восточнее Романовки для захода в тыл немцам, а остальные танки — вдоль шоссе, со стороны Романова Села.

Показались боевые порядки противника. Враг имел в своем

распоряжении ручные и станковые пулеметы, автоматы и фаустпатроны.

Комбриг встал на крыло танка и повел часть в атаку.

Начальник штаба гвардии подполковник Баранов тоже сел в свою машину (командиром был гвардии младший лейтенант Ракинцев, механиком-водителем — гвардии старший сержант Гальцев, башнером — гвардии старший сержант Артемьев и радистом — старший сержант Репьев).

...Танки придвинулись к противнику на расстояние 600—400 метров и с ходу открыли по нему артиллерийский и пулеметный огонь, затем ворвались в боевые порядки врага.

Начальник штаба Баранов сам заряжал пушку, а башнер доставал пулеметные диски и снаряды из боеукладки и подавал подполковнику. Баранов подбадривал башнера:

— Хорошо! Вот так! Давай, давай!

Враг огрызался, но, когда ударили танки с тыла, фашистская пехота растерялась и «полезла через танки». С фланга их уничтожали автоматчики капитана Приходько и полковника Смирнова.

Враг бежал по ложине. Танки вслед били из орудий. Было грязно, к сапогам прилипла земля — гитлеровцы бежали, высунув языки, бросая оружие. Падали мертвые, а с ними и живые, притворившиеся мертвыми.

Комбриг спрыгнул с танка и крикнул бойцам, разведчикам, саперам, танкистам, автоматчикам, а также и поварам, и ординарцам, писарям, которые тоже с самого начала участвовали в бою:

— Ребята! Фашист бежит, не дайте уйти! Бейте их!

...Разведчик Тимофеев, бывший слесарь на строительстве Челябинской ТЭЦ, увидел, как гитлеровский офицер упал на бегу, откинув в сторону полевую сумку. И лежит как убитый, прижав к груди наган. А наган на взводе. Тимофеев сделал вид, что не заметил его, проходит мимо. Поравнявшись с ним, Тимофеев быстро повернулся к фашисту и выстрелил в упор.

Подполковник Баранов с экипажем машины пошли очищать поле от врага. В это время в 80 метрах от него, на высотке, появился вражеский автоматчик. Целился в подполковника. Гвардии старший сержант Артемьев, башнер штабной машины, первым заметил это и быстро вскинул трофейную немецкую винтовку, прицелился и уничтожил фашиста.

Бой заканчивался.

...В другом месте произошел забавный случай: немец упал. Бойцы мотострелкового батальона приняли его за мертвого. Разведчик уралец Троешкин заметил, что у убитого немца мигают ресницы. И понял, в чем дело. Громко предложил товарищам:

— А ну, ребята, сбросим его в реку.

Схватили и подняли. Только хотели раскатать и бросить, как немец открыл глаза, поняв, что дело плохо. Дрожит как лист от страха и холода. Ребята засмеялись, повели его в штаб.

Троешкин и Толкачев пошли по селу догонять бегущих и прятавшихся немцев и вскоре привели несколько человек пленных.

Ни один захватчик не ушел. В этом бою враг потерял убитыми около 500 человек. Было взято в плен только разведчиками 100 человек. Каждый боец вел по пять-семь пленных.

Перегруппировка сил была обеспечена.

В этом бою челябинцы разгромили 168-й полк 68-й дивизии противника.

Бой этот назвали в бригаде «Мамаевым побоищем». И он надолго врезался в память челябинских танкистов.

В этом бою отличились многие уральцы-добровольцы: старший лейтенант М. Акиншин, старший сержант А. Соколов, старший сержант А. Худяков, капитан В. Федоров, старший лейтенант Шабашов, сержант Пономаренко, рядовой Волков, лейтенант А. Дмитрюк, связистка А. Котлярова, ординарец комбрига Марк Собко, майор Курманалин, комсорг батальона сержант Долومان, комсорг батальона В. Чернов, командир роты старший лейтенант М. Коротеев, лейтенант Ясиновский, капитан И. Гаськов, офицер Валеев, старший лейтенант Сунцов, батальон капитана Приходько, пулеметчик Гаменюк, офицеры В. Лычков, П. Кулешов, отец и сын Червяковы и многие другие.

ПЕТР ЛЕВШУНОВ

Старший сержант Петр Андреевич Левшунов — командир противотанкового орудия. С самого начала формирования в бригаде. Раньше работал в Челябинске бухгалтером на Кировском заводе.

Старший сын его Василий учился в Свердловске, в машиностроительном институте. С самого начала войны он ушел на фронт. Был ранен. После госпиталя его послали работать в райвоенкомат. Но вскоре Василий снова добровольно поехал на фронт. В бою под Москвой был убит. Петр Андреевич заболел сердцем, месяц не мог ходить на работу.

В 1943 году Петр Андреевич добровольцем ушел в армию, в Уральский корпус. Под Москвой, в Наро-Фоминске, он посетил братскую могилу, где был похоронен его сын со своими боевыми друзьями. На братской могиле надписи и имена. 22 человека. Среди них его сын. Долго стоял отец около могилы. Опустился на колени, и волосы его коснулись земли.

Он ехал на фронт мстить. Младший сын его, комвзвода разведки, доброволец, старший сержант Прокопий Левшунов, служил в другой части, и отец ходатайствовал, чтобы Прокопия перевели к нему в батарею, где он был командиром противотанкового орудия.

«Сообща будем мстить», — писал он в своем заявлении.

Перевод разрешили, но в это время пришло извещение о смерти Прокопия.

...Была снежная, бурная ночь. Мы стояли в местечке Одержаны. Фашисты пошли в наступление. Орудие Левшунова открыло огонь по «тиграм». Били бронебойными — не берет, тогда начали подкалиберными. Послали два снаряда «тигру» в бок и вывели его из строя. Другой «тигр» взял его на буксир, но сосед Левшунова метким выстрелом подбил и этого. Третий «тигр» убил двух наводчиков и замкового, но орудие продолжало сопротивляться: в сердце командира орудия, отца двух убитых немцами сыновей, горела неутоленная ненависть. Следующим выстрелом он подбил третьего «тигра». Четвертый «тигр» повернул назад. Через пять минут появился батальон пехоты противника в 80 метрах от наших орудий. У нас не было пехотного прикрытия.

Левшунов открыл ураганный огонь из своего орудия. Четыре раза гитлеровцы бросались в атаку — четыре раза отбрасывал их огонь орудия.

Убито было 104 захватчика, из них два офицера (на другой день подсчитали). Наши потери — пять убитых и пять раненых.

Местечко было удержано.

ПИСЬМА С УРАЛА

Лейтенант Александр Додонов семь суток не вылезал из танка, контролируя высоту, господствующую над перекрестком дорог, ведущих на Тарнополь.

Через каждые десять минут он докладывал по радио полковнику Фомичеву — командиру Челябинской танковой бригады — обстановку.

....Ночью танкистам привезли боеприпасы, еду и письма. Додонов получил два — от друга и любимой девушки. Он обрадовался, торопливо разорвал конверты, не зная, которое читать раньше. В это время немцы перешли в атаку. Додонов быстро поймал в прицел кромку траншеи, откуда выскакивали фашисты, и нажал на спуск пушки. Он увидел, как разорвался снаряд, и над дымом, на месте разрыва, фигуру фашиста с распластанными руками. «Как в цирке!» — подумал Додонов.

После нескольких метких выстрелов враги залегли. Додонов стал танком уничтожать их. Один гитлеровец побежал от танка в

сторону. Додонов догнал его, но в последнюю минуту фашист обернулся и бросил гранату — брызги металла зазвенели по башне. Уничтожив фашиста, Додонов повернул танк на траншею, утюжил их с яростным ожесточением.

Получив приказ отойти на высоту, Додонов поставил свой танк в укрытие и стал читать письма. Любимая волновалась, почему так долго нет от него писем. «Или ты убит? Но этого не может быть, я верю, ты будешь жив, и ты вернешься ко мне — и только ко мне».

— «Только ко мне!» — радостно повторял Додонов слова любимой. — «Только ко мне!» — шептал он и прислушивался к малейшему шороху впереди, присматривался к каждой травинке, не шевелится ли она, не ползут ли вновь гитлеровцы.

...Непрерывные контратаки, бои. Отвечать на письма некогда. Только на седьмые сутки, когда задача была выполнена и Додонова сменили, предельно утомленный, обросший, с красными, воспаленными глазами, он написал ответы. Сообщил другу, что их экипаж за прошедшие семь суток уничтожил один средний танк врага Т-4, 6 пулеметных гнезд, более 50 фрицев, отбил 12 контратак. В заключение он поблагодарил за письма — как за помощь в бою.

О, эти письма из тыла! Кто из фронтовиков не ждет их!

...Лейтенанту Матвееву восьмилетняя школьница из Миасса прислала свою фотокарточку с надписью: «На память дорогому бойцу от ученицы 1-го класса «Б» Аграновой Эммы. Дорогие бойцы! Большое спасибо вам за защиту нашей любимой Родины от фашистов».

Разве можно спокойно читать эти слова, идущие от чистого детского сердца! И лейтенант хранит эту фотокарточку рядом с карточкой матери.

Делегаты трудящихся Челябинской области, ездившие на фронт, по возвращении домой рассказали тимуровской команде кинотеатра имени Пушкина (Челябинск) о том, как сражаются уральцы. Узнав фамилию, имя и отчество командира одного из батальонов, майора Гоя, тимуровец Толя послал ему письмо:

«Василий Федорович! Я хочу с Вами держать переписку, как с защитником нашего детства. От моего отца два года нет писем с фронта. Василий Федорович, отомстите за моего отца. Толя».

Как раз шли горячие бои в районе Каменец-Подольского. После победы, одержанной здесь нами, майор Гоя выбрал время и ответил Толе: «Толя, что же, будем знакомы!» И рассказал ему о своей жизни, о боях, о том, как он мстил и будет мстить за отца Толи.

Разведчик Шевченко шел по улице Кирова в Челябинске в но-

вых сапогах. Ученик ремесленного училища подошел к нему: «Дядя, эти сапоги я шил!»

— Ну что ж, спасибо! — И они познакомились, и сейчас Шевченко получает от него письма.

Каждый из нас получает письма не только от родных, но и незнакомых людей — и это целое событие для всех. Каждое письмо читается вслух и не один раз.

Старшина Каримуллин и полковник Лозовский воюют вместе два года, не раз стояли плечом к плечу в боях. Однажды, когда прорвались вражеские танки, Каримуллин и Лозовский вдвоем стреляли из противотанкового ружья. Каримуллин заряжал, полковник стрелял. Подбили пять танков. Чудом остались в живых. Каримуллин об этом эпизоде написал домой, в Татарию. И с тех пор его родные в каждом письме сообщают, что они молятся за полковника Лозовского и благодарят его за храбрость.

— Я ему передаю все это, — рассказывает Каримуллин, — а он говорит: «Очень приятно» — и передает им привет...

Фронтовики очень любят письма из тыла — там находится их душа.

ОСВОБОЖДЕНИЕ КАМЕНЕЦ-ПОДОЛЬСКОГО

1

Весной 1944 года началось широкое наступление наших войск с целью освобождения Правобережной Украины.

Участвуя в этом наступлении, 10-й гвардейский Уральский добровольческий танковый корпус под командованием генерал-майора Е. Е. Белова* в марте вел напряженные бои на Каменец-подольском направлении.

Пройдя с боями около 200 километров по тылам врага, корпус вышел на дороги, ведущие к Каменец-Подольскому, двигаясь к нему с запада на восток, откуда немцы нас не ждали. Рейд был совершен по тылам врага двумя колоннами: одна шла через Гусятин, другая — через Копычинцы и Скалу. Обе колонны одновременно, минута в минуту, появились на подступах к городу. Наши части ставили своей задачей взять город с ходу, не разворачиваясь, используя момент внезапности, но авиация противника заметила движение наших танков, и враг успел организовать оборону города. Это обстоятельство меняло наши планы, но не отодвигало сроки освобождения города. Вечером 24 марта Челябинская бригада с боями подошла к хутору Козак.

Утром 25 марта начальник штаба корпуса гвардии полковник А. Б. Лозовский собрал командиров частей и начальников штабов и выслушал их мнение по организации боя за освобождение города Каменец-Подольского, и затем составил уже новый план штурма этого города. Не давая врагу опомниться, танкисты-уральцы пошли в бой.

Ночью мотострелковый батальон челябинцев с двумя приданными танками вытеснил противника из хутора Козак. Противник стал отходить на предместное селение Зинковцы. Разведчики донесли, что из Каменец-Подольского на запад движутся колонны колесных машин врага. Капитан Приходько остановил движение рот своего батальона, зашел в село и расспросил местных жителей, где тут на шоссе есть узкое место — дефиле. Старик крестьянин взялся показать такое место. Приходько направил его на танке в

---

* Евтихий Емельянович Белов — ныне Герой Советского Союза, гвардии лейтенант танковых войск.

Довжок, на перекресток, обходным путем, а сам на другом танке поехал туда напрямик. Приблизившись к шоссе, он услышал немецкий разговор. Приходько развернул батальон в цепь и с боем стал перерезать перекресток, где с одной стороны был овраг, а с другой — болото. В результате короткого боя батальон захватил перекресток и шоссе, движение машин противника приостановилось. В течение ночи фашисты несколько раз контратаковали, доходило до рукопашной. Захватчики пытались схватить наших бойцов живыми, чтобы разобраться, какая часть и какие силы действуют против них. И наши в упор расстреливали врагов. Танки били по шоссе — и вскоре загорелись вражеские машины с горючим, возникли пожары. Гитлеровцы пытались обойти перекресток, но машины в темноте опрокидывались в овраг. Противник пустил «пантеру», «пантера» наехала на свою машину и накренилась, а пушка уперлась в шоссе, не сделав ни одного выстрела. Выскочивший экипаж был уничтожен нашими автоматчиками.

Батальон держал перекресток и ждал рассвета. Рассвет должен был решить все. И вот рассветает, и челябинцы увидели: впереди, на протяжении более двух километров от Каменец-Подольского до перекрестка, в направлении Довжка, образовалась гигантская пробка — колонны застрявших машин противника стояли в три-четыре ряда. Заняв круговую оборону, батальон еще долго держал перекресток, пока наши танки выбивали противника из Довжка. Здесь танки капитана Петрука на протяжении пяти километров шли по шоссе по машинам врага, отступавшего в Румынию. Шедшие сзади части и пехота увидели картину ужасающего пятикилометрового разгрома машин противника.

В 17.20 25 марта началась артподготовка, в 19 часов — общий штурм города. Части полковника Жукова (Свердловская бригада) и полковника Смирнова шли севернее шоссе к турецкому мосту, полковник Туркин обходил город с юга, танкисты полковника Фомичева (челябинцы) шли южнее шоссе на турецкую крепость. Саперы под обстрелом противника подошли к турецкому мосту, который был заминирован, и под огнем прикрытия наших танков делали переправу.

К 22 часам, перейдя вброд реку Смотрич и ликвидировав прикрытия противника у моста, наши части вошли в город с трех сторон. Вскоре весь город был очищен от немцев. Враг побросал артиллерию, танки, минометы, зенитки. Было захвачено 25 пушек, 2 исправных танка, свыше 3000 исправных машин и склады продовольствия. Все дороги вокруг города, улицы и переулки были забиты брошенными машинами. Каменец-Подольск как узел стягивал дороги — отсюда шло шоссе на Проскуров — Тарнополь, по которому двигались отступающие немцы, и шоссе на Скалу, Хотин

и Жвзнец — в Венгрию и в Румынию. И все эти дороги были заполнены брошенными машинами.

Утром был получен приказ Верховного Главнокомандующего. Он объявлял благодарность войскам генерал-майора Белова, полковника Смирнова, полковника Фомичева, полковника Жукова, полковника Денисова. Это была благодарность уральцам — сынам Урала и железу его, его танкам. Нашему ликованию не было границ.

Мы возвращали город к жизни. Красный флаг развевался над родным городом. 26-го утром полковник Лозовский, начальник политотдела Захаренко* и комендант полковник Белов пошли знакомиться с городом. Начальник политотдела полковник Захаренко отличается умением безошибочно выбирать людей. На кожевенном заводе он встретил старика Ивана Ильича, который всю жизнь прожил в Каменец-Подольском и хорошо знал жителей его. Старик радостно встретил советского полковника, обнял его и прослезился: охотно стал рассказывать про город, про людей, кто что может делать, кто какой специалист, кто свой, кто предатель, кто трус. Старик был прям и точен в своих оценках, и он помог нам разобраться в людях. Полковник Захаренко и Иван Ильич искренне подружились.

Политотдел и комендатура приняли меры к возобновлению работы предприятий и учреждений города. Фашисты побросали в реку агрегаты электростанции. Рабочие, несмотря на холод, вытаскивали агрегаты из воды. Электростанция была восстановлена, был восстановлен водопровод. Редакция нашей газеты «Доброволец» помогла восстановить городскую типографию и выпустила первые номера газеты «Красный кордон». Украинский композитор Жуковский** принес в политотдел пьесу «Битва за жизнь» — о борьбе советских людей на оккупированной территории, которую он писал в условиях оккупации. Городской театр приступил к репетициям пьесы. В холодном, разрушенном городе забинтованные артисты, в грязных, неглаженных одеждах, исхудавшие, поседевшие, радостно, словно вновь возвращенные к жизни, поют наши родные песни, готовятся к концерту. Артисты нам рассказали, как обращались с ними гитлеровцы. К каждому театру и к каждой концертной группе был приставлен немец-шеф, который никакого отношения к искусству не имел и ничего в нем не смыслил. Эти стражники измывались над актерами, били их. Шеф балетной груп-

---

* Илья Федорович Захаренко — гвардии полковник, погиб в 45-м году.

** Через несколько лет этого замечательного композитора узнала вся наша страна, но мало кто знал, что его от смерти спасли уральские танкисты.

пы нацист Гауптман, сидя в машине, по дороге на концерт спокойно пересчитывал патроны, хватит ли на то, чтобы расстрелять всех артистов, если попадут в окружение. Приезжали в Каменец-Подольский и гитлеровские артисты для обслуживания гарнизона, «но такие бездарности, — говорит Жуковский, — у них нет ни одного актерского характера. Фашисты, вероятно, с 1933 года никакого внимания на искусство не обращали, а наших актеров, как крепостных, увозили в Германию».

Вскоре были открыты столовые, парикмахерские, больницы. Город возвращался к жизни. Весеннее солнце сияет над ним. Чудесный город на камнях — весь в садах! Фашисты планомерно разрушали его, говорили, что переделают город по-немецки и сделают курортом. Они уничтожали его население. Два раза в неделю, в четверг и пятницу, в час ночи трещал пулемет — это расстреливали горожан.

Когда расстреливали русских, они шли врукопашную на палачей, и после этого стали русским заковывать руки, перед тем как вести на расстрел, рассказывали нам жители.

Уцелевшее население выходит на улицу. Один старик обнял и поцеловал меня: «Это ведь наши!»

На митинге город принял письмо трудящимся Урала, чьи сыновья освободили и защитили город:

«Мы снова с вами в одной великой семье народов Советского Союза, объединенных нерушимой дружбой. Русский и украинский народы всегда были родными братьями и плечом к плечу сражались в битвах против иноземных захватчиков. В русском народе видели украинцы оплот и защиту своей жизни, свободы и независимости.

Свободен наш старинный украинский город Каменец-Подольский. Почти три года он был во власти немецко-фашистских захватчиков и над жителями висел невыносимый гнет и мрак неволи. Много нам пришлось перенести горя, много слез и крови мы пролили в черные дни. Гитлеровские изверги расстреляли, замучили и угнали в Германию на каторгу десятки тысяч мирных жителей города. Фашисты закрыли наши библиотеки, клубы, театры, больницы, школы, институты и музеи. Они уничтожили 12 лучших промышленных предприятий города, разрушили и сожгли лучшие здания и тысячи жилищ.

Освобождение Каменец-Подольского — это замечательная победа славных сынов Урала. Еще далеко на север и восток от нас шли горячие бои Красной Армии за освобождение украинской земли от гитлеровцев, а у стен старинной турецкой крепости нашего города, в глубоком тылу немцев совершенно внезапно появились уральские танкисты.

Враг получил ошеломляющий удар. Его не спасли ни обилие войск и вооружения в городе, ни блестящие природные условия их обороны, ни весенняя распутица и бездорожье. Уральские танкисты-гвардейцы, совершив глубокий рейд в тыл врага, смелым маневром лишили врага коммуникаций и преградили пути отхода ему. Фашисты оставили только в районе города 1500 убитых солдат и офицеров, 600 раненых, 550 пленных. Остальные гитлеровцы в панике бежали, бросив около 3000 автомашин, 25 орудий, 20 подбитых танков, 2500 винтовок, 55 пулеметов, склады с вооружением, боеприпасами и другим военным имуществом.

Враг напрягал все силы, стремился во что бы то ни стало вновь захватить Каменец-Подольский — важнейший узел коммуникации. Немцы хотели здесь вырваться из окружения, в котором они оказались в результате прорыва их обороны войсками 1-го Украинского фронта на участке Тарнополь — Проскуров. В течение десяти суток уральские гвардейцы отбивали отчаянные атаки врага. Силы немцев во много раз превышали силы гвардейцев, танкисты были оторваны от других частей Красной Армии, им не хватало боеприпасов. Но все попытки немцев разбились о железную стойкость уральцев.

Мы с вами теперь еще более родные друг другу. Нас спланивает отныне не только вековая дружба наших братских народов, но и кровь сынов Урала и Каменец-Подольского, пролитая в боях за Родину».

2

Между тем как политотдел и комендатура восстанавливали учреждения города, танкисты продолжали бои. Мы находились в глубоком тылу врага и закрывали дороги немцам, отступавшим в Румынию. 28 марта немцы, имея многократное количественное превосходство в танках и людях, пошли в контратаку на город. Пленные показывали, что Гитлер приказал к 12 часам ночи занять город. Гитлеровцы отчаянно лезли вперед. Но это был Каменец-Подольский — именно Камень над Подолом, и в наших руках он стал неодолимой крепостью. Отличные минеры, челябинцы Стикин, Михайлов, Бубнов, Rogozin В. И., Мотин, Жирнов, магнитогорцы Никитин В. К., Шестопалов К. В. и армейские саперы из части старшего лейтенанта Менделеева Дмитрия Федоровича, правнука великого ученого, заминировали подступы к городу и обороняли их, а танки вышли на дороги давить врагов огнем и гусеницами. Бойцы Приходько — челябинцы — находились в турецкой крепости, где некогда сидел знаменитый повстанец Кармелюк, и отбивали яростные атаки врагов.

Ночью с гвардии старшим лейтенантом Сальниковым я стоял на посту. Противник бил по городу из «тигров», поджег близко деревню. Слышен был визг пролетающих над головой осколков, ракеты непрерывно освещали ночь, по скалам били разрывные пули, гулко отдаваясь кругом. Враг рвался к городу.

Штаб полковника Фомичева находился около турецкого моста.

...За столом — начальник штаба гвардии подполковник Баранов с перевязанной головой. Он ранен осколком в лоб. Напротив телефонист с привязанными к голове наушниками.

— Ну как дела? Плохо? — спрашивает кто-то полковника Фомичева.

— Да где же плохо, это чепуха...

— А что, бывало хуже?

— А как же, в гранаты играли. А тут до этого еще не доходит (то есть на лету ловили гранату врага, кидали обратно — к врагу. Это было под Сталинградом).

Полковник любил говорить четко и лаконично. Приходько сообщает, что боеприпасы на исходе, а немцы идут и идут. «Начбой» получил еще с утра приказания раздобыть боеприпасы, но до сих пор ничего не принес. Энергичный полковник взялся сам за дело, мобилизовал ресурсы всех окружающих. Я первым положил на пол 30 патронов из запасов своего пистолета, все подходили и отсчитывали по 20, 30, 40 патронов автоматных и винтовочных. Вскоре собралась солидная куча патронов.

— Да с таким количеством патронов можно целую деревню взять! — воскликнул полковник.

Санинструктор Загайнова Тоня и врач Гриценко Дора Ефимовна принесли несколько ящиков патронов для трофейных автоматов и пулеметов и множество трофейных гранат. Кто-то сказал:

— Вы молодцы, девушки, вам звездочки можно на грудь за это.

— Нам не награды нужны. Уничтожить врагов — это будет самой лучшей наградой, — ответили они.

Гитлеровцы, отступая, вокруг города, в селах режут мужское население.

— Зачем они это делают? — спрашиваем пленного.

— Ай-ай, — качает он головой.

Близко разорвался снаряд. Окна заходили в доме. Противник бил по городу из «тигров». Снарядом четыре раза сбивало флаг с башни.

30 марта наши зенитчики трофейной зениткой сбили немецкий самолет.

В 12 часов дня опускается в землю тело полковника Смирнова, погибшего вчера при бомбежке города. Был дан общий одновре-

менный салют по всему оборонительному району Каменец-Подольского, салют не вверх, как обычно принято, а по врагу.

Не сумев обратно захватить город, противник стал отступать, отвлекая наше внимание контратаками. Необходимо было выяснить, в каком направлении и где отступает противник, и установить связь со 2-м Украинским фронтом, спешившим на соединение с нами. С этой целью была направлена разведка в тыл врага.

3

Старшим группы разведчиков был назначен командир взвода комсомолец Александр Ярошенко из Копейска. В группу вошли гвардии рядовой Тимофеев, бывший слесарь на строительстве Челябинской ТЭЦ, комсомолец Кочемазов, бывший преподаватель русского языка и литературы Будницкий и другие. Задача: установить направление движения противника, захватить «языка». Двигаться вдоль шоссе, по движению противника, не выпуская его из виду.

В 11 часов утра вышли из города, прошли через передовую скрытно, по бугру, наблюдая за противником и следуя издали за его колонной. В селе Янчницы на окраине разведчики обнаружили обоз противника. Пошли левее шоссе, по оврагу, на расстоянии 500 метров от противника, в направлении населенного пункта Гавриловцы, где обнаружили сосредоточение обоза автомашин и подвод. Решили скрытно, впереди врага, пересечь шоссе, но, достигнув деревни Руда, обнаружили, что там — фашисты. Узнав дом, в котором они поместились, разведчики окружили его. Ярошенко приказал Овчинникову и Будницкому наблюдать за окраиной деревни — за подходом врагов, а сам вместе с Тимофеевым, Лавриковым и Кочемазовым вплотную подошел к дому. Два гитлеровца выскочили — разведчики приказали им сдаваться. Они — обратно в хату. Тогда Ярошенко подошел к окну и наставил автомат. Двое вышли и сдались. Один заперся. Кочемазов перевел по-немецки ультиматум Ярошенко: если не сдастся, то закидаем гранатами. В ответ фашист наставил винтовку на Ярошенко. Наши разведчики могли бросить гранату, но тогда дом сгорел бы — жалко. И Ярошенко рывком подбежал к окну, выбил стекло и направил на гитлеровца наган. Тогда он сдался. Повели. Пленные — обер-ефрейтор, ефрейтор и рядовой — оказались разведчиками 120-го отдельного разведбатальона 20-й пехотной дивизии, приданного 17-й танковой дивизии. Они показали, что против нас действует 17-я танковая дивизия и прикрывает отход немцев в Венгрию, через Хотин. Вооружение 17-й дивизии: 10 «тигров», 3 «пантеры», а остальные танки Т-4. Действуют по всем путям

шоссейных дорог. А также против нас действовали 40-й и 3-й корпуса, в каждом корпусе 3 дивизии. Таким образом, 6 танковых дивизий. Пленные показали, что в первом бою нашей артиллерией из 42 танков 17-й дивизии было подбито 30 танков, а 12 уклонились от боя.

Наши части умело, упорно обороняли подступы к городу Каменец-Подольскому против многократно превосходящих сил противника. Но задача заключалась не только в том, чтобы оборонять город, но не дать врагу уйти.

Разведка доложила, что немцы скапливаются у Днестра, где взорваны все переправы, заполняют кузова машин камнями и с разгона загоняют машины в реку, а затем по машинам переходят Днестр. Таким образом, конечно, могли переправиться только единицы, а техника вся оставалась, да и авиация наша не упускала такого удобного случая. Но, однако, необходимо было полностью разгромить врага. Мы удержали город до подхода общевойсковых частей и затем вышли из города на уничтожение окруженной группировки противника.

КАПЛИ ОКЕАНА

Строки из записных книжек

Сейчас в моде слова «анти», «микро»... «Микрорайон», «микроклимат»... даже есть «микроюморески». Одна поэтесса написала «микропозму», где в каждой главе по две-четыре строки... Возможно, со временем появится «микророман»... «микроповесть»... «микропроза»... Это раздумья вслух — вполухутку, вполусерьез.

В этом разделе я осмеливаюсь предложить вниманию читателя отдельные строки из записных книжек военных лет — как бы отдельные кадры кинохроники о днях войны. Молодой читатель — к его и нашему счастью — не видел войны. Знает ее по стихам и прозе, по мемуарам, по кино, театру и живописи. Возможно, его чуткому юному воображению кое-что скажут и эти разрозненные кадры реальности войны. Мне они говорили много. И в самом деле, нужно ли что-нибудь добавлять к следующему факту.

Повар Кочнев, гвардии рядовой, челябинец, привез на передовую пулеметным огнем обстрелянную кашу, солдатский хлеб, обстрелянный пулеметом. Пули в хлебе!

Вот и такой хлеб ело мое поколение.

(Когда я прочитал эту запись Виктору Бокову, он посоветовал назвать ее «Раненый хлеб»...)

Была бомбежка. Командир Унечской бригады полковник Смирнов стоял в рост, не дрогнув, а когда закончилась бомбежка, сосед заметил, что у него виски поседели.

(Каждый из нас, в том числе сегодняшний юный читатель, может мысленно поставить себя на место полковника Смирнова и ощутить — пусть воображением — то, что чувствовал тогда бесстрашный полковник Смирнов. Какое презрение к врагу! Какая гордость! Можно ли забыть эту сцену?)

КОМАНДА

Е. Е. Белов (генерал, комкор):

— В Харькове мой шофер Гай был контужен во время бомбежки. Я крикнул: «Гай, встать!»

Тогда он механически встал, и тем я его спас. Иначе он так и не вышел бы из шокового состояния.

(Властность, команда в решительные минуты нередко выручали нас и в малом и в большом.)

САМОХОДЧИК:

— В машине начался пожар. Я сначала отгораживался от пламени, потом думаю, нет, не загородишься. Зачем зря гореть — надо спасти жизнь; горячей рукой открыл люк и выскочил.

(Рукой, которая недавно обнимала любимую, танкист, самоходчик нередко открывал раскаленный люк. Кожа оставалась на броне.)

ВОЗДУШНАЯ ДРУЖБА

Подбитый самолет наш, длинно дымя, сел в поле. Друзья долго над ним кружились, проверяя, благополучно ли он сел.

ПОЭЗИЯ В НАЗВАНИИ

Разбудил нас офицер, который с порога браво и молодежато представился:

— Старший лейтенант Двадцать девятой дважды орденоносной — боевого Красного Знамени и ордена Суворова второй степени Железной дивизии.

Это же поэзия! В самом названии!

САМОРОДОК

Фомичев — самородок. Своеобразный танковый Чапаев.

Детство его прошло в деревне. В бедной семье. Отец его, Георгий Кириллович, послал в школу со словами: «Может, из тебя выйдет толк, учись, Миша!»

Полуодетый, он ходил в школу. Окончил четыре класса. Много работал по дому. Работал в совхозе. Был грузчиком. Помощником тракториста, потом трактористом. Вступил в комсомол. В тридцать третьем году был призван в армию, и так он стал танкистом. Воюет с первого дня Отечественной войны.

Воевал под Сталинградом. Продвигались через трупы. Высшая степень ожесточения. Степь. Кроме гадюк, ничего нет. Ложишься спать, боишься гадюк. И эта степь горела вся. Был бой — через два часа сгорело 200 танков.

Потом, после Сталинграда, в Генштабе занимался «тиграми»,

разбирал их по частям. На «тиграх» стоят зенитные пушки.

На Волховском фронте захватили целого «тигра». Стрелять по нему пробовали, снаряд разлетался. На полигоне Фомичев изучал этот «тигр», выяснил его уязвимые места.

Потом сдали «тигр» на выставку, в парк культуры.

Бойцы любят своего комбрига. Никакой надменности, «ранговости» — он всегда с ними разговаривает как равный, как танкист, как друг.

Фомичев звонит «вверх» (в армию):

— Человек поле боя видел, и не раз! Заслужил награду. Я вот наградил сто двадцать человек, давайте знаки! Человек награжден, а на груди ничего нет. Иной раз ведь медаль осколки задерживает.

СЕМЬ ЛЕТ ВОЙНА НЕ КОНЧИТСЯ

Собрали наших военнопленных, освобожденных в Каменец-Подольском. Полковник Фомичев вышел к ним:

— Ну, пойдем воевать?

— Пойдем!

— Почему же не воевали, сдались в плен? Встань! — обратился он к одному из них. Это было во дворе, около штаба, недалеко от турецкого моста (мы находились в окружении, в 200 километрах в тылу). Пленные, в гражданских одеждах, сидели — уже не помню почему, но помню, что сидели на корточках.

— Я был ранен.

— Ну молодец, не боялся, что убьют. На то и война — кого-нибудь должны убить, если бы не убивали — называли бы не войной, а ярмаркой. Вот я ранен и в руку и в ногу, а воюю. Немец-то бежит, надо не пускать его. Я и с хромыми ногами догнью его. А если так всевать, как вы, еще семь лет война не кончится. — Потом Фомичев распорядился дать им завтрак и водку.

Ходил он, опираясь на палку.

Пленные были посланы на передовую, в помощь нашим бойцам. Из них организовали взвод.

В ОКОПЕ

Лейтенант Николаев кидал в окоп — каждому отделению — бумажку (с завернутым камнем — для тяжести): «Держитесь до последнего, не отступать!»

ВЫРУЧИЛ ГВАРДЕЙСКИЙ ЗНАЧОК

Григорий Лукич Брагин (из Нязепетровского района Челябинской области, колхозник), пехотинец, тяжело ранен — спас значок гвардейский. Теперь он носит исковерканный значок.

Гвардейский значок! Ты не только краса и гордость. Ты не только украшаешь грудь гвардейца — ты и спасаешь его!

«МОДНИЦА»

Девушку ранили, она сразу — смотреться в зеркало...

(Милая, милая женская, детская черточка...)

В БОЧКЕ

Посыльный батальона пересидел в бочке, когда немцы зашли в хату.

ПОЧТИ «ФОРМАЛИЗМ»...

Украинская хата. Бабушка. Сказала почти как писатель, склонный к формализму:

— Про эти роки пророки пророковали...

«ВСЕХ ОСТАВШИХСЯ»

Спросили у автоматчика Грачева при вручении награды:

— Сколько вы уничтожили гитлеровцев?

— Тринадцать.

— Сколько еще думаете уничтожить?

— Всех оставшихся.

ЧАСТУШКИ

Частушки были новые, военного времени:

Я по линии ходила,
Санитарный поезд шел.
С перевязанной рукою
Ко мне милый подошел.

КОРОВА МЕЖДУ ОКОПАМИ

Вечер. НП капитана Приходько (мотострелки Челябинской бригады) в окопе — две канавы ведут туда. Наверху людей нет.

Около окопа корова. Глаза большие. Пройдет 50 метров сюда — выстрел. Она — обратно. Опять 50 метров — и демаскирует нас. А немец видит какое-то движение возле нашего окопа — стреляет. Мы ее и палками, и землей, и камнями, она подойдет к канаве, увидит — люди, и стоит, не отходит. Немец бьет по ней. Выпустил около 50 мин. Потом попал. Она упала. Вздохнула — и конец.

Так было жалко.

ВЕС СВОЙ ПОТЕРЯЛ

Грузовик от мины взлетел на воздух, шофер остался жив, говорит: «Даже понравилось — вес свой потерял, тяжести не чувствую».

Длинные палки огней — сквозь ночь, через шоссе. Шум боя или водопада? Длинные палки огней.

Горит село.

Бежит по шоссе пламя — горящий танк. А в нем люди.

О танковый пейзаж!

О воздух танкового боя!

Было ли когда-нибудь в прошлом такое?

В Карачаеве к Таисии Бовкун подошел старшина, попросил перевязать старика:

— Ему спину облили бензином и зажгли за то, что он просил гитлеровцев не поджигать его дом.

«ТЕМНАЯ НОЧЬ»

Шел раненый в руку челябинец. Спрашиваю:

— Что, ранен?

— Да, так попался, — со злобой сказал он, не останавливаясь, и запел: — «Темная ночь...»

Сколько всего вкладывал он в эту песню!

БОМБЯТ СНЫ

Сквозь сон я слышу рокот самолетов. Они бомбят нам отдых, сны бомбят.

Шофер во сне бормочет:

— Трехтонка... «ЗИС» (как имя любимой).

«ПЕРЕГОВОРЫ»

Бой в доме, в Скалате:

— Фриц, драпать будешь?

ВЕТЕР ОТ ВИНТА САМОЛЕТА

В «Комсомольской правде» были напечатаны замечательные стихи, все время повторяю оттуда строки:

А когда я умру и меня повезут на лафете,
Как при жизни, мне волосы грубой рукой шевельнет
Ненавидящий слезы и смерть презирающий ветер
От винта самолета, идущего в дальний полет *.

Прекрасные стихи! Высокая современная романтика!
(Через много лет я узнал, что автор погиб на фронте.)

«ЧЕРНЫЙ ВОРОН»

В батальоне Приходько очень любят песню «Черный ворон». Это звучит потрясающе и трагически: над головами летают немецкие самолеты, а бойцы поют: «Ты не вейся, черный ворон, черный ворон, я не твой».

Под Романовкой было очень много раненых.

— В батальоне Приходько — вот где крови понюхал, — говорит начальник штаба батальона гвардии старший лейтенант Кузнецов.

— Нечего делать, ураганный минометный обстрел, а мы пели «Черный ворон».

Надо было видеть и слышать, как поют русские люди под пулями, среди смерти, эту песню, — и ты бы почувствовал еще и еще раз неистребимое бессмертие народа.

Черный ворон... Он веками вьется над нашей головой. Когда еще была сочинена эта потрясающая песня! А черный ворон продолжает виться над головой.

Мы уберем навсегда его, чтоб никогда не вился черный ворон над нашей головой.

В Каменец-Подольском фашисты горожан живыми закапывали в ямы.

— Он, фашист, пулеметами высечет, минами перемешает и за-

---

* Леонид Шершер.

роет. Увидишь — умрешь на месте. Земля ходила на их могилах, — рассказывала бабушка-каменчанка о казни советских граждан.

— Один спасался полтора года в могиле, в гробу, на кладбище.

— Врач, чтобы не сдаться немцам, отравил себя и семью.

— Семью часовщика загнали в яму — закапывать, а его самого хотели оставить: немцам был нужен часовщик. Но он сам прыгнул в яму.

ИДИ КУДА ХОЧЕШЬ

В Довжке в соломе поймали пленного. Фомичев сказал ему:

— Иди куда хочешь — в Германию...

Он не идет, хватает за руку полковника:

— Пан, я буду работать.

Куда тот — туда и он...

Отправили в штаб корпуса.

(В 1969 году я был в ФРГ. Когда в Бонне мы посетили бундестаг, один из служащих, узнав, что здесь только что были русские, выбежал за нами на улицу. «Нет ли кого с Урала?» — спрашивал он. Оказывается, он был в плену на Урале и благодарно запомнил, как он говорил, «уральское сибирское гостеприимство».)

Мои размышления как бы протянулись от сорок четвертого года до шестьдесят девятого... Да, так мы относились к пленным. Мы были людьми!)

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Врач Дора Ефимовна Гриценко отмечала свое двадцатитрехлетие в немецком окружении (медсанвзвод Челябинской бригады, командир — капитан Кириллов).

Взвод всегда на передовой, продвигается на танке, держа в руках мешки с перевязочными материалами.

(О дни рождения фронтовиков! Где только не приходилось отмечать их! С оружием в руках, с мужеством в сердце вы отмечали тогда свои дни рождения!)

Спал не раздеваясь целый месяц. Где только не приходилось спать на фронте — и на скамейках (брезговал кроватями — после гитлеровцев, они только убежали отсюда), и на стульях, и на полу, и на чемоданах, и на танковой броне, держась рукой за поручень, чтоб не слететь на резких поворотах, и в кузове машины, и в кабине, и даже на оторванных дверях, постелив их вместо матраца... Казалось, никогда уже не придется спать нормально, по-тыловому. Учился и, как лошадь, стоя спать.

В Каменец-Подольском, после большого перерыва, впервые мылся в ванне! Пальцем скатывал грязь с шеи... Уральским ножом скоблил свое черное белье.

«СМЕХ» — ПО ПРИКАЗУ...

Встречный нацист останавливал женщин: «Почему вы не смеетесь?»

(И смеяться надо — по приказу! О, какое «геометрическое» представление у них о людях!)

Из окопов стали показываться поднятые руки, а потом головы — немцы шли в плен.

ТАК И ДОЛЖНО БЫТЬ

В Каменец-Подольском, в театре, померил генеральскую шапку нациста. Не лезет! У генерала голова была меньше моей.

Так, собственно, и должно было быть. Мы — люди. А они — только генералы...

ПИСЬМА

Замполит батальона Денисов:

— Приду к бойцу: «Чего пригорюнился?»

Я ему дам письмо от девушки, их у меня штук десять в кармане. И боец повеселеет.

Я был старателем... Закуривал от свечки червонцем. В получку куплю сукно, расстелю его по грязи и ходил по нему, взъерошив волосы. Я был дуб дубом — в двадцать лет еще грамоты не знал. Приисковый парень...

Армия из меня сделала человека.

НЕ ЗАБЫВАЕТ...

Самолет летит.

— Уже фриц летит, — говорит ординарец полковника Лозовского Каримуллин, — не забывает нас...

И тон ординарца какой-то домашний. Как будто так и надо, как будто это нормально, что фриц летит бомбить нас.

НЕ ЗАХОТЕЛ

Капитан Приходько сказал мне:

— Я сам раньше писал стихи. Бросил. Сказал: «Не буду!» И бросил. Я был бы писателем, хоть и слабым, но не захотел...

ЗАВТРАК

Ранним утром, под Киевом, я шел в штаб армии, который находился в Святошине. Зашел в одну крестьянскую хату. Хозяйка возилась у печи. Я спросил, нельзя ли у нее позавтракать, дав понять, что, конечно, не безвозмездно (тогда очень трудно было с продуктами, и каждый грамм продуктов в любом доме был на вес золота). Хозяйка меня угостила пшенной кашей с молоком. И когда я, по сложившейся тогда привычке, хотел ей заплатить деньги, она отказалась от них со словами: «Что вы, что вы!»

Казалось бы, незначительный факт, но он меня очень взволновал... Я понимал, что мой приход не предвиделся и что она, возможно, отдала свой завтрак... Я не знал, как ее благодарить... И я только унес в душе это волнение, эту благодарность и ощущение, что чем ближе к народу, тем бескорыстнее и лучше человеческая душа.

О женщины,
мне будут сниться
Трагические ваши лица
В страданиях жестоких лет,
В годы
всенародных бед.

ВИДЕНИЕ

Мы остановились в одном небольшом городке; в доме не нашлось постели, и я спал в трофейной машине. Часов в пять утра я проснулся от песни — проходила пехота, и впереди большой группы бойцов шла молодая девушка в солдатской шинели. И все они пели песни, пели самозабвенно. Таксе было ощущение, что эта девушка шла впереди как знамя, как символ, как женщина на картине «Свобода на баррикадах» и как облако лирики. Солдаты были молодыми; по всей вероятности, все они были в нее влюблены, и все ее берегли. Вся эта картина была очень трогательна, я запомнил ее на всю жизнь, и эта картина озарила для меня осо-

бым светом образы наших фронтовых девушек. И когда я встречаю сейчас женщин, которые были на фронте, я всегда помню об этом образе.

А ведь надо было мне выскочить из машины, догнать их, поговорить, записать адреса, записать рассказ об этой девушке и ее окружении — молодых бойцах. Где теперь эта девушка, это далекое видение войны?

...Сегодня я как бы «вырываю» отдельные страницы календаря военных лет — как письма из нашей молодости. Как письма в молодость. В нашу и в вашу — в новую молодость страны.

— Солдат сыт крупницей, пьян водицей, лег — свернулся, встал — встряхнулся, шилом бреется, дымом греется.

— Шинель на рыбьем меху, терпением крыта.

Когда снаряд попадает в башню (танка), не пробив, гул в башне, будто в колоколе сидишь. Мухи в глазах залетают.

Когда танк уходит в атаку, танкисты прощаются.

В Каменец-Подольском в грязи под ногами валялась книга «Наша война во Франции». Я полистал ее. Там была фотография Гитлера на фоне Эйфелевой башни. С одной руки театрально снимает перчатку...

Знал, что он чудовище, а тут понял, что он еще мелкий и тщеславный позер.

Боже мой! Какое ничтожество у власти! И как это могло произойти?

ОДНИМ ГЛАЗОМ

Германия наполнена битым кирпичом, аж глаза мне засорило. Через все лицо наискось лег бинт — пришлось завязать глаз. Гляжу на Германию одним глазом, и все-таки вижу много.

Вижу возмездие. Вижу победу. Вижу век.

Литкружковцы ЧТЗ
(слева направо):
в первом ряду —
М. Львов, Я. Вохменцев;
стоят — В. Вохменцев,
П. Кузнецов. 1936 год.

Солдаты
пишут
письмо.

Капитан П. Чирков.
1944 год.
Польша.

Комбриг Герой
Советского Союза
Фомичев М. Г.
с комбатами.

Старшина
Мордвинцев А.
Рисунок художника
В. Цигаля. 1944 год.
Брянский лес.

Начальник штаба корпуса полковник Лозовский А. Б.
1945 год.

Дважды Герой Советского Союза генерал-полков-
ник Лелюшенко Д. Д. ▶

Герой Советского Союза генерал Белов Е. Е. вручает орден Красного Знамени Пермской бригаде.

Танковый экипаж.

В минуту привала. Разведчики слушают стихи М. Львова (слева направо): А. Соколов, Г. Толкачев, В. Тимофеев.

В атаку!

Дважды Герой Советского Союза генерал Фоми-
чев М. Г. среди боевых друзей. 1945 год.

По дорогам памяти. Ветераны Челябинской танко-
вой бригады и уральские комсомольцы в Трептов-
парке (слева направо): А. Дубинин, В. Тара-
сов, М. Акиншин, бывший комбат Челябинской
бригады генерал Пупков И. С., М. Львов, С. Сыро-
мятников, Н. Година, И. Ляпустин.

ПО ПРЯМОЙ

Лейтенант Лукьянов был контужен, возвращался в часть.

— Фамилию свою даже не выговариваю... Шел из госпиталя. Неохота пешком, да корпус наш, я знаю, уйдет — не догонишь. Увидел «тигр», сел, покрутил, подергал рычаги — поехал. Идет по прямой, а как сворачивать — не знаю. Я не танкист. Так и проехал сто километров по прямой! А там пересел на попутную машину, догнал своих.

ПАМЯТЬ

— Забыл — война затянулась. Забыл — вот голова заболела, война затянулась, — говорил боец Прохоров.

В ГОСПИТАЛЕ

— В госпитале больные держали круговую оборону — немцы окружили. Отбились. Наши пришли на помощь. А через несколько дней — День Победы! Узнали, кричали «ура!». Из корпуса в корпус перебегало «ура», — рассказывает майор Красовицкий.

ЗАРАБОТАННЫЕ ПОЦЕЛУИ

Наши зенитчики сбили немецкий самолет (в Чехословакии). В населенном пункте было — чешские девушки сбежались целовать зенитчиков.

ОЧЕРЕДЬ В ЗАГСЫ

23 июня 1941 года была очередь в загсы. Везде! По всей стране! (Трагично. Высоко. Глубоко. Сколько мыслей вызовет этот факт! Народ рванулся в загсы. Это было и следствием любви и трагедии, и символом бессмертия.)

П. расписался в Свердловске со своей невестой, но свадьбу отложил до возвращения с фронта.

На почтовом ящике, в лесу, на фронте: «Пишите! Дома ждут письма!»

МИШЕНЬ

Если приходит письмо, написанное недобрым сердцем, то на конверте такого письма рисуют мишень и стреляют в конверт.

Так фронтовик справляется с болью...

ФОТОГРАФИИ

В кармане убитого немецкого офицера мы нашли женскую фотографию.

Я был в полушубке, в грязных кирзовых сапогах, я только что ехал на танке, и лицо мое было забрызгано землей.

Кто она?

Я рассматривал эту фотографию в польском доме, где иконы и мухи, и мать божья — с сиянием вокруг чела — похожа на парашютистку (с раскрытым парашютом)...

Кто она?

Может, сложись судьба иначе — я бы прошел рабом возле окон ее?

И чтобы не попасть в рабство, мы убили ее жениха. Ибо он нес нам рабство.

— Книга хорошая, все правда, ничего не наврано, обычно в книгах врут для краски, — так отзывался солдат об одной из книг.

— Целый месяц ползал: бомбежки, обстрел, целый месяц не вставал с земли, — вспоминает пехотинец.

Солдат-татарин:

— Я свой язык не применяю здесь, но не забываю его, ни на что не променяю.

Полька сказала:

— Червони очи у вас, спать хотите.

РАССКАЗ ОРДИНАРЦА

Александр Борисович Лозовский вырос на Смоленщине, в деревне Голенищево. Семья — бедная, крестьянская. Один из братьев погиб на фронте, другой вернулся инвалидом. Сейчас работает в колхозе. А дорога самого Александра Борисовича слилась с армией. После действительной остался навсегда в войсках.

Каримуллин Саитгарай, ординарец его, рассказывал мне:

— Мы с полковником давно вместе воюем. Бывало, и на танки шли. Однажды — под Фастовом — они прорвались к штабу. Нас было пятнадцать человек: я, полковник, генерал и другие — в атаку на танки, «ура!» кричим, немцы убежали на танках.

Другой раз фашисты танками окружили штаб. Полковник хладнокровно вышел. Подошел к нашей самоходке, приказал бить по вражеским танкам. Самоходка стала бить — подбила одного, второго, потом сунула пушку из-за угла — и еще. А полковник взял противотанковое ружье, я заложил патроны, он выстрелил. Танк слепой — ничего не видит. Мы ползли с полковником по-пластунски. Тогда мы подбили пять танков. Полковник был ранен в руку.

Я все о нем беспокоюсь. Ночь, а полковник не спит, занимает свою должность.

Заканчивали Орловскую операцию, у него рука была переломанная.

У нас полковник образованный: сколько ему ни пишут — он все исправляет и исправляет.

Я с ним умереть хочу, я его каждую секунду жалею.

Слушая Каримуллина, я вспоминал рассказ моего дяди, который был денщиком у царского офицера.

Небо и земля! Какой демократизм я наблюдал в отношениях между нашими офицерами и подчиненными! Какое удивительное равенство и человечность! Просто разные должности, но человеческие и гражданские права одни и те же!

РАССКАЗ ПАРИКМАХЕРА

Уже после войны, под Прагой, в городе Кладно я два дня гостил у полковника Хмылова.

Записал почти дословно рассказ его парикмахера:

— Мою стрижку знают в Совнаркоме! Я бывал со своей стрижкой и в Крыму, и около рейхстага.

Четыре года на войне находился, все перемешалось: и Калининский фронт, и Орловский, и Смоленский, и вся Польша, и вся Германия, вся Чехословакия — в памяти у меня такой компот сделался!

Вы думаете, я молодой? Мне сорок четыре года. Я как-никак тридцать лет возле этой работы нахожусь. Я один брил всю бригаду. У меня все ходили стриженные, бритые!

НА МУШКЕ СНАЙПЕРА

Был в Челябинской бригаде замечательный разведчик Александр Ярошенко.

11 апреля он пошел в разведку, с ним — Шевченко, Бабенышев, Троешкин, Низамутдинов, Овчинников, Ларинов, Тимофеев, Флерко, Рябченко. Старший — Ярошенко. По опушке обошли немцев. Завернули в деревню. Осмотрели все пять хат — немцев нет.

Они шли в наступление справа от леса.

На другой день пошли еще раз. Днем. В лесу, в елках, сидят немцы.

Вдруг выстрелы. Ярошенко пал замертво. Шевченко лег в яму — приготовил автомат и гранату. Немцы галдят: «Эй, рус! Рус! Сдавайся!»

Мы выползли на дорогу — по канаве, сделанной танком, — отстреливаясь.

Вернулись к своим.

Пуля разрывная попала Ярошенко в лоб. Ребята забрали его документы, красноармейскую книжку, комсомольский билет (№ 19027497, вступил в бригаде).

Он шел все время на мушке у снайпера.

Такая у разведчиков профессия.

ПИСЬМО РАЗВЕДЧИКА КОЧЕМАЗОВА

Разведчик Василий Кочемазов послал в редакцию газеты «Челябинский рабочий» свою заметку, почему-то она не была напечатана. Я перепечатал заметку, и она мне показалась интересной. Вот она:

«Уральцам в газету «Челябинский рабочий» В РАЗВЕДКЕ

21.07.44 года, получив задание от командования — разведать вост. окраину г. Львова, гв. старшина Соколов Александр Александрович поставил боевую задачу перед взводом.

Группа разведчиков — во главе Соколов — выдвинулась к ближнему зданию. Вот перед глазами замечались по улице в зеленых мундирах немцы. Соколов приказал молодому разведчику-пулеметчику Антонову истребить фрицев, не допустить, чтобы они

попрыгали в подвалах зданий. Скрытно молодой пулеметчик выдвинулся вперед. Вот заработал в молодых руках пулемет. Первая пулеметная очередь заставила залечь фрицев на мостовой. «Славно, — подумал гв. старшина Соколов, — немцев, однако, теперь легче покосить».

«Троешкин, Флерко, — позвал старшина. — Вы выдвиньтесь вон к тому окопчику, около шоссе, да огоньком помогите Антонову, чтобы фрицы не расползлись да не опомнились».

Меткие очереди врезались в немцев.

Скрытно за деревом засел вражеский пулеметный расчет, который не давал возможности продвигаться вперед. Жестом старшина Соколов позвал к себе пулеметчика Кулакова, автоматчиков-разведчиков Бабенышева Владимира и Овчинникова Федора. Обычным своим спокойным голосом сказал старшина: «Вот, ребята, мы встретились с противником. Задача наша ответственная, и выполнить ее надо во что бы то ни стало. Мы знаем бессмертный образ Павла Корчагина. Вот в бою мы и вспомним наших героев минувших боев. Поработаем сегодня на славу. А теперь выдвинемся по кювету и заставим замолчать вражеский пулемет». Молодые комсомольцы смело, один за другим поползли по заросшему травой кювету.

Вот плавно застрочил пулемет и три автомата. Вражеский пулеметный расчет умолк. Смелые разведчики прочистили себе путь вперед к выполнению боевой задачи. Задача была вовремя выполнена без потерь, все разведчики здравствуют.

Переводчик-разведчик КОЧЕМАЗОВ В. С.

Полевая почта 55367-ул.

ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА ПАВЕЛ КУЛЕШОВ

Молодой, высокий, красивый. Все цели поражает первым снарядом. Танк Кулешова назван «Истребитель». Экипаж: стреляющий — Горовой, механик-водитель — Юдаков, заряжающий башнер — Лежнев, радист — Воробьев.

Отличился в боях во Львове.

В Коломые маршал Жуков наградил именными часами: «Командиру взвода, младшему лейтенанту Кулешову Павлу Павловичу. Награждаю вас часами марки «Елога» за № 1130 за отличную боевую работу. Заместитель Верховного Главнокомандующего Маршал Советского Союза Жуков. Действующая Красная Армия».

Пробита осколками кандидатская карточка.

Кулешов рассказывал:

— Был бой. От Славиты влево — закопанные около шоссе пушки. Одна башня только видна. Четыре «пантеры» вдоль шоссе.

Мы вышли из лесу, мне сказал командир батальона: «Вот, Кулешов, есть случай отличиться». — «Есть отличиться!» — ответил я.

Машину вывел из лесу только чуточку, чтобы виден был прицел, машину всю не выводил. Сам стрелял. Со второго снаряда разбил «пантеру», она загорелась. Наша пехота стояла около моей машины во весь рост и кричала «ура!». Вдали, по ложине немцы перетаскивали пушки, я стал стрелять — четырьмя выстрелами разбил...

— Как вы узнали, что подбили их?

— Да колеса, люди кверху летели... Потом бил осколочными по пехоте.

Перед Львовом бои, затем уличные бои. Горового ранило, фаустпатрончик. На улице Зеленой я был вынужден выйти из машины, чтобы вынести раненого Горового. Сам прочесывал из пулемета все окна и двери. Только я опустил пистолет — по пистолету ТТ очередь — разрывными, пистолет исковеркало. Меня ранило...

Лежал в госпитале в Минске. Узнал о присвоении звания Героя.

А потом пошли мы на железные центры Германии! — так отрывочно и скромно о себе рассказывал Герой Советского Союза Павел Кулешов.

Семнадцать лет спустя Кулешов приехал в Челябинск во время своего отпуска, и мы встретились, однополчане, на квартире М. А. Богомолова — бывшего начальника политотдела Челябинской бригады.

Вспоминали боевые дни, друзей фронтовых. И все мне думалось, что о Кулешове надо бы написать целую книгу! Он живой герой будущей книги. Я еще не знаю, кто ее напишет, но чем скорее она будет написана, тем лучше для молодежи, для читателей, для нового поколения, которое знает о войне только понаслышке.

ОФИЦЕР СВЯЗИ

Старший лейтенант Вахтин. В бригаде — с начала формирования. До этого учился в Магнитке.

25 июля вызвал Фомичев — послал в штаб корпуса на танке. Вручил пакеты — от взаимодействующих частей. И от нашего штаба. Командир танка — младший лейтенант Козакевич.

— Дождик прошел, дорога чистая. Подъезжаем к деревне Шоломыя. Летели под гору со всей скоростью. На перекрестке — три «тигра». Опустили пушки — будто подбитые. Вдруг выстрел — первым снарядом угодили в трансмиссию. Выстрелили по «тигру» — подавили. Но еще два попадания — убило заряжающего, тяжело ранило механика-водителя. Танк горит.

Я спрыгнул в кювет, — рассказывает офицер. — Три человека из окопной ячейки: «Хальт!»

А я: «Хальт! Хальт! Мать вашу...» — и выстрелил по ним три раза в упор — в пяти метрах. Они пригнулись, а я нырнул в рожь. Ползу, а сам расправляю за собой рожь, чтобы следа не видно было. Я сбросил разбитые очки. Они подняли, помурчали, помурчали — след мой потеряли. Постреляли по ржи наугад. Прополз метров триста. Пакеты порвал и закопал в яму. До вечера пролежал во ржи. На опушке леса у них артиллерийские позиции. Ходят патрули. Я — в лес. Темно. Лежал около их склада боепитания. Метрах в восьми. Гильзы складывают, звенят. Немцев в лесу полно. Полтора суток пролежал. Думал, сколько человек может пролежать не евши? Слышал, двенадцать суток...

...Бой. Идут наши автоматчики, прочищают лес, в полный рост. Я пропустил первую цепь и встал. Это были ребята из 100-й дивизии.

Я был ранен в руку в танке, еще — две пулевые раны.

Вернулся в бригаду, доложил.

Снова в корпус. Все доставил.

О РАНЕНИЯХ

Капитан Введенский Сергей Михайлович (Пермская бригада) вошел в Прагу на рассвете 9 мая.

Во всех газетах Праги и в кино — его портреты.

Был выслан в разведку в сторону города Угрженевец (13 километров к востоку от Праги), чтобы предупредить союзников, что Прага уже освобождена нами.

Мать ему пишет: «Пусть хранят тебя моя материнская любовь и всевышняя сила».

— Я читаю письмо матери минут пятнадцать — прерываюсь, захлебываюсь.

Чехи спросили его, сколько раз он был ранен.

— Сколько раз я ранен? 15 июля 1941 года — три ранения в голову, под Тарнополем; 23 февраля 1942 года — в День Красной Армии, в день рождения сестры — обгорел на Варшавском шоссе, когда пропускали в глубокий рейд корпус Белова (конника), около Юхнова и Вязьмы; 31 августа 1942 года под Ржевом — в знаменитом бою в селе Михеево — кладбище танков! За полчаса потеряли целую бригаду; в армии Лелюшенко — перелом десятого и одиннадцатого ребер, ранение левой кисти; ранение — на Курской дуге, на Центральном фронте, в 43-м году — в Прохоровке, на Прохоровском плацдарме, в правую ногу, и последний раз — в Польше, в ночном танковом бою под Кельцами...

* * *

Я рассматривал
твою фотокарточку,
Стоя на танке,
кладущем клетчатые следы
на чернозем,
Сидя на связке сена
на летящей на запад платформе,
В госпитале
у переднего края,
Где раненые
лежат на соломе
кругом,
В полях, где мы
убивали врага
И жалели сады под огнем,
В краях, где мы танками
землю вспахали,
Где половина наших друзей
полегла,
Где освобожденные полонянки
посылали нам поцелуи,
А бандеровцы стреляли
из-за угла.
На марше, в пути,
когда мы переходили границу
(Это было в полдень,
Дождь
на асфальте кипел,
Мы протирали стекла кабин
рукавицами,
Чтобы лучше видеть
Европу,
И перед въездом туда
я опять на тебя посмотрел).
И там, где лежали
под ногами
немецкие артисты
из немецких журналов,

Уже за ней охотники пришли.

Нет, я тебя, о жизнь, не обвиняю
За то, что ты недолго помнишь нас.
Такой, как есть, тебя я принимаю
На краткий срок, на молодость, на час.

Меня любила девушка, наверно.
Меня любила девушка. Она
Была, наверно, мне до смерти верной,
А после смерти верность не нужна.

Прости меня, далекая, живая,
Что я тебя при жизни ревновал,
Опасности везде подозревая,
Ступить тебе и шагу не давал.

Но в шесть утра горнисты Измаила,
Как ангелы, трубящие в раю,
Солдата вновь подняли из могилы,
И я опять ревную и люблю.

* * *

Был холод декабрьский, и я возле танка
На польском асфальте плясал «Сербиянку»,
Чтоб только согреться на звонком ветру,
Пронзительном, злом, и, увидев славянку,
Бойцу подносившую в рюмке сливянку,
Тебя вспоминал на далеком юру.
И думал с тоскою: «Теперь хорошо бы,
Как после работы и после учебы,
К тебе возвратиться домой на Каштак».
И мой экипаж согласился: еще бы!
Давно бы зазноба спасла от озноба,
И рюмку она поднесла бы не так.
И мой экипаж согласился. Конечно,
И танки не вечны, и войны не вечны,
И мы возвратимся когда-то домой,
Родных и друзей расцелуем, обнимем,
И сядем за стол, и чокнемся с ними,
Но путь наш домой
Лежит через бой.
Со мной ничего не посмеет случиться,

1. The first part of the report is a summary of the work done during the period covered by the report. This summary should be brief and to the point, and should cover the main results of the work.

2. The second part of the report is a detailed account of the work done during the period covered by the report. This part should be written in a clear and concise manner, and should cover all the important details of the work.

3. The third part of the report is a discussion of the results of the work. This part should be written in a clear and concise manner, and should cover all the important details of the work.

4. The fourth part of the report is a conclusion. This part should be written in a clear and concise manner, and should cover all the important details of the work.

Я должен любить еще, жить и учиться,
Об этом я знал и за крайней чертой,
Когда ничего уже не оставалось:
Ни сил, ни патронов, лишь только усталость,
Когда я держался на хватке одной.
Я с детства учился так в жизни держаться,
Так впутаться в жизнь, так с нею связаться,
Так крепко ее привязать у седла,
Чтоб жизнь от меня не могла отвязаться,
Чтоб жизнь от меня не могла отказаться,
Чтоб жизнь без меня обойтись не могла.
Да, верю я в жизнь, и не ставь мне в вину ты
Ни это пристрастие, ни эти минуты.
Мальчишкою тоже меня не зови.
Ведь молодость хочет быть абсолютной —
И жизнь принимать от салюта к салюту.
И хочется верить тебе и любви.
Опять протяни мне далекие руки
Сквозь версты разлуки, сквозь горькие муки,
Подругою верной, порукою будь.
Затянута жизнь пулеметною лентой,
Как зимы снегами, как ливнями лето.
Благослови.

Мы выходим в путь.
Далеко-далеко от скал Таганая,
Военную славу свою обгоняя,
Уралец-танкист на битву спешит,
Покинув землянку, выходит он к танку,
А вьюга рисует на окнах землянки
Булатный рисунок его души.
Над нами полощет военное знамя,
Опять пулеметными очередями
В бою измеряется жизни длина.
И утро в сиянии артиллерийском
Встает над Малькове, над Велька-Лазиском,
Над Польшею. Доброе утро, война.

* * *

Будет время — покажут
Вам о фронте кино.
А пока же, пока же
Это нам все равно.

Сколько мертвых воскреснет
На экране тогда!
О погибший ровесник,
Оживай без труда!
Удивленно и странно
Из ночей фронтовых
Мы посмотрим — с экрана,
С полотна — на живых.
Будто пули не взяли
Нас, под корень рубя,
И, печальную, в зале
Я увижу тебя.
Нам уже не обняться:
Мы из разных миров,
Нам уже не прорваться
Сквозь незримый покров,
Для тебя, как виденье,
На экране, в огне,
Я мелькну на мгновение,
Как в вагонном окне,
И со мной — побратимы,
Все — в закат. На закат.
Это необратимо,
Нет дороги назад.
Опечалась красиво,
Боль сожмешь у виска.
И на этом спасибо.
И прощай! На века!

* * *

Опять отъезд на фронт, и снова
Я рву бумаги и дела.
И снова в роскоши пуховой
Метель над городом бела.
Опять в окно гляди устало
И слушай вечную гармонь.
Опять горящие вокзалы,
И снова снег летит в огонь.
Еще не выписан нам отдых,
Бессмертным именем любви
Благослови меня на подвиг,
На мужество благослови.

ВАГОНЫ

От перегона
до перегона,
Всюду,
куда ни кинешь
взгляд,
Непохороненные
вагоны
С сорок первого года
лежат.
(Колеса
в сторону отлетели,
Впутались
в тонкие ивняки.)
И оплетает
свежая зелень
Их обгорелые
костяки.
...Колючая
провода
колет
глаза нам,
Воронка
водой прошлогодней
полна...
Живые вагоны
бегут
на запад,
Откуда пришла
война.

ПИСЬМО

Возможно, будет мрачная погода,
Тебе покажется, что мало строк,
Что я тебя забуду за полгода,
Раз полстраницы написать не смогу...
Не доверяй погоде и досаде
И хоть открытку в ящик оброни.
Торопимся к берлинской автостраде
И письма пишем, не сходя с брони.

ИЗ ДНЕВНИКОВ ПОСЛЕДНИХ ПОХОДОВ

Рассвет 13 января 1945 года. Завислинский плацдарм. Сильная артподготовка — более двух часов. Задача: разбить передний край противника, расстроить управление войсками. На десятки километров между пушками нельзя проехать — 360 орудий на один километр, не считая «катюш» и «андрюш»... И вот фронт прорван на участке длиной в 6 километров. Армия генерала Лелюшенко входит в прорыв. Ночь. Темнота. Дождь, снег, слякоть. Передний край врага густо минирован. Крепко поработали минеры, очищая проход войскам. Опорные пункты врага обходим и с тыла уничтожаем.

— Зачем идти на города — сколько домов там, кирпича, бить долго, — и мы обходим города и идем дальше. Немцам придется нас «догонять», чтобы повоевать с нами... — говорит гвардии полковник Белов П. Д.*

...Далеко позади 41-й год. Позади переломный год — 43-й. Позади — 44-й. В биографии Уральского корпуса — бои на Орловском плацдарме, Каменец-Подольская операция, Львовская, Сандомирская и вот — Германия. Через сколько препятствий приходилось до нее добираться! Одних только рек сколько пришлось форсировать саперам части капитана Губина: Смотрич, Прут, Висла, Варта, Одер, Бобер, Нейсе, а позднее — Шпрее, канал Тельтов, около Ванзее (а позднее в Чехии — Влтава...).

Бойцы-уральцы проявили чудеса героизма, воинской доблести и мужества. В труднейших условиях приходилось брать водные преграды. Река Варта была форсирована с ходу стремительным броском танкистов капитана Скринько и взвода саперов и автоматчиков — челябинцев. Когда танки лейтенанта Юдина и старшего сержанта Свирчевского под прикрытием огня других машин на полной скорости мчались к мосту, саперы Ключик (челябинец, бывший помощник машиниста в Картах), Алабужкин, Хмелевских и другие, вступив в схватку с немецкой охраной моста, руками рвали провода от заложенных мин.

Немцы подожгли танк Свирчевского. Экипаж не вышел из машины, а на всей скорости ударил в дом, где засели немцы.

Уральские танкисты перешли границу Германии и вошли с боем в немецкий город Шеленбург.

---

* Ныне генерал-майор танковых войск.

Около Штейнау саперы под командованием магнитогорца Шестапалова делали переправу через Одер. Лед был оторван от берегов метра на три: саперы, по грудь в воде, соединяли лед и берег досками и бревнами и буквально на руках пропустили артиллерию, минометы, боеприпасы и крупнокалиберные пулеметы.

Стремительное движение в центр Германии.

Все дороги заполнены толпами освобожденных военнопленных всех наций; по краям шоссе с повозками, на велосипедах, пешком движутся англичане, французы, канадцы и даже итальянцы (это пленные «позднейшего происхождения»: в конце войны, как известно, итальянцы воевали с немцами). Гигантская рабовладельческая страна разваливалась на наших глазах. Таща за собой на велосипедах, в колясках, на спине свой скудный скарб, бывшие пленные шли и шли. Восторженно приветствуют советских бойцов и офицеров.

— Франция? — спрашиваем мы группу военнопленных во французской военной форме.

— Иа, иа, Франция! — отвечают они радостно.

— Домой? — И мы показываем рукой в сторону нашей Родины. Там, на Черном море, вероятно, ждут французов и англичан пароходы.

Домой! Домой! Домой! Нужен был гигантский документальный фильм, чтобы запечатлеть то, что творилось на дорогах фашистской Германии в последние часы ее жизни. Нужны кадры потрясающей силы, чтобы сохранить для истории рисунок этого дня в память и назидание будущим поколениям.

24 апреля под Берлином уральцами был освобожден бывший президент Французской республики Эдуард Эррио.

Он был рад, как ребенок, благодарил полковника Фомичева и всех челябинцев за свое освобождение. Его арестовал Лаваль и передал немцам. Немцы пытали его. Он сидел в тюрьме в Париже; когда американцы стали подходить к Парижу, вывезли его в Берлин, затем в Далем (под Берлином), где он находился под надзором двух гестаповцев. Наши танки помешали им вывезти Эррио из госпиталя и учинить расправу.

По улицам бродят немцы — старики и дети, женщины, старухи. На руках у них белые повязки. Одни пристально вглядываются в наши машины, некоторые проходят мимо, не поднимая глаз, но все с готовностью отвечают на вопросы. На домах — белые флаги. Вся Германия в белых флагах и повязках. Толпы немецких пленных. Многие в очках, рыжие, небритые, в грязно-зеленой фор-

ме, тут и фольксштурмовцы — старики и дети. Заходим в дома. Кругом валяется награбленное со всего мира добро — французский хрусталь, наша мебель, ковры со штампом наших артелей и фабрик. Приходилось видеть и наши сапоги и даже ручки «Прометей». Комендант города Мюнхенберг показал нам каслинское литье — каслинского чертика, каким-то образом вывезенного в Германию.

На улицах немецкие плакаты, на домах надписи: «Каждый — 10!» (это значит, что каждый фольксштурмовец должен убить 10 русских — тогда они надеются победить), надписи: «Не сдадим Берлин!» И все-таки пришлось сдать.

Штансдорф — предместье Берлина. Да, мы в Берлине! Челябинцы в Берлине! Уральцы замаскировали свои танки в садах берлинских пригородов, челябинцы-разведчики пробираются во вражескую столицу, уральские снаряды рвутся в роскошных апартаментах нацистских главарей. И вот в дождливый день в предместьях Берлина под грохот и разрывы Герой Советского Союза полковник Фомичев вручает ордена Славы челябинцам Тимофееву, Романову и другим.

Начальник штаба корпуса полковник Лозовский показывает нам карту: Берлин лежит, подобрав черные смятые крылья.

30 апреля, 1 мая — контратаки немцев. Самые горячие бои происходили 1 мая. Берлинская группировка немцев пыталась прорвать кольцо окружения и выйти на запад. Немцы шли стеною. В лесах бродили десятки тысяч «неуправляемых фрицев», которые также пытались прорвать кольцо окружения и выйти на запад. К исходу дня 1 мая контратакующая группировка была ликвидирована. Пленных некуда было девать, не хватало загороженных мест, не хватало тех самых бараков и лагерей, которых здесь построили много, думая сгонять туда рабов со всего мира.

2 мая Берлин был взят. В приказе Верховного Главнокомандующего была объявлена благодарность также и войскам генерал-лейтенанта Белова, это значит уральским танкистам, челябинцам, Уралу!

Мы бегло ознакомились с Берлином, побывали в рейхстаге. Серое мрачное здание. Кирпичом заделанные окна. Львы с отбитыми лапами. Железные всадники на крыше — символ прусского милитаризма. Бранденбургские ворота, через которые уже однажды в истории входили русские войска.

Берлин — город развалин. Целые кварталы буквально выхвачены бомбежкой. Кругом гигантские воронки, заполненные водой, — как озера. Дома, как подводные скалы. Здания на целый квартал. Догорают дома с выющейся зеленью. Дым вьется сквозь зелень. Наши танки в парке. Деревья парка в ссадинах от «прислонившихся»

танков. Жарко от горящего дома. Свисают срезанные провода. Идут пленные германские офицеры.

Они, мечтавшие когда-то проводить парады в Москве, с опущенными головами, под конвоем, идут по своей столице... Одна женщина уцепилась за мужа — хочет с ним идти в плен... Дети подходят к машинам, просят хлеба. Мы их кормим. Немцы очищают улицы под наблюдением наших солдат. Одежды берлинцев в кирпичной пыли подвалов. Слышится скрежет лопат об асфальт. Повалены железные фонарные столбы. Чужой наказанный город.

...3 мая корпус тронулся в новый рейд — в Чехословакию. На машинах, на кузовах которых еще красовались надписи «Вперед, на Берлин!», мы уже ехали из Берлина, на юг, на юг. Обступили леса.

— У нас на Урале сосны лучше, чище, стройнее, — говорит майор Алексей Шапкин.

Лежат конские трупы, раскидав копыта. Лежит мертвый фашист, вытянувшись во всю длину. Но земля длиннее его.

На дорогах пробки. Генерал-полковник Лелюшенко идет пешком вдоль колонны, торопя отстающих, «разгоняя пробки». Земля холмами предупреждает о приближении гор. Перевал. С гор бегут ручьи. Танки повисают над кручами, готовые вот-вот сорваться.

6 мая мы были уже в Чехословакии. Наши танки шли со скоростью 35—40 километров в час, с боями. Города: Теплице-Шанув, Мост, Хомутов, Лоуны, Слани и Прага. Приказ: 10 мая освободить Прагу. В ночь с 8 на 9 мая челябинские танкисты полковника Фомичева вошли в Прагу, с ними вошел и 3-й танковый батальон Пермской бригады под командованием капитана Введенского. Полтора часа длились уличные бои. Чешские партизаны и повстанцы активно помогали нашим войскам, зачастую следуя за танками, как пехота. Утром был освобожден центр Праги. Староместная площадь, парламент.

У здания парламента похоронили погибших танкистов.

Вдоль шоссе, по улицам выстраивались гигантские толпы, тысячи рук были протянуты к нам. Каждому хотелось потрогать шинель русского человека, пожать ему руку, поближе посмотреть на него. Женщины бросали цветы на танки. Ребята подхватывают цветы, размахивают ими. Обдав пылью и копотью шелковые платья, танк идет дальше.

Многие чехи выучили наши приветствия и отдельные русские слова и кричат нам: «Здравствуйте, молодцы», «Доброе утро» (если даже был вечер, а порою кричали: «Доброй ночи» — утром). Порою, здороваясь, говорили «до свиданья» и, прощаясь, «здравствуйте»... У чехов есть одно универсальное приветствие «наздар» и для прощанья и для встреч. Корни большинства слов русских и

чешских совпадают. Недаром один поэт писал: «Слово каждое было мне ясно, словно к предкам пришел сквозь года».

Когда мы шли на Прагу, к шоссе сбегались люди со всех окраин, городов и сел. Они бежали за десятки километров по шоссе, чтобы только посмотреть на русские танки, на русских людей. Мальчик в простоте душевной хлопает нашего генерала по спине: «Декую», — говорит он («Благодарю»).

В Праге всю ночь чехи разбирали баррикады. Они ставили на дорогах фонари и свечи, чтобы осветить путь нашим машинам.

Старик чех рассказывал нам, как фашисты расправлялись с ними: малым детям выкалывали глаза, вырезали носы, распинали. Восставшие пражане с голыми руками шли на эсэсовский городок, женщины строили баррикады, по радио повстанцы обращались к нашим войскам, прося прийти им на помощь. Мы пришли. Чехословакия свободна.

Чехи просили на память красноармейские звездочки, и тот, кто получал звезду или звезду от погона, прицеплял ее к отвороту пиджака и ходил героем, гордо выставляя ее напоказ — бочком вперед...

День Победы 9 Мая мы встретили в Праге. Вся Прага стреляла в небо. Это была самая красивая стрельба.

Вспоминаю один эпизод. Навстречу движется на мощных дизелях немецкая колонна — идут сдаваться в плен. У всех немцев мрачные лица, опухшие, перевязанные руки, головы.

И только один молодой гитлеровец, при всех крестах, разгуливал по шоссе, пока колонна стояла, и покуривал, небрежно глядя по сторонам. «Этот еще не сдался», — подумал я.

Прага — красивый город, в нем один миллион жителей; в городе много старинных зданий, более 100 костелов. Здесь имеется знаменитая музыкальная школа Фридриха Смётаны, основанная в 1848 году, пражская ратуша, основанная в 1338 году, башня ее высотой 70 метров построена в 1564 году. Фашисты разрушили здание пражской ратуши. Центральная площадь Праги — Староместная — возникла в XIII столетии, здесь происходила торговля, затем турниры рыцарей, затем казни, а сейчас это место собраний и митингов. На площади находится дворец графов Пинских — чешских патриотов, памятник Яну Гусу.

Правский кремль — Градчаны. Знаменитый храм святого Вита, строившийся 600 лет.

Мы были на Гибернской улице, где находится дом, в котором Ленин в 1912 году открывал Пражскую конференцию.

Разрушений в Праге немного, стремительное наступление наших войск не дало фашистам возможности осуществить начатые ими взрывы крупнейших зданий города.

В конце мая мы уезжали из Чехии. Чехи плакали, провожая нас. — Едете к маме? Домой? — спросил нас мальчик в Праге. Майор Шапкин обнял его и поцеловал.

Мы увезли с собою самые лучшие воспоминания о Чехии, самые дружественные чувства и мысли о братском чешском народе.

Переехали границу. Стосковались по Родине.

— Не мог насмотреться на свой народ, — рассказывал боец.

После долгой разлуки мы подъезжали к Челябинску. С каким волнением мы вошли в город! С каким восторгом мы встретили своих друзей — они приезжали из Берлина, из Будапешта, из Токио... Так далеко простерлись пути нашего поколения.

Прага — Челябинск,
1945—1946

ПЛЕННЫЕ

Маршируют немецкие пленные
По асфальту немецких дорог.
А дороги у немцев — военные.
Хороши для парадных сапог!
...Где удары по площади мерные
И колонн автоматная жуть?
Вспоминают иные, наверное,
От парада до плена свой путь.

ВЕНСКИЙ ЛЕС

А. Шапкин

Повороты резкие,
Тихих троп изломы,
Мимо леса Венского
Пролетаем с громом.

Под жарою летнею
Машет головою
Дерево столетнее
За сплошной листвою.

А радист колышется
На броне, как дома, —
Голос не послышится ль,
Издавна знакомый?

Но с нездешним отчеством
Наша Карла Доннер —
Может, пулеметчица,
Может, дома — донор...

И, гремя железами,
Дальше, по указке,
Едем мимо леса мы,
Мимо «Венской сказки».

СКОРОСТЬ

Мчится наш «виллис»
  сколько есть духу.
Словно свергаясь
  с высоких гор,
То присвистывая,
  то глухо
Ветер хлопает,
  как коленкор.
(На неожиданных
  поворотах,
Где мы влетали
  почти в вираж,
Львы
  подпрыгивали на воротах,
Когда подпрыгивал
  «виллис» наш.)
И обгоняем
  в пути пехоту мы,
И танкистов,
  своих и чужих,
Скорость не третья,
  скорость — сотая,
Не просто скорость,
  а скорость-вихры!
Сколько верст
  пролетим мы за день!
Нравится мне
  скоростной этот ад.
Только ветер
  плещется сзади,
Только столбы
  по бокам свистят.
Ждут нас
  сегодня в Чехии к ночи,
И, от гибели
  на волоске,
Так мы любую смерть
  проскочим
Без остановки,
  налегке.

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ

Павлу Чувизову

Отбоя нет от толп народных
Верст семьдесят подряд,
Как будто здесь не марш походный,
А вышли на парад.
А нам нельзя и раскричаться —
У нас в зубах песок.
А нам нельзя и целоваться —
Песок к губам присох.
Мы отвечали, как умели,
Восторгом шумных сел.
Но только танки все шумели,
Водитель молча вел.
Еще мы павших не забыли,
И больно нам кричать,
Пусть нас простят.

Мы победили.

Нам можно помолчать.

* * *

Как будто я за веком следом ездил,
Его дыханье трогало меня,
И спал, и стыл я на его железе,
И обжигался у его огня.
Я с ним узнал и тишину и грозы.
Мне от него ни душу, ни глаза,
Как руку от железа на морозе,
Без крови оторвать уже нельзя.

СНИМКИ

В отцовском доме за стеклом, как в дымке,
Висят мои мальчишеские снимки —
От года к году старше и суровей
Лицо, улыбка, сдвинутые брови,
Как будто я, старея на ходу,
Сквозь галерею мальчиков иду.

* * *

Я вижу

старость своего отца

Как собственную будущую старость...

И думаю с беспечностью юнца,

Что сам я

вечно молодым останусь.

Да, я еще считаюсь молодым,

И сердце очень юношески бьется.

Но мне придется тоже стать седым,

А может быть, и даже не придется?..

Отец, отец, я в том не виноват,

Что я из поколения такого,

Которому стареть не разрешат,

Чей возраст будет снова атакован.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ПУТИ

МАГНИТКА

Н. С. Патоличеву

Было: годы подряд
Били в небо зенитки.
Каждый третий снаряд —
Из металла Магнитки!

И стальная пурга
Сколько с неба свергала
Самолетов врага!
Над Берлином сверкала!

В те далекие дни
Мы в боях, как титаны,
Накрошили брони!
Наломали металла!

За разрядом — разряд.
За зениткой — зенитка!
Каждый третий снаряд
Подавала Магнитка.

И, врага сокруша,
Возвратились мы, правы.
Торжествует душа
От победы, от славы.

Город — кузница гроз!
Хоть мне все тут знакомо:
Здесь когда-то я рос,
Жил у домны, как дома, —

Я опять удивлюсь
Этим башням огромным
И тебе поклонюсь,
Поклонюсь твоим домнам!

Эти домны — святые!
Говорю, понимая:

— Приносить бы цветы

им

Девятого мая!

СВЕРДЛОВСК

У каждого города
Есть облик и имя,
Достоинно и гордо
Носимое ими, —
Живи и влюбляйся
В родные названия,
В одни — углубляйся,
Другими — позванивай!

У мыслящих граждан —
Какое сомнение! —
О городе каждом
Есть личное мнение...
Для каждого

город

По-своему памятен,
По-своему дорог
Для сердца, для памяти...

Вот еду я тоже,
Курьерским звеня,
И думаю: «Кто же
Свердловск для меня?»
Я с детства запомнил
С восторгом законным:
— Столица Урала! —
(А это немало!)
Он был мне «Свердловией»,
Кипением нашим,
Был вздыбленной новью,
Родным Уралмашем;

Он. крупным и малым
Мне дорог до крайности:
И «Штурмом» — журналом,
Мной читанным в ранности,
И встречей со «Штурмом»,
И встречей с Куштурмом,

Читален уютностью,
Годами учебы,
Рабочего юностью
Бориса Ручьева,
И мудроголовым
Уральцем Бажовым,
Его «Малахитовой
Шкатулкою» сказочной —
Читай-перечитывай —
Жизнь кажется сказочней!
А в буре

атаковой
На линии главной —
Бригадой был
Танковой
Свердловскою, славной!
Ворочал он горы,
Ковал он победу.
А нынче

он город,
В который я еду, —
Свердловск семилетки,
Свердловск самоцветов,
Поры-семицветки,
Рабочих рассветов,
Который немыслимо
Пытаться объять,
Который

лишь мысленно
Могу я обнять.

УЧИТЕЛЬ

Клинок согнул он, как дугу,
И отпустил, и просвистело
Стальное кованое тело
На устрашение врагу.

Тот мастер был учитель мой.
И если я начну сгибаться,
То, вспомнив прежний путь прямой,
Со свистом буду распрямляться.

* * *

Мне нелегко. Но легче мне не надо.
Пусть будет тяжелее нам вдвойне,
Кто не забыл о вьюге Сталинграда
И о друзьях, убитых на войне.
И за себя отныне жить нам надо
И за погибших сверстников своих.
А легкость жизни, легкость слов и взглядов
Была бы оскорблением для них.

ПОТОМКАМ

В этом мире мы жили влюбленно
В окруженье друзей и врагов,
Раскрывая глаза удивленно
На цветные разводы лугов.

В этом мире мы жили пристрастно,
Не сдавая позиций врагам.
В этом мире мы жили прекрасно,
Как мечталось, как думалось нам.
А хотели б сменить мы эпоху?
Жить позднее на век иль на час?
Нет, нам в этой эпохе неплохо,
Вы живите в своей лучше нас!

* * *

Мы в землю стольких положили,
Мы столько стойких пережили,
Мы столько видели всего —
Уже не страшно ничего...

И если все-таки про войны
Я думать не могу спокойно
И если против войн борюсь, —
Не потому, что войн боюсь,
А если даже и боюсь —
Не за себя боюсь — за тех,
Кто нам теперь дороже всех,
Кого пока что век наш нежил
И кто пока еще и не жил,
Кто ни слезы не уронил,
Кто никого не хоронил.

ЖЕНЫ ПОГИБШИХ

Я их на улицах встречаю
В год раза два, а то и раз,
Среди забот своих, случайно,
Бегом куда-нибудь несясь.

Мгновенно схватишь перемены
И увядания черты,
А я их помню довоенных,
Роскошных, майских, как цветы,
С друзьями под руку своими,
У институтского жилья.
Навек остались молодыми —
Двадцатилетними мужья.
А им — тоска о них навечно,
И даже дети не у всех.
Другая молодость беспечно
Проносит мимо шум и смех.
...Пойдешь задумчивой походкой
И горько думаешь про то,
Что им — мужей, тебе — погодков
Не возвратит уже никто.

* * *

Порой приходит по утрам
Такая вдруг неуязвимость,
Такая вдруг непобедимость
Порой приходит утром нам.
Ведь утро — это юность дня,
И, словно в юности, сегодня
Я с новой силой к жизни поднят,
И юность в сердце у меня.
А вечер — старость. И, устав,
Ты уязвимее под вечер,
Уже «кладешь язык на плечи»,
Верст двести за день пробежав.
Не вечер утра мудреней,
А утро, думается, все же —
Оно сильнее и моложе,
Еще на солнце нет теней;
Мне по утрам не тридцать семь,
Мне по утрам намного меньше,

Еще ни жизни и ни женщин,
Еще я юноша совсем;
Все раны сердца заросли,
И снова руки окрылились,
И снова зеленью покрылись
Холмы могильные земли.
Порой приходит по утрам
Такая вдруг неуязвимость,
Такая вдруг непобедимость.
Пишу я утром песни вам!

ЭТО ВСЕ ЛЮДИ...

Люди навстречу —
Потопом,
                    потокom,
Душу пронзив
                    мне
                                восторженным током, —
Юные,
                    старые,
                                юноши,
  девушки,
Матушки,
                    детушки,
                                бабушки,
  дедушки,
Крошечки,
                    доченьки,
Внуки и внученьки,
Оченьки,
                    ноженьки,
Руки и рученьки...
Пенсионеры
                    и пионеры.
Разные возрасты.
                    Разные эры.
Душу
                    в восторге
                                взовью,
Как в салюте:
— Это все люди!
                    Все люди!
                                Все люди!

Все они дороги.

Все они любви...

Трудно вам в жизни

приходится, люди.

Не подаются

вам

блага

на блюде.

Вижу вас

добрых,

красивых и славных.

Вспомню с тревогой

о бедах недавних.

Вспомню о днях я недавних,

недальних —

Памяти пленник

и времени данник:

Был он иль не был

на свете,

Майданек?

Чуть не готов я

обуглиться

сердцем.

Был он

иль не был

на свете, Освенцим?

...Гнали их в печи,

как в жерло орудий.

Думал ли

кто-нибудь:

«Это же люди!»?

Кто же их гнал?!
Палачи кто

и судьи?!
Кто эти, гнавшие,

были по сути?

Это

нелюди.

Нелюди.

Нелюди.

...Вот и обуглились

руки и груди.

Это все люди!

Все люди...

Все люди...

(Вы продолжаете сниться

живыми,

Сниться живым, оставаться с живыми.)

Твердь не разверзлась.

Земля не качнулась.

Совість веков

в этот час не очнулась.

Что же такое

тогда

человек?

Пепел и прах?

И дешевле, чем снег?

Пепел лежит,

не уместишь на блюде.

Это все люди...

Все люди...

Все люди...

Живы убийцы.

И ходят в конторы.

Личных машин

прогревают

моторы,

Руки

горячею

моют водою

Перед конторой

и перед едою.

Есть —

что себе

признаются во сне

В страшной своей

непростимой вине.

Есть —

что не каются

даже во сне.

СВЕРСТНИКАМ

Где мы только не были!
Что мы только не пили!
И какие небыли
Были с нами — не были!

Не с чего печалиться!
Не с чего отчаяться!
К пенсии причалить
И от дел отчалить, —

Иль — качать внука?
Нет, о том ни звука.
Ну-ка, ну-ка, ну-ка!
Жизнь еще не скука!
Молодость не кончилась!
Тулово не скорчилось!
Сердце не испортилось,
В бедах не исскорбилось,
И спина не сгорбилась,
Души не изношены,
Нету в них старости,
Нам еще положены
Радуги и радости!
Пусть приходит мудрость,
Сединою пудрясь, —
Наши жизни

действенны,
Наши мысли
действенны!
И мечты
по-прежнему
Радостны и девственны!

Жизни посерение
Мы не принимаем,
Будто по сирени
я
Двигаюсь по маям!

ПАМЯТЬ

УДИВИТЕЛЬНО ПРЯМОЙ

*Не думайте, что мертвые не слышат,
Когда о них живые говорят.*

Н. Майоров

Я очень любил Колю Майорова. Он был сильнее меня. Сказать: завидовал — будет неверно. Я обожал его и любил его стихи, донныне помню их наизусть.

Мы часто ходили, плечо в плечо, по Москве, он читал мне свои стихи, стихи могучей жизненной силы, и я чувствовал вдобавок к тому, что восхищался стихами, трепет юношеской привязанности и верности к более сильному товарищу, абсолютно настоящему во всем, неподдельно сильному и честному. Коля «признавал» меня — это пронизывало меня благодарностью. В то время в институте действовала крепкая и, я бы сказал, отважная группа молодых поэтов, отчаянных новаторов, которые очень многое отрицали в тогдашней нашей поэзии, с убежденностью молодости «не признавали» почти никаких авторитетов в поэзии, боролись за новое. Во многом они были правы. Миша Кульчицкий — один из наиболее талантливых в этой группе, стихийно талантливый поэт, тоже мне говорил, что из всех «неоклассиков», как тогда называли нас, пишущих «традиционно», он признает только меня... Я теперь понимаю, насколько это было по-дружески, по-доброму с их стороны — Коли Майорова, Миши Кульчицкого. Я понимаю теперь, как плохо и несмело писал тогда, мне мешала моя провинциальная школа (в поэзии она есть)... Но, конечно, я беззаветно любил настоящее в поэзии, довольно ясно различал — в чужих стихах — что настоящее, что — нет, это понимание делало меня в глазах моих сильных сверстников «активным и полезным штыком» в поэзии.

Потом, я бы сказал, «сжатие судеб» до предела в годы войны, когда жизнь как бы прижала нас к железной действительности, к железной и трагической реальности, — это сжатие породило первые вскрики перед трагедией жизни, первые пронзительные строки.

Миша Кульчицкий до войны писал:

Я б запретил декретом Совнаркома
Писать о родине бездарные стихи.

Это была «маяковская постановка вопроса».

Так работала большая группа молодых, истинных и злых, по-честному голодавших поэтов.

Коля Майоров был одним из ярчайших и сильнейших среди них. Он погиб на войне.

Через двадцать лет после его гибели в «Молодой гвардии» вышла его книга «Мы», куда вошла небольшая часть того, что он написал, то, что сохранилось у друзей, у близких.

В книге помещены воспоминания друзей поэта: Володи Жукова, Николая Глазкова, Ирины Пташниковой, Даниила Данина. Читаешь эти воспоминания с благодарностью. Душевно хочется поблагодарить Виктора Болховитинова, Владимира Жукова и Виктора Сякина, так много сделавших для того, чтобы книга Майорова увидела свет.

...На заседании редколлегии «Дня поэзии» я выпросил у Володи Цыбина эту книгу. Вернулся домой поздно. Не спится. Лежит рядом книга Коли Майорова. Тихонько зажигаю свет, боясь разбудить домашних... Листаю книгу, смотрю на снимки Коли... начинаю читать — и возвращаюсь в двадцать лет назад.

Невольные слезы, непрошенные, невызванные, — перед честностью, перед пронзительностью трагедии. Эта книга не скидка, не дань памяти, это живая, звучащая сегодня поэзия.

Книга открывается мужественным стихотворением «Мы»:

Есть в голосе моем звучание металла.
Я в жизнь вошел тяжелым и прямым,
Не все умрет...

Это звучит как завещание. Это перекликается с лучшими традициями большой русской поэзии.

Коля любил слово «прямой» — он был прямым, точным, верным, как он сам удивительно сказал о себе:

Нам снова хочется домой,
В тот мир простой, как лист тетрадный,
Где я прошел, большой, нескладный
И удивительно прямой.

Да, удивительно прямой!

Таким он и остался в нашем представлении. Жизнь не согнула его — не то что не успела, — может, никогда и не согнула бы. Вероятнее всего так, хотя где-то у Хемингуэя сказано, что жизнь ломает всех, что многие только крепче на изломе, что тех, кто не ломается, она убивает...

Сегодня это мне не кажется абсолютной и обязательной истиной. Во всяком случае, применительно к Коле Майорову. Я его не представляю гнущимся перед жизнью. Таким он и остается в благодарной душе ровесников и любимых.

Он ушел из жизни удивительно прямым.

Это Коля Майоров не пал на колени...
Это начался первый расстрел поколения.

Это строки из моей записной книжки военных лет.
Но талант не расстрелян войной. Читаешь книгу — и живая
жизненная сила торжествующе хлещет из строк. Какая жажда
жизни! Жажда творчества!

Есть жажда творчества,
Уменье созидать,
На камень камень класть,
Вести леса строительства.
Не спать ночей, по суткам голодать...
...Одним мазком весь этот лес и камни
Живыми положить на полотно.
Не дописав,
Оставить кисти сыну,
Так передать цвета своей земли,
Чтоб век спустя все так же мяли глину
И лучшего придумать не смогли.

Именно так! Искусство, настоящее произведение искусства —
это то, лучше чего не придумаешь.

Можно шагать дальше по тропе искусства, но лучше сделать
нельзя.

Вдруг строки о Ленине:

Он тоже был живым сначала
И этой площадью ходил...

...
Он нам необходим и близок...

Строки, которые точны, верны и вчера и сегодня!
Какое верное, сильное поэтическое обобщение!

...Вот снова он предстанет в жестах,
Весь — наша воля. Сила. Страсть!
Кругом народ. И нету места,
Где можно яблоку упасть...
...Матрос. И женщина. С ней рядом,
Глаза взведя на броневики,
Щекой небритою к прикладу
Седой путиловец приник.

...
И всем он был необходим.
И бредила — в мечтах носила —
Быть может, им, и только им,
В тысячелетиях Россия.

Эти проникновеннейшие строки о Ленине — одни из лучших
в нашей поэзии.

У Коли Майорова зрение было как бы цветным, он видел мир густо, красиво, в цветах, в движении, в страстях, в борьбе.

...Мир встает такой неторопливый,
Весь в цветах, глубокий, как вода.

Мне двадцать лет. А Родина такая,
Что в целых сто ее не обойти.
Иди землей, прохожих окликая,
Встречай босых рыбацек на пути.
Штурмуй ледник, броди в цветах по горло,
Ночуй в степи, не думай ни о чем,
Пока веревкой грубой не растерло
Твое на славу сшитое плечо.

Несколькими строчками раньше он говорит пронзительно и светло:

Еще мои мальчишеские губы
Пустыня древним зноем не сожгла.

А вот вдруг милая, наивная деталь, почти по-детски умиленная:

Я шел веселый и нескладный,
Почти влюбленный, и никто
Мне не сказал в дверях парадной,
Что не застегнуто пальто.

А вот какая живая интонация:

Ей не понять Шекспира и меня!
Вот крылья смерть над сценой распростерла,
И, Кассио с дороги устранив,
Кровавый мавр берет жену за горло.

Вспоминаются многие другие его строки языческой влюбленности в жизнь. Вот удивительно живые, почти озорные по ритму строки:

Что услышишь в тишь такую?
То ли влага бьет в суку,
То ль тетерева токует
В ночь такую на току.

«Мужество познания и выражения — это и есть литература», — прочитал я когда-то в одном из романов Томаса Манна. В стихах Майорова есть это мужество точного выражения сути вещей, явлений.

Как по-лермонтовски великолепно звучит стихотворение:

Когда умру, ты отошли
Письмо моей последней тетке,

Зипун залатанный, обмотки
И горсть той северной земли,
В которой я усну навеки,
Метаясь, жертвуя, любя
Все то, что в каждом человеке
Напоминало мне тебя.
Ну а пока мы не в уроне
И оба молоды пока,
Ты протяни мне на ладони
Горсть самосада-табака.

В другом стихотворении он писал (1940):

Я не знаю, у какой заставы
Вдруг умолкну в завтрашнем бою,
Не коснувшись опоздавшей славы...

Слава, конечно, частенько опаздывает. Но та, которая приходит с опозданием, приходит надолго. Всерьез. Слава Коли Майорова слита со славой нашего поколения — вместе с ним он пришел к славе, в поэзию. С ним — со своим поколением — он утвердился в поэзии, в жизни, навечно внесенный в списки бессмертия.

* * *

Ушли — непреклонны.
Назад не пришли.
Спасли миллионы,
Себя не спасли.

Остались любовью,
Прекраснейшим сном,
Пронзительной болью
И вечным огнем.

И на обелиски
Заносим мы их,
Как в вечные списки
Сображдан живых.

В ликующих гимнах
Трубящих годов
Та боль о погибших
Как совести зов.

Где с пламенем чаши,
Я стану как страж.
Погибшие наши,
Я — плакальщик ваш.

* * *

Фронтовые, погибшие,
Неживые, поникшие,
И друзья, и попутчики,
Лейтенанты-«поручики»,
И солдатики юные,
И бойцы пожилые,
С юморком и без юмора,
А теперь — неживые.
С каждым годом я лучше,
Спразедливей, честней.
Вашей участью мучаюсь.
Я в долгу перед ней.

Я в долгу неоплатном,
Ах в каком я долгу!
Одному мне понятном,
Необъятном долгу.

Только что я могу?
Чем я вам помогу?
Как я вас воскрешу?
Что про вас напишу?
Воскресить бы, восславить!
На граниты поставить!
С жизнью вновь сопоставить!
С воскрешеньем поздравить!
Вам в земле сиротливо
Без друзей, без родных.
Это несправедливо —
То, что нет вас в живых.
Где мне взять это право,
Чтобы вызвать вас в жизнь?
Вам положена слава!
Вам положена жизнь!
Больше чем кому-либо
Вам положено жить,
И — такое «Спасибо»,
Что векам не вместить.

* * *

Когда-то я боялся быть не первым,
И мысль одна, что в чем-то отстаешь,
Как свист хлыста, как молния по нервам,
Всего пронизывала до подошв.

А годы шли, я стал сорокалетним,
Мне приходилось, пробивая путь,
И первым быть, и средним, и последним.
Теперь мне ясно, что не в этом суть —

Не первым быть в житейской суматохе.
А честно, как солдаты на войне,
На плечи взяв нелегкий груз эпохи,
Нести его со всеми наравне.

Blank lined area for text.

Как живешь, комсомольская домна?
Я к тебе на свиданье пришел.
Я твое становление помню,
Когда тут бушевал комсомол.

...Комсомольцы твои
постарели,
Только ты,
это им не в укор,
Комсомольскою,
юной на деле
Остаешься еще
до сих пор!
Верх твой пламенем вечным украшен,
Ты на город глядишь с высоты,
Непотерянной юности нашей —
Нестареющий памятник ты!

НА ТЕРРИТОРИИ ЗАВОДА

У каждого — своя забота,
Здесь все — при деле с давних лет,
На территории завода
Праздношатающихся нет!
Безделье хуже, чем бездарность,
И если мне
                                не сталь варить,
Хотя бы песню
                                в благодарность,
Хотя бы строчку
                                подарить!
И мне друзья спецовку дали,
И я работать в цехе стал.
Вот так я «Слово об Урале»
В пятидесятом написал.

Я так подумал: время — океан,
И в нем мои года лежат на дне,

Чуть-чуть видны сквозь волны и туман,
Неделя — на неделе, день — на дне...
Не разобрать, как выглядят они,
Какой урок они таят в себе...
А хочется, чтоб прожитые дни
Шли рядом, как товарищи в борьбе.

* * *

Я начал с пафоса большого,
С высокой веры в жизнь и в век,
С восторга, с жара молодого,
С рывка вперед, с движения вверх:
Я жизнь в активном темпе начал,
С веселой быстрой суеты,
Как на «Динамо» перед матчем:
С азарта, с бега, с быстроты!

Ах, как в глаза мои летели,
В душе играя и царя,
Деревья, женщины, метели,
Народы, страны и моря!
Как бурю жизнь воспринимая,
Я, как язычник,

в ней пылал,

Не все, как надо, понимая,
Я все же правильно шагал.

Я прожил годы бескорыстно,
О прошлых днях я не скорблю,
И словом горькой укоризны
Я эту жизнь не оскорблю.

* * *

Н. С. Тихонову

Я ввергнут в жизнь, в волненья, в страсти,
В огонь, и в воду, и в цветы,
В твои, двадцатый век, ненастья,
В твои заботы и труды,
В клубок твоих противоречий,
В спящий солнечный клубок,

В твои парады, встречи, речи,
В твой страшный атомный рывок,
В ночную пляску тьмы и света,
И все ж подвластен нам твой бег;
Земля — корабль, а не комета,
Я твой матрос, двадцатый век.

* * *

Все в порядке. Хоть не все, брат, гладко.
Есть пути прямые. Есть круги,
Есть еще

бесчестные нападки.

Есть друзья. Но есть ведь и враги.
Но не очень я переживаю,
Если враг беснуется браня.

Я своих врагов переживаю.
У меня надежная броня —
Правда и эпоха за меня.
Мы идем, историей поддержаны.
И дойдем до цели. До конца.
Никаким инфарктам не подвержены
Наши безотказные сердца.
Время наше — время волевое.
Волю натяни, как тетиву.
Пережил врага на поле боя
И в иных боях переживу.

* * *

В Челябинске, в сорок четвертом,
Я танк необычный видал:
По плитам, колесами стертым,
Катился военный металл,
Без пушки уже и без башни,
Не страшный уже никому,
Ни дети, ни бабы, ни барышни
Вослед не смотрели ему.
Не прежний уже, не всеильный,
Без бурь, под бронею, и гроз,
Капусту по улице пыльной
Он лихо и весело вез.

Не кони для райпищеторга —
О боги военных дорог! —
В то время о вас без восторга
Я даже и думать не мог!
И в прямолинейном сознание
Бойца, и певца, и юнца
Никак не слагалось сознание
Законным, нормальным признанием
Такого для танков конца.
Привыкшему к строгим порядкам
И к правилам жестким в пути,
Казалось сие непорядком,
Идейным проступком почти...
Нас время калечит и лечит,
Я вспомнил с капустою танк.
Сегодня смотрел бы я легче,
Сегодня судил бы не так.
Давно уже, в здравье и силе,
Согласие дал я на то,
Чтоб боги капусту возили,
Но в битвах не падал никто.

ТАНКИСТСКАЯ СТИПЕНДИЯ

За годы наших гигантских дел и побед мы привыкли мыслить большими категориями: завод, комбинат, армия... Но за всеми этими понятиями стоят живые люди. Тысячи живых людей.

После войны мои друзья, уральские танкисты, вернулись домой. Как они живут? Что они делают? Все ли нашли свое место в жизни?

Мы знаем, что сотни тысяч, миллионы людей после двух мировых войн в капиталистических странах были выброшены из жизни. О них говорили: «потерянное поколение», «расстрелянное поколение».

У нас после великой войны не было потерянного поколения. Было поколение потрясенное — событиями страшной войны закаленное. Поколение, не уронившее стяга своей молодости.

В подтверждение хочу рассказать об одной танкистской судьбе.

Саша Мордвинцев после окончания десятилетки был призван в армию. Началась война. Был ранен, демобилизован как инвалид. Стал работать на заводе в Челябинске. Когда создавали Уральский добровольческий танковый корпус, Саша одним из первых подал заявление. «Еле проскочил комиссию», — писал он мне.

На Орловско-Курской дуге Саша Мордвинцев (башнер танка) был тяжело ранен. В госпитале врачи ему сказали, что он для военной службы не годен. Второй раз собирались его отчислить из армии. Но танкист рвался к друзьям, в часть. Удалось. Снова воевал. Но здоровье Саши было уже не «танкистским». Его отчислили из части. Замполит батальона подполковник А. Денисов видел, что Саша буквально убит этим.

— Не отчаивайся, Саша... Помнишь книгу «Как закалялась сталь»? Можно из любого положения выйти победителем. Знаешь, что я тебе посоветую: иди учиться!

Танкисты отправили Сашу Мордвинцева учиться — он был принят в Львовский государственный университет имени Франко.

Он писал друзьям на фронт: «...зачислен студентом первого курса филологического факультета (ЛГУ)». Львов — город хороший, красивый, почти весь сохранился, чувствуется, что и брали-то его красиво, по-добровольчески, по-уральски; «тянет и тянет обратно к вам, на фронт», «голова умом наполняется...», «учеба дается легко, изучаю латинский, французский, русский, украинский...».

На Сандомирском плацдарме, помню, друзья-танкисты послали Саше письмо, которое поразило меня своим танкистским стилем:

«Дорогой Саша! Прими от друзей сердечный фронтовой привет. Ты сейчас студент одного из старейших университетов. Это делает нам честь, и мы гордимся тобой.

Будь, Саша, гвардейцем в учебе. Докажи на деле, на что способны лучшие сыны нашей Отчизны — коммунисты, сменившие танк на книги. Докажи всем маловерам, что тем и сильна наша Родина, что вчерашний фронтовик-гвардеец является передовиком учебы, примером дисциплины и организованности. Пусть знают, как крепнет наша дружба гвардейцев и сильна связь боевых друзей фронта и тыла.

Жми, Саша, на полные обороты, не давай пробуксовки и холостого хода. Пусть все чувствуют по хватке и стилю работы, что ты бывший фронтовик.

Помни наш гвардейский наказ: не сдавать позиций без боя. Помни наш гвардейский закон: там, где наступает гвардия, враг не устоит; там, где обороняется гвардия, враг не пройдет!

Учеба — это тоже бой, бой разума, сознания. Бой за овладение вершинами науки. Желаем тебе успехов в учебе. Ты не одинок. Твои друзья тебе помогут.

Целуем тебя, твои боевые друзья:

Чирков, Денисов, Кулешов, Сурков, Пупков, Сидельников, Ерофеев, Литвенко, Лисских...

Танкисты решили помочь студенту — собрать «фронтовую надбавку к стипендии: пусть в театр сходит за нас лишний раз, одежду лучше купит...».

За час они собрали семь тысяч рублей и послали студенту-танкисту. Мы это называли «танкистской стипендией». Батальон капитана Чиркова как бы шефствовал над студентом: друзья регулярно писали Саше, подполковник Алексей Александрович Денисов и Герой Советского Союза Федор Сурков однажды во время отдыха, под Новый год, ездили к Саше в гости.

Это было в 1944 году.

«Где же Саша Мордвинцев? — думал я после войны. — Окончил ли университет, здоров ли?»

Однажды мои родственники получили такое письмо: «В дни войны мой фронтовой друг поэт Михаил Львов писал вам письма и дал мне ваш адрес... Не можете ли мне сообщить его нынешний адрес?...» Это было письмо от Саши Мордвинцева. Я очень обрадовался. Мы с Сашей списались.

Саша с отличием окончил университет. Был послан в аспирантуру Академии наук УССР. В 1953 году окончил аспирантуру и защитил кандидатскую диссертацию, и бывший танкист Александр Александрович Мордвинцев стал доцентом кафедры русской литературы Херсонского пединститута, затем был переведен в Киев,

в Академию наук. Издал ряд сборника произведений народных писателей, писал пьесу об уральских танках, стал ученым. Вот она, Мне это гордо понимать: живем так, как мечтали жить бодной и счастливой, за кото
Нужны ли тут еще какие-

Мы так живем,
Как мы хотели
Как присягали
Под дымным н

ей сердечный фронтовой привет.
йших университетов. Это делает

е. Докажи на деле, на что спо-
зны — коммунисты, сменившие
верам, что тем и сильна наша
гвардеец является передовиком
ганизованности. Пусть знают, как
и сильна связь боевых друзей

не давай пробуксовки и холо-
о хватке и стилю работы, что

е сдавать позиций без боя. По-
де наступает гвардия, враг не
ия, враг не пройдет!

зума, сознания. Бой за овла-
бе успехов в учебе. Ты не оди-

я:

, Сурков, Пупков, Си-
енко, Лисьих...»

ту — собрать «фронтовую над-
одит за нас лишний раз, оде-

рублей и послали студенту-тан-
стипендией». Батальон капита-
студентом: друзья регулярно
Александрович Денисов и Ге-
в однажды во время отдыха,
ости.

ал я после войны. — Окончил

учили такое письмо: «В дни
хаил Львов писал вам письма
мне сообщить его нынешний
Мордвинцева. Я очень обра-

ситет. Был послан в аспиран-
ду окончил аспирантуру и за-
бывший танкист Александр
ентом кафедры русской лите-
тем был переведен в Киев,

в Академию наук. Издал ряд своих научных работ, а также два
сборника произведений народного творчества, собранных им, на-
писал пьесу об уральских танкистах, работает над книгой о танки-
стах, стал ученым. Вот она, танкистская стипендия! Не пропала!
Мне это гордо понимать: жизнь не обманула наших надежд, мы
живем так, как мечтали жить тогда, на фронте, — той жизнью, сво-
бодной и счастливой, за которую шли в бой.

Нужны ли тут еще какие-нибудь слова?

Мы так живем, как мы мечтали,
Как мы хотели и хотим,
Как присягали на металле
Под дымным небом фронтовым.

* * *

Я не люблю усталых рассуждений
О бренности земного бытия.
Нет, нет, друзья, мы не пройдем, как тени
(И вы, и с вами, может быть, и я).

Земной любви обязана рождением,
По жизни гордо шествуй, жизнь моя!
Над нами Спутник мчится подтверждением
Небренности земного бытия.

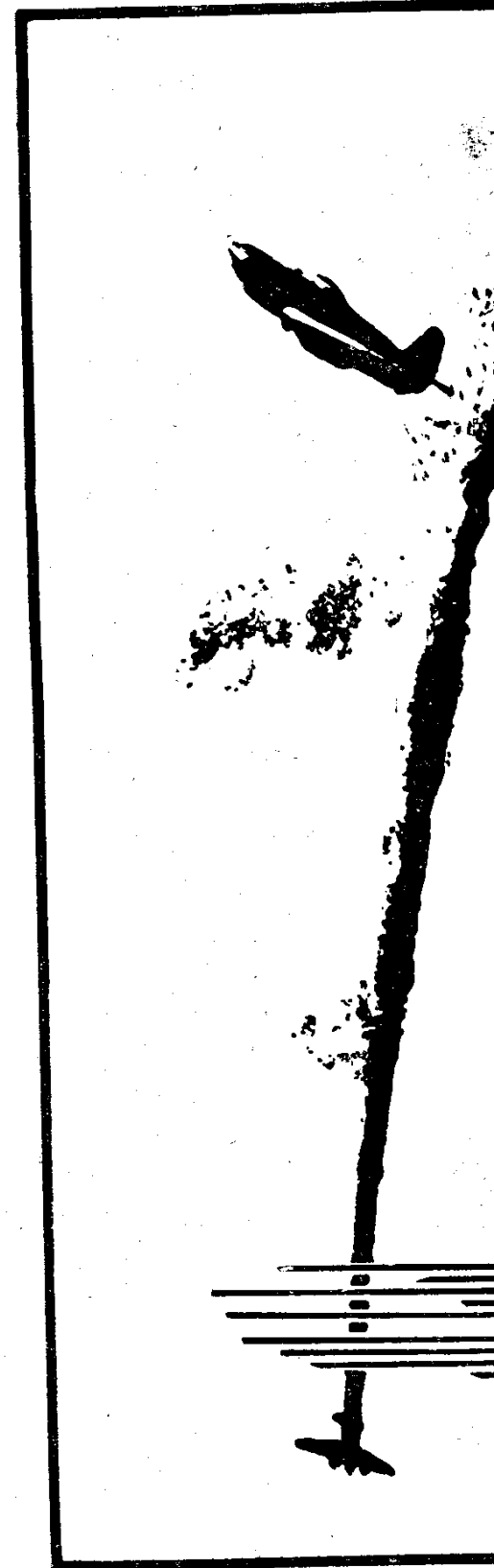
Я соглашусь, лишь все свершив земное,
Свой факел человеческий и власть
Тем передать, кто в жизнь придет за мною,
И в вечности, как в млечности, пропасть.

* * *

...Ты помнишь бой за жизнь, за мир,
В сорок четвертом Сандомир —
Как трудно было отражать
На «пяточке» удар,
Как трудно было удержать
Завислинский плацдарм,
А чадо было удержать —
Для рывка — плацдарм;
Как ты по суткам был в огне
В броне и на броне,
И как Покрышкин над тобой
Летел в воздушный бой,
Как нависал над головой
Воздушный бой,

воздушный вой.

И как Покрышкин в небеса,
Где снова бой крепчал,
Друзьям, творившим чудеса,
По радио кричал:
— А ну-ка, Миша, пикани! —
И как работали они!
Учись у тех людей!
У тех великих дней!
У жизни вновь учись!
За труд, за творчество — за жизнь,
Как за плацдарм, держись.

ТАНКИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

*Дважды Герою Советского Союза, быв-
шему командиру Челябинской танковой
бригады Фомичеву М. Г.*

О, вы все дальше и дальше,
Танки войны!
Самые храбрые даже
Не спасены.
Вы как ушедшие боги,
Танки побед.
Стелются степью дороги,
Словно ваш след.
Одушевленной стали
Гром и раскат
Бронзой Истории стали,
Классикой дат.

Только ваш образ клубится
Ночью, во мгле —
Это мне не отоснится.
Это во мне.

Смотрят на землю ракеты
Чуть свысока.
Что они? Щит для планеты?
Ствол у виска?
Выстрелить — труд невеликий...
Знать бы должны...
Вы им рычать не велите.
Вы им молчать повелите,
Танки войны.

В ГОСПИТАЛЕ

Памяти Всеволода Аксенова

На миг в недавнее заглянем:
...Челябинск. Госпиталь. Концерт.
Как будто слушал со вниманьем
В халатах зал — и с пониманьем,
Аплодисментов нет в конце...

Ты этим смутно был встревожен,
Но раненый поднялся вдруг:

— Простите,
хлопать мы не мо
У нас нет рук. —
Мгновенье это походило
На замешательство в строю:
Искусство слов не находило
И молча, медленно склонило
Пред жизнью голову свою.

ЧЕЛЯБИНСКИЕ КОМ

Челябинские
комсомольцы!
Мне это
дорого звучит!
...Идут
танкисты-добровольцы,
Урала
молодость и щит!
И, время
в прошлое листая,
Я окажусь
в Магнитке вновь,
И «Комсомольская
Шестая»
Возникнет
домна молодая,
Как наша песня и любовь.
Там,
в окружение молодежи,
Как вдохновенный
наш прораб
Шумит Колесников Сережа
Проходит
комсомольский штаб
Как был тогда нам
мир огром
Для молодых
и боевых —
От комсомольских
юных дом

* Сергей Колесни
штаба на строительстве 6-й
кома ВЛКСМ.

герою Советского Союза, быв-
шему командиру Челябинской танковой
бригады М. Г.

— Простите,
хлопать мы не можем:
У нас нет рук. —
Мгновение это походило
На замешательство в строю:
Искусство слов не находило
И молча, медленно склонило
Пред жизнью голову свою.

ЧЕЛЯБИНСКИЕ КОМСОМОЛЬЦЫ

Челябинские
комсомольцы!
Мне это
дорого звучит!
...Идут
танкисты-добровольцы,
Урала
молодость и щит!
И, время
в прошлое листая,
Я окажусь
в Магнитке вновь,
И «Комсомольская
Шестая»
Возникнет
домна молодая,
Как наша песня и любовь.
Там,
в окружение молодежи,
Как вдохновенный
наш прораб,
Шумит Колесников Сережа *, —
Проходит
комсомольский штаб.
Как был тогда нам
мир огромен —
Для молодых
и боевых —
От комсомольских
юных домен

* Сергей Колесников — начальник комсомольского
штаба на строительстве 6-й магнитогорской домны, секретарь об-
кома ВЛКСМ.

Володи Аксенова

До древних
     пражских мостовых!
 Мы были
     иначе одеты —
 В одежду строгую бойца.
 У вас —
     такие же билеты!
 У вас —
     такие же сердца!
 Какие
     в вас
     звонят рассветы?
 Какие плещут вечера?
 Да не забудется
     и это —
 Какими были мы вчера!
 Какая ты
     теперь,
     сегодня,
 Челябинская молодежь?
 Чем полон
     вечер твой субботний?
 Какие песни
     ты поешь?
 У нас —
     одни библиотеки.
 Великой жажды
     не тая,
 Не как лекарство
     из аптеки,
 А чтоб хватило бы навеки,
 Вбирали мы
     в себя
     тома...
 Не малой порцией
     и дозой —
 Читая вечности слои,
 Стихами лучшими
     и прозой
 Мы души
     полнили свои.
 Я нашу юность
     не сменяю
 Ни на какую красоту;

Я
     с пьедестала не снимаю
 Сердец тогдашних
     высоту, —
 Я просто
     юность вспоминаю,
 Открыто
     всматриваясь в вас,
 И вашу юность обнимаю
 Всей нежностью
     неюных глаз.

1970

* * *

Ничто мне не дано навеки,
 Дни не проходят, а летят,
 И наши жизни словно реки
 Не возвращаются назад.
 А если так, бери с собою,
 Что в силах взять ты и нести
 Исток с водою голубою
 И все притоки по пути.

ВОСПОМИНАНИЕ

Я как погибший этот день п
 Никто из вас, живой или по
 Со мной не сел за мой пус
 Со мной не сел, над рюмкою
 Я как в могиле этот день п

По радио наш маршал высту
 Тот глас дошел и до моей
 И снова жизнь звала меня,
 Но снова жизнь живым я у

По радио наш маршал высту

Он в братскую могилу бы с
 Чтобы пожать танкистам ме
 Чтобы их взять у смерти на
 И вновь живыми посадить за с

Я
с пьедестала не снимаю
Сердец тогдашних
высоту, —

Я просто
юность вспоминаю,
Открыто
всматриваясь в вас,
И вашу юность обнимаю
Всей нежностью
неюных глаз.

1970

* * *

Ничто мне не дано навеки,
Дни не проходят, а летят,
И наши жизни словно реки —
Не возвращаются назад.
А если так, бери с собою,
Что в силах взять ты и нести —
Исток с водою голубою
И все притоки по пути.

ВОСПОМИНАНИЕ

Я как погибший этот день провел.
Никто из вас, живой или погибший,
Со мной не сел за мой пустынный стол,
Со мной не сел, над рюмкою притихший.
Я как в могиле этот день провел.

По радио наш маршал выступал.
Тот глас дошел и до моей могилы.
И снова жизнь звала меня, манила,
Но снова жизнь живым я уступал.

По радио наш маршал выступал.

Он в братскую могилу бы сошел,
Чтобы позвать танкистам мертвым руки,
Чтобы их взять у смерти на поруки
И вновь живыми посадить за стол.

Какие бы расспросы тут пошли!
Какие бы тут были изумленья!
И, разговорчивы до удивленья,
Забыли б мы, что вышли из земли.

. . . . .

А где мы были эти двадцать лет?
А что тут на земле без нас творится?
Как в танке люк, пусть дверь нам отворится.
За люком что? Какой звенит рассвет?

Узнали б эту жизнь мы или нет?

Узнали б или нет — о, суть не в этом.
Возврата нет из пепла и из праха.
Вас не вернут ни Сандомир, ни Прага.
Вас не вернут ни нынче, ни потом.

М. МАКСИМОВУ

О мертвых мы поговорим потом.
М. Дудин

Они остались. Мы вернулись
С сознанием счастья и вины.
С нелегкой музыкой столкнулись
Послевоенной тишины.
Сменялись осени и зимы.
Менял нас трудный наш маршрут.
Они

одни неизменимы.
Они, как слезы, в нас живут.
И с каждым годом разрастаться
Необъяснимой той вине.
Нам никогда не оправдаться
Перед погибшими в войне.
Как верят в бога,

в них мы верим,
Нам
наша молодость — судья.
Себя
их судьбами
проверим.

Проверим

павшими
себя.

Вдали от молодых и модных,
Два побратима пожилых,
Поговорим о наших мертвых,
А после можно о живых.

ПОЭТЫ ПОБЕДЫ

Мы — поэты Победы,
В славе, в прахе, в пыли.
Мы — большие поэты,
От большого мы шли.
Ни Берлина, ни Праги
У солдат не отнять.
Годы нашей отваги
Под архив не подмять.
Жизнь, ты можешь жестоко
Даже нас загонять.
Но скажу тебе только:
В угол нас не загнать.
Потускнеют медали?
Их начистим опять.
Мы такое видали,
Что иным не видать.
И

без иносказаний,
Не с эстрад-говорильн,
Мы такое сказали,
И еще говорим!

Не цвели, как нарциссы,
Грудью шли против бед,
Выжигали нацисты
Нашей юности цвет.

Счет потерян

потерям
По весне, по зиме.
А погибшим — не терем,
А холмы по земле.
Из земли,
из забвенья

Проверим

павшими

себя.

Вдали от молодых и модных,
Два побратима пожилых,
Поговорим о наших мертвых,
А после можно о живых.

ПОЭТЫ ПОБЕДЫ

Мы — поэты Победы,
В славе, в прахе, в пыли.
Мы — большие поэты,
От большого мы шли.
Ни Берлина, ни Праги
У солдат не отнять.
Годы нашей отваги
Под архив не подмять.
Жизнь, ты можешь жестоко
Даже нас загонять.
Но скажу тебе только:
В угол нас не загнать.
Потускнеют медали?
Их начистим опять.
Мы такое видали,
Что иным не видать.
И

без иносказаний,
Не с эстрад-говорилен,
Мы такое сказали,
И еще говорим!

Не цвели, как нарциссы,
Грудью шли против бед,
Выжигали нацисты
Нашей юности цвет.

Счет потерян

потерям

По весне, по зиме.
А погибшим — не терем,
А холмы по земле.
Из земли,
из забвенья

Вызывая ребят,
Как приказ поколенья,
Наши строки трубят.

* * *

В сержантском клубе авиаполка
Я
шел
сквозь
рукоплесканья,
Казалось,
через зал я шел пока,
Наглядно
славы
чувствовал плесканья...

Чем громче плеск —
тем ниже голова,
И вышел я не с головою задранной.
За что аплодисменты?
За слова?

За бойкую рифмовку темы заданной?
Я быстро шел и глаз не поднимал.
А зал наивен был и молодежен.
Не по заслугам шум — я понимал
(И, значит, был не вовсе безнадежен).
И все же я запомнил этот зал
И доброту сержантской молодежи
Не как награду в путь с собою взял —
Как счет, который оплатить я должен.
Теперь

стоят
другие у трибун,
И, урожай записок пожиная,
Хватает славу молодой трибун,
Ее
глазами жадно пожирая.
Пусть ваша слава нашей не чета,
Но это тоже «яркая заплатка»...
Летят

из зала
к вам счета, счета,
И тоже все аванс, а не зарплата.

* * *

Просыпаюсь, как от гонимой
Как от воинской трубы —
Современной жизни гонимой
Да тревоги, да труды...
И умру я не в прострации
Не от старости в бору,
А умру от радиации
Иль умру от авиации,
Современно я умру,
Даже в смерти оставаясь
Сыном века своего.
Даже с жизнью расстаюсь
Не отпряну от него.

* * *

Ежедневно
окружаюсь
Этим миром
и людьми.
В нежность дружбы
погружаюсь
И единственной любви.
Хорошо,
когда я нежен,
Хорошо
моей семье,
И друзьям —
они все так
И особенно
себе...
Я люблю
все это
честно.
Человека
не предаю.
А еще —
во мне
есть мечта
Как ни странно,
городам.

* * *

Просыпаюсь, как от гонга,
Как от воинской трубы —
Современной жизни гонка,
Да тревоги, да труды...
И умру я не в прострации,
Не от старости в бору,
А умру от радиации
Иль умру от авиации,
Современно я умру,
Даже в смерти оставаясь
Сыном века своего.
Даже с жизнью расставаясь,
Не отпряну от него.

* * *

Ежедневно
окужаюсь
Этим миром
и людьми.
В нежность дружбы
погружаюсь
И единственной любви.
Хорошо,
когда я нежен,
Хорошо
моей семье,
И друзьям —
они все те же,
И особенно
себе...
Я люблю
все это
честно.
Человека
не предам.
А еще —
во мне
есть место,
Как ни странно,
городам.

Как тома
     на полке книжной —
 Города
     стоят
         во мне!
 Кто — на верхней,
 Кто — на нижней,
 Кто отдельно
         в стороне.
 Кто подальше,
         кто поближе,
 Кто
     куда-нибудь
         в завал...
 Был в Варшаве,
         был в Париже,
 И в Берлине
         я бывал.
 Города —
     вспоминанья!
 Каждый город —
         важный том...
 Города —
     напоминанья
 О былом
     и о живом.
 Красный том
     «первопрестольной» —
 На столе,
     и, рядом в ряд,
 Обязательный,
     настойный
 Город славы
     Сталинград!
 (Ты прекрасен
     видом новым,
 Но и старый
     дорог нам,
 И
     не переименован
 В глубине
     душевной,
         там...)

А сравнение
         такое
 Мне, как вольность,
         ты прости,
 Допущение
         такое
 Разреши
     и допусти...
 Как военные осколки —
 Города
     в груди солдат,
 Достаю я
     с книжной полки
 Эту книгу —
         «Сталинград».
 Из уютя,
     из-под крова
 Вновь в огонь
         идет солдат...
 Перечитываю
         снова
 Город славы
         Сталинград.

«ИМЕНЬЯ НА ДОНУ»

Да, им
     именья обещали
 И — на Дону!
         Не где-нибудь,
 Их в казаков
     «не обращали» —
 Им предлагали
         легче путь:
 Как бы
     в дворянство превращали.
 Именья,
     значит, на Дону?..
 А как вам нравится
         в плену?
 У нас не спрашивали
         именья,
 А обещали им —
         именья!

А сравнение
такое
Мне, как вольность,
ты прости,
Допущение
такое
Разреши
и допусти...
Как военные осколки —
Города
в груди солдат,
Достаю я
с книжной полки
Эту книгу —
«Сталинград».
Из уюта,
из-под крова
Вновь в огонь
идет солдат...
Перечитываю
снова
Город славы
Сталинград.

«ИМЕНЬЯ НА ДОНУ»

Да, им
именья обещали
И — на Дону!
Не где-нибудь,
Их в казаков
«не обращали» —
Им предлагали
легче путь:
Как бы
в дворянство превращали...
Именья,
значит, на Дону?..
А как вам нравится
в плену?
У нас не спрашивали
мненья,
А обещали им —
именья!

Да-да, не что-то,
а именье!
Его
получит только тот,
Кого
удача и уменье
Опять
в бою не подведет,
Кто проберется,
продерется
Сквозь
сталинградскую метель,
До самой Волги
«додерется»,
И сядет там
сушить шинель...
И погрузится
в размышленья,
Поставив
черный свой штандарт.
Какое
жалкое мышленье!
Какой
воинственный штандарт!
На что надеялся
тот немец?!
В двадцатый век —
феодализм?
И стать владельцем
«именьиц»?
Анахронизм!
Идиотизм!
Не потому пишу,
что жалко
Противника мне
своего...
Ему —
ни холодно ни жарко.
(Давно, наверно,
нет его...)
Война, мне скажут,
отгремела,
Ушла
и в книги и в гранит.

Не отгремела —
в том-то дело
И до сих пор
еще гремит.
Да, все гремит,
напоминает,
Чтобы отвадить
от войны
Тех, кто оружие
поднимает,
Напоминая те нужны.

АВТОБУС ВЕТЕРАНОВ

Ветеранам
ской гварди
челябински
ездили вме
уральцев.

Перед отправкой
в ту дорогу
Мы «откопали»
ордена —
И возвращались
понемногу
В те Ордена,
в те Времена!..
Не узнает
тебя жена...
Душа, как сталь, напряжена.
Уже другим
душа полна —
Ушла
в другие
Времена.
Другие
слышит Имена.
И вот
автобус нас везет.
Автобус
в Прошлое
везет!

Не отгремела —
  в том-то дело!
И до сих пор
  еще гремит.
Да, все гремит,
  напоминает,
Чтобы отвадить
  от войны
Тех, кто оружие
  поднимает,
Напоминая те нужны.

АВТОБУС ВЕТЕРАНОВ

Ветеранам Челябинской добровольческой гвардейской танковой бригады и челябинским комсомольцам, которые ездили вместе с ними по боевому пути уральцев.

Перед отправкой
  в ту дорогу
Мы «откопали»
  ордена —
И возвращались
  понемногу
В те Ордена,
  в те Времена!..
Не узнает
  тебя жена...
Душа, как сталь, напряжена.
Уже другим
  душа полна —
Ушла
  в другие
  Времена.
Другие
  слышит Имена.
И вот
  автобус нас везет.
Автобус
  в Прошлое
  везет!

Автобус
     нас везет
                 в Победу —
 По зарастающему
                 следу,
 То тут, то там
                 навстречу «дзот»...
 Автобус
     в Молодость
                 везет!
 Автобус
     в Прошлое
                 везет!
 Везет автобус
     в сорок пятый,
 Где у дороги
     «тигр» распятый.
 А нам с тобой
     опять везет!
 Автобус
     в Молодость
                 везет!
 Везет автобус
     в давний год,
 Как в глубь времен, —
                 в сорок четвертый...
 Кругом гремят
     тридцатьчетверки,
 И после боя
     воздух горький...
 И Лелюшенко
     к нам
         идет!
 Автобус
     в Молодость
                 везет!
 ...И нас
     Патоличев
         встречает,
 Наказ уральцев
     нам вручает...
 Везет автобус
     в давний год.
 ...Стоит на танке Фомичев,

Уральский
     танковый
                 Чапаев!
 И в наших душах
     все читает,
 И танки к бою
     он считает,
 Но не считает он
     врагов.
 (Лишь после боя
     он считает
 И мертвых и живых
     врагов.)
 И с ним,
     отважны и крылатые
 Его солдаты
     и комбаты,
 Тут и Акиншин,
     и Чирков
 И Коротеев,
     и Пупков...
 ...А Соколов опять
     в разведке
 Его лицо
     скрывают ветки,
 И только молодость
     в глазах,
 И ни сединок
     в волосах...
 ...Вот Казаков
     рычаг сжимает
 И в танке дни свои сжигает
 ...Где
     Сыромятников Семен!
 Из миномета
     бьет — силен!
 Пока еще
     не ранен он...
 ...На поле боя
     боем дышит
 И сам
     товарищ Мостовов.

Уральский
танковый
Чапаев!
И в наших душах
все читает,
И танки к бою
он считает,
Но не считает он
врагов.
(Лишь после боя
он считает
И мертвых и живых
врагов.)
И с ним,
отважны и крылаты,
Его солдаты
и комбаты,
Тут и Акиншин,
и Чирков,
И Коротеев,
и Пупков...
...А Соколов опять
в разведке,
Его лицо
скрывают ветки,
И только молодость
в глазах,
И ни седины
в волосах...
...Вот Казаков
рычаг сжимает
И в танке дни свои сжигает.
...Где
Сыромятников Семен?
Из миномета
бьет — силен!
Пока еще
не ранен он...
...На поле боя
боем дышит
И сам
товарищ Мостовов.

Еще он
в книжечку
не пишет
Воспоминанья
тех годов...
...А где
Кожевина-Зубкова?
Над раненым
склонилась снова,
Людей спасает
под огнем.
...От выстрелов
светло как днем.
(И вы еще
не ветераны,
Еще вы
молодостью пьяны!
И вам
не снится даже
это —
Поездки,
речи
и банкеты...
Приемы все
и рестораны —
Еще в грядущем,
ветераны...)
А что сказать
о юных братьях —
Про комсомольский
наш отряд?
Они еще...
у мам в объятьях
Иль ходят
под руку
в детсад...
Ах, можно ль
годы
возвратить?
Ах, это можно,
вероятно,
Машину времени
обратно

В другую сторону
крутить?
И можно
юность возвратить,
Былые годы
возродить
И всех погибших
воскресить...
Ах, как
всем должное воздать
Всем, с вами
в армии служившим
Здесь, в битвах,
головы сложившим
До Дня Победы
не дожившим, —
Живыми
лица их
создать,
И снова к жизни
их воззвать,
И всем им
должное воздать!
Мы проезжаем
города,
Где ваши танки
грохотали,
Где ваши души
клокотали
В кипенье
ратного
труда!
Мы повторяем
те года.
Мы повторяем
города.
Автобус
в Молодость
везет!
Вези, вези,
Иван Иванович! *

* Иван Иванович П
тобуса.

В другую сторону
крутить?
И можно
юность возвратить,
Былые годы
возродить
И всех погибших
воскресить...
Ах, как
всем должное воздать
Всем, с вами
в армии служившим,
Здесь, в битвах,
головы сложившим,
До Дня Победы
не дожившим, —
Живыми
лица их
создать,
И снова к жизни
их воззвать,
И всем им
должное воздать!
Мы проезжаем
города,
Где ваши танки
грохотали,
Где ваши души
клокотали
В кипенье
ратного
труда!
Мы повторяем
те года.
Мы повторяем
города.
Автобус
в Молодость
везет!
Вези, вези,
Иван Иванович! *

---

* Иван Иванович Пономарев, водитель нашего автобуса.

Варшава — Прага — Берлин,
1968

Сорок пятый
я
помню:
У рейхстага
бурлим.

137

Будто
    каменоломню
Озираю
    Берлин.
Мы
    суровы
        и строги
И
    возвышенны
        так!
Мы
    пророки
        и боги
И —
    не меньше никак.
Сожаленья —
    ни капли
Ни к тебе,
    ни к себе.
Мы еще
    не ослабли
В ежедневной
    борьбе.
Мы еще
    все
        из стали!
Из огня
    и брони!
И
    не на пьедестале,
И
    не в рамке
        родни.
...Так
    с какими
        словами
Нынче
    въедем
        в Берлин?
И с какими
    глазами
Постоим
    у витрин?

Отпылала ль
та ярость?
Тот
отгневался
гнев?
Или в сердце,
не старясь,
Все рычит,
словно лев?
Нет ли в нас еще
духа
Той высоты —
стой! —
Той
скульптурности
духа,
Гневной
цельности
той?
Нет,
другими
мы стали,
Не глядим
с высоты...
Замечаем
детали...
Принимаем
цветы.
Преподносим
подарки
Сами
немцам —
друзьям.
На подарки —
все марки!
Ну еще
на «сто грамм».
И как будто
подарок
Нам,
огромный такой, —
Эта Жизнь
и порядок.

Этот
город
живой!
И —
немецкая
форма
На бойце
молодом,
И
советская
форма
Рядом с ним,
с неврагом.
И улыбки
как норма,
И детишки
кругом...
...Я
счастливым бы
не был,
Я не ел бы
и не пил,
Я
гордиться б
не стал,
Если б
прах тот
и пепел
Здесь
сегодня
застал...

1968

* * *

Вновь — Бранденбургские воры
И эти кони в вышине,
Другие — после укорота,
И вовсе не враждебны мне...

Я был и яростным и чистым
Здесь много лет назад и дней.
И грустно ездить мне туристом
По биографии своей.

Берлин,
1969

Этот
    город
        живой!
И —
    немецкая
        форма
На бойце
    молодом,
И
    советская
        форма
Рядом с ним,
        с неврагом.
И улыбки
    как норма,
И детишки
        кругом...
...Я
    счастливым бы
        не был,
Я не ел бы
        и не пил,
Я
    гордиться б
        не стал,
Если б
    прах тот
        и пепел
Здесь
    сегодня
        застал...

1968

* * *

Вновь — Бранденбургские ворота,
И эти кони в вышине,
Другие — после укорота,
И вовсе не враждебны мне...

Я был и яростным и чистым
Здесь много лет назад и дней.
И грустно ездить мне туристом
По биографии своей.

Берлин,
1969

ДЕТИ ГОРОДА ЖЕЧНИ

О трагедии
    женщин!
Вечный взрыд
    матерей!
В польском городе
    Жечни
Расстреляли
    детей.
Сатанинские
    каска
Запретили
    им жить,
Им,
    язык оккупантский
Не желавшим
    учить.
И средь подвигов
    высших —
Этот подвиг
    велик!
Раздирающе
    слышен,
Как столетиям —
    крик.
*Польша,
1970*

ХУДОЖНИК

Все акварели
    устарели,
Погасли
    все его холсты,
Когда в стране
    нацисты
    сели
На высочайшие
    посты.
И душу нежную
    и руки
Мороз
    в мгновение
    сковал.

«Шагающие
    виадуки» —
Картину
    он
    нарисовал.
Как металлические
    дуги,
Построенные
    кем-то в ряд,
Шагали
    полем
    виадуки,
Шел
    виадуковый отряд.
Не
    люди добрые,
    не
    други,
Не человеки
    с головой —
А виадуки!
Виадуки!
И — ни одной
    души
    живой.
Как виадуки,
    шли вначале,
Но кровь текла,
    как из людей
Когда
    расстрелями
    венчали
Пути
    железных
    палачей.

*Гамбург,
1969*

* * *

Постарели солдаты
Той
    Великой Войны.

«Шагающие
виадуки» —
Картину
он
нарисовал.
Как металлические
дуги,
Построенные
кем-то в ряд,
Шагали
полем
виадуки,
Шел
виадуковый отряд.
Не
люди добрые,
не
друзи,
Не человеки
с головой —
А виадуки!
Виадуки!
И — ни одной
души
живой.
Как виадуки,
шли вначале,
Но кровь текла,
как из людей,
Когда
расстрелами
венчали
Пути
железных
палачей.

Гамбург,
1969

* * *

Постарели солдаты
Той
Великой Войны.

И
сажают салаты
Под присмотром жены.
Поседели комвзводы,
Кто вернулся с войны.
Не стареют народы,
Но стареют сыны.

Поседели комбриги
И комдивы мои,
Пишут первые книги,
Вспоминая бои.
Ордена и медали
Героических лет
От осколков спасали,
От старения — нет...
Не спасают медали,
Хоть их много у вас
(Кое-что недодали,
Все равно есть запас).
Ну а кто не вернулся,
Кто навек молодой?
Кто теперь

                    обернулся
Обелиском,
                    плитой?

Им
                    помочь невозможно —
Не вернуть
                    их назад.

Потому
                    и тревожно
На душе у солдат.
В этом яростном мире
И прекрасном таком
Подорваться на mine,
Проколоться штыком —
Не желают

                    солдаты
Никому
                    этих бед
И подобной
                    доплаты
За рождение на свет.

О мои командармы,
Полководцы атак!
Были
                    так легендарны!
Были
                    молоды так!
А теперь
                    тяжелеют,
Но на жизнь не ворчат,
И лелеют,
                    жалеют
Неразумных
                    внучат.

1969

ЧЕМОДАН ШАЛЯПИ

По всем дорогам
                    европейских
Артист
                    возил
                    закрытый чемодан
Он брал его
                    с собой
                    за океан.
А спать ложился —
                    ставил под
Что
                    мог он
                    в чемодане том
                    скры

Богатство?
                    Деньги?
                    Золото?
                    «Зап

Никто не знал —
                    ни дальний и
Скончался он
                    под небом Нот
И вскрыли
                    чемодан его, а там
Не золото,
                    не искры хрустала
А там — земля.
                    Российская

О мои командармы,
Полководцы атак!
Были
    так легендарны!
Были
    молоды так!
А теперь
    тяжелеют,
Но на жизнь не ворчат,
И лелеют,
    жалеют
Неразумных
    внучат.

1969

ЧЕМОДАН ШАЛЯПИНА

По всем дорогам
    европейских стран
Артист
    возил
    закрытый чемодан,
Он брал его
    с собой
    за океан.
А спать ложился —
    ставил под кровать,
Что
    мог он
    в чемодане том
    скрывать?
Богатство?
    Деньги?
    Золото?
    «Записки»?
Никто не знал —
    ни дальний и ни близкий.
Скончался он
    под небом Нотр-Дам.
И вскрыли
    чемодан его, а там
Не золото,
    не искры хрусталя,
А там — земля.
    Российская земля!

* * *

*В Хороссане есть такие двери,
Где обсыпан розами порог.*

С. Есенин

Певец из Рязани,
Любимец России,
Писал он про сани,
Про звоны осины,
Про сон в Хороссане
А тут — Хиросима...
Душа не беднее
У нас, современных,
Ей просто труднее
В тревогах бесменных.
Она и лирична
И так же трагична.
Я выяснил лично:
Она безгранична —
Вобрала

и сани,
И звоны осины,
И день в Хороссане,
И тень Хиросимы.

* * *

Мичману Н. Горлову

Я стоял на торпедном наклонно,
Как в атаке, себя забывал.
Рвался катер вперед неуклонно
И залив за собой завивал.
И наклонно летели торпеды,
И стояли друзья на корме,
И прекрасное чувство победы
Возвращалось, как юность, ко мне.

* * *

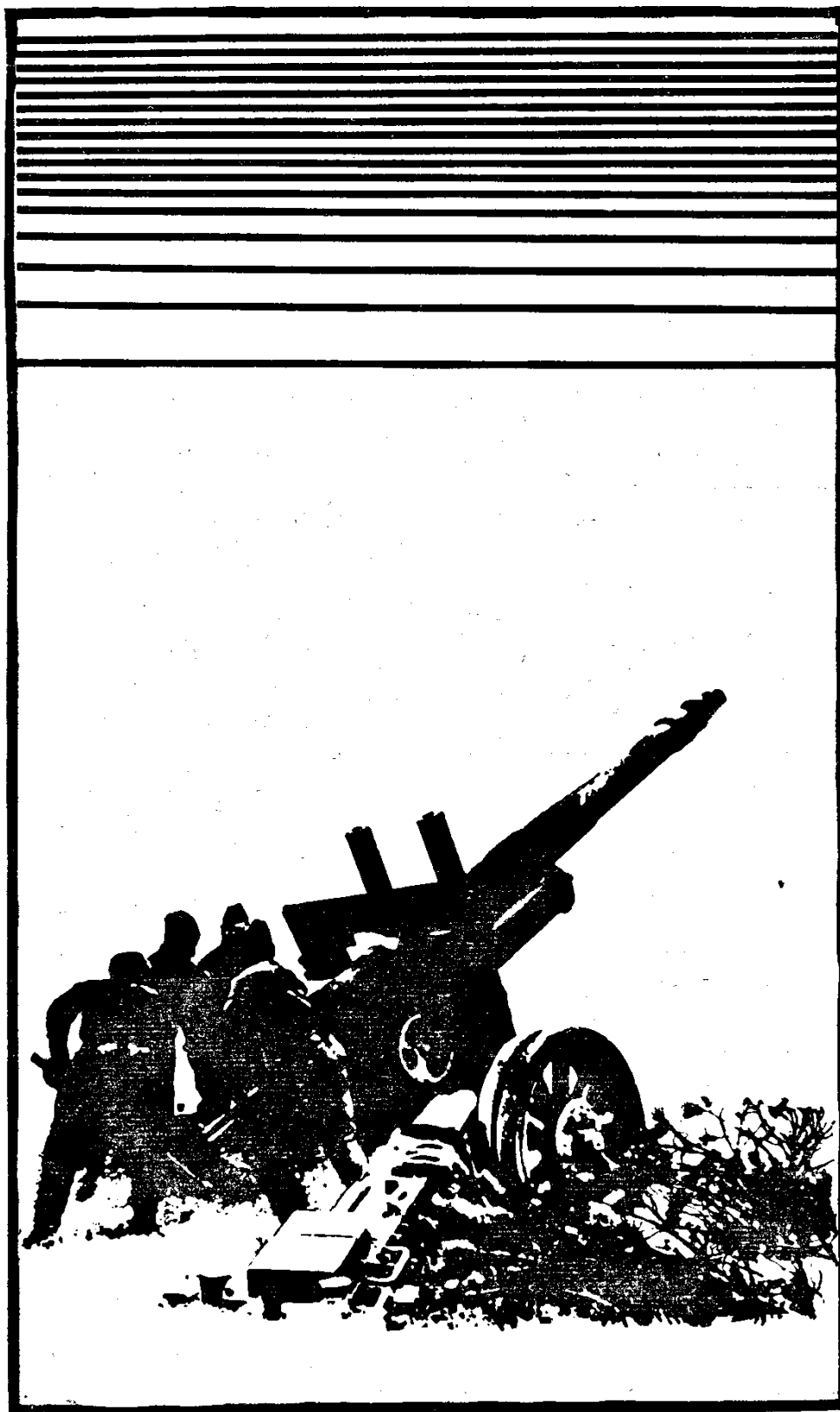
Сквозь вешность,
Сквозь нежность,
Сквозь бури во мгле
Железность и нежность

ие двери,
порог.

С. Есенин

Н. Горлову

Звенели во мне.
 Нас жизнь не спросила,
 А жизнь нам дала,
 Спасибо, спасибо
 За то, что была!
 И было уместно
 В той жизни нам быть!
 И было б нечестно
 Ее не любить.
 Пришли мы в безбрежность,
 И с первого дня
 Железность и нежность
 Входили в меня.
 Меняется внешность
 И жизни самой,
 Железность и нежность
 Бессменно со мной.

* * *

В. Солоухину

Почему мне приснился комбриг мой опять
 И бригада уральцев в строю?
 И мне не пятьдесят,
 Даже не двадцать пять,
 Я еще точно ангел стою...

Вижу легкую юность далеких людей
 (Это — их... Это — днем... Это — тут).
 Почему же все снится мне юность друзей,
 Что с войны никогда не придут?
 Почему это снятся
 В мои пятьдесят
 Еще двадцатилетние сны?
 Четверть века назад возвратился солдат:
 Только сны
 Не вернулись с войны.

Мой младенческий сон навсегда унесен
 (Был он ясен и легок, как пух,
 И спалось мне с цветами,

с землей

в унисон,

Был, как птица,
 беспечен мой дух).
 Как

в покой
 себя,
 в травы
 и в об

В голубое плечо тишины?
 Почему мои сны отправляют
 В невозвратные дебри войны
 Почему это сны не вернулись
 Как пропавшие без вести, п
 Не вернулись с войны...

У меня на столе
 есть Джали
 Рядом смотрит
 из траурной
 И с гвоздикой белой
 глядит
 Так похожий на них
 человек

Все они
 никого,
 ничего не бо
 Не случилось им рядом
 ша
 Но портреты их рядом
 стоят
 Есть какая-то нить,
 что связ
 И за смертной чертой,
 как со

РЕПЕТИЦИЯ

Вчера
 я ночью умирал
 И смертным потом
 покрыва

Был, как птица,
беспечен мой дух).

Как

в покой

себя,

в травы

и в облачко

«вспать»,

В голубое плечо тишины?

Почему мои сны отправляются вспять

В невозвратные дебри войны?

Почему это сны не вернулись с войны?

Как пропавшие без вести, пали вы, сны,

Не вернулись с войны...

* * *

У меня на столе

есть Джалиля портрет;

Рядом смотрит

из траурной рамы Хикмет;

И с гвоздикой белой

глядит улыбаясь

Так похожий на них

человек —

Белояннис.

Все они

никого,

ничего не боялись.

Не случилось им рядом

шагать по земле,

Но портреты их рядом

стоят на столе.

Есть какая-то нить,

что связует бесстрашных

И за смертной чертой,

как солдат — в рукопашных.

РЕПЕТИЦИЯ

Вчера

я ночью умирал

И смертным потом

покрывался.

Как отрываются от скал —
 От этой жизни
                                 отрывался.
 Опоры
                                 в воздухе искал
 И в темной пропасти
                                 скрывался.
 Я телеграмм
                                 не посылал.
 Друзей и близких
                                 не сзывал.
 И изнутри
                                 закрыты двери.
 Воспоминаний
                                 не писал.
 Я не готов был
                                 к высшей мере,
 К которой
                                 вдруг
                                 приговорен,
 И — шлеп —
                                 без репетиций пробных...
 Я полагал:
                                 заговорен
 Я от внезапностей
                                 подобных.
 Не приготовился.
                                 Не знал.
 Не подготовился
                                 к уходу —
 Так рано
                                 смерть
                                 к себе не звал,
 Ну дали б сроку
                                 хоть до году...
 ...Я не смотрел вперед,
                                 как в воду...
 ...Опять
                                 в беспмятство нырял,
 Выныривал обратно —
                                 мокрый.
 Совсем сознание
                                 терял.

Сухие наволочки
                                 мокли.
 То мне черно,
                                 то чуть светло
 (Коль не случилось —
                                 не по...
 Как на светящемся
                                 табло
 Перед аварией
                                 в полете...
 И жизнь, и смерть
                                 в моем ум...
 Перемежались,
                                 словно пятна,
 И жутко так
                                 мигали мне.
 Их речь
                                 была мне непонятна
 Всего страшнее
                                 было мне
 (Казалось это
                                 сверхжестоким
 Что умирал
                                 наедине,
 И абсолютно
                                 одиноким,
 Что было
                                 некому сказать
 Слова,
                                 наказы,
                                 наставленья —
 Последней ниточкой
                                 связать
 Себя
                                 с людьми
                                 до оставленья
 И вдруг...
                                 приехала жена.
 И повезла
                                 к врачам...
                                 к прибо...
 Глотал я
                                 воздух, из окна

Сухие наволочки
мокли.
То мне черно,
то чуть светло
(Коль не случилось —
не поймете),
Как на светящемся
табло
Перед аварией
в полете...
И жизнь, и смерть
в моем уме
Перемежались,
словно пятна,
И жутко так
мигали мне.
Их речь
была мне непонятна.
Всего страшнее
было мне
(Казалось это
сверхжестоким),
Что умирал
наедине,
И абсолютно
одиноким,
Что было
некому сказать
Слова,
наказы,
наставленья —
Последней ниточкой
связать
Себя
с людьми
до оставленья.
И вдруг...
приехала жена.
И повезла
к врачам...
к приборам...
Глотал я
воздух, из окна

Пахнувший
вековечным бором.
Глотал —
в приемной у врача —
Жизнь,
словно милость и подарок,
Как мы
глотали сгоряча
Солдатский
жгучий наш
приварок.

1969

СЕБЕ

Пусть были беды, и страдания,
И невезенья полоса,
Пусть пропадали попадания
И пропадали чудеса,
Но были звездные сияния
Удач в работе и бою,
Я вижу их сквозь расстояния,
По ним сужу я жизнь свою.

БОГАТЫРЬ

Я не заметил
перелета —
На чудо-тройке,
что ль, качу? —
Чуть больше трех часов
всего-то —
В индустриальные
ворота,
Как будто в радугу,
влечу!
Над степью,
где снегам раздольно,
Над белым
пологом
зимы,
Встают, как лес,
высокоствольно

Магнитогорские
дымы.
Встает
дыханье комбината,
Как мраморная
колоннада,
Она видна —
по борту слева,
А дальше
снова даль и ширь.
Еще людей не видно —
с неба
Лишь видно —
дышит Богатырь!

МАГНИТОГОРСК

Мы с другом шли
по комбината
Ученики
железных школ.
Вновь
по мартену и прокату
Как очарованный
я шел.
В утробы
домен-великанов
Сквозь стекла
синие очков
Смотрел я —
будто в грудь в
Как
на рождение миров.
Кругом
работа не для слабых
Горячий слиток
в двадцать тон
Вперед-назад
катает слябинг,
Как робот,
точен и умен.
И станы встали,
как по рангам
Летят — роскошные дары! —

Магнитогорские

дымы.

Встает

дыханье комбината,

Как мраморная

колоннада,

Она видна —

по борту слева,

А дальше

снова даль и ширь.

Еще людей не видно —

с неба,

Лишь видно —

дышит Богатыры!

МАГНИТОГОРСК

Мы с другом шли

по комбинату —

Ученики

железных школ.

Вновь

по мартену и прокату

Как очарованный

я шел.

В утробы

домен-великанов

Сквозь стекла

синие очков

Смотрел я —

будто в грудь вулканов,

Как

на рождение миров.

Кругом

работа не для слабых!

Горячий слиток

в двадцать тонн

Вперед-назад

катает слябинг,

Как робот,

точен и умен.

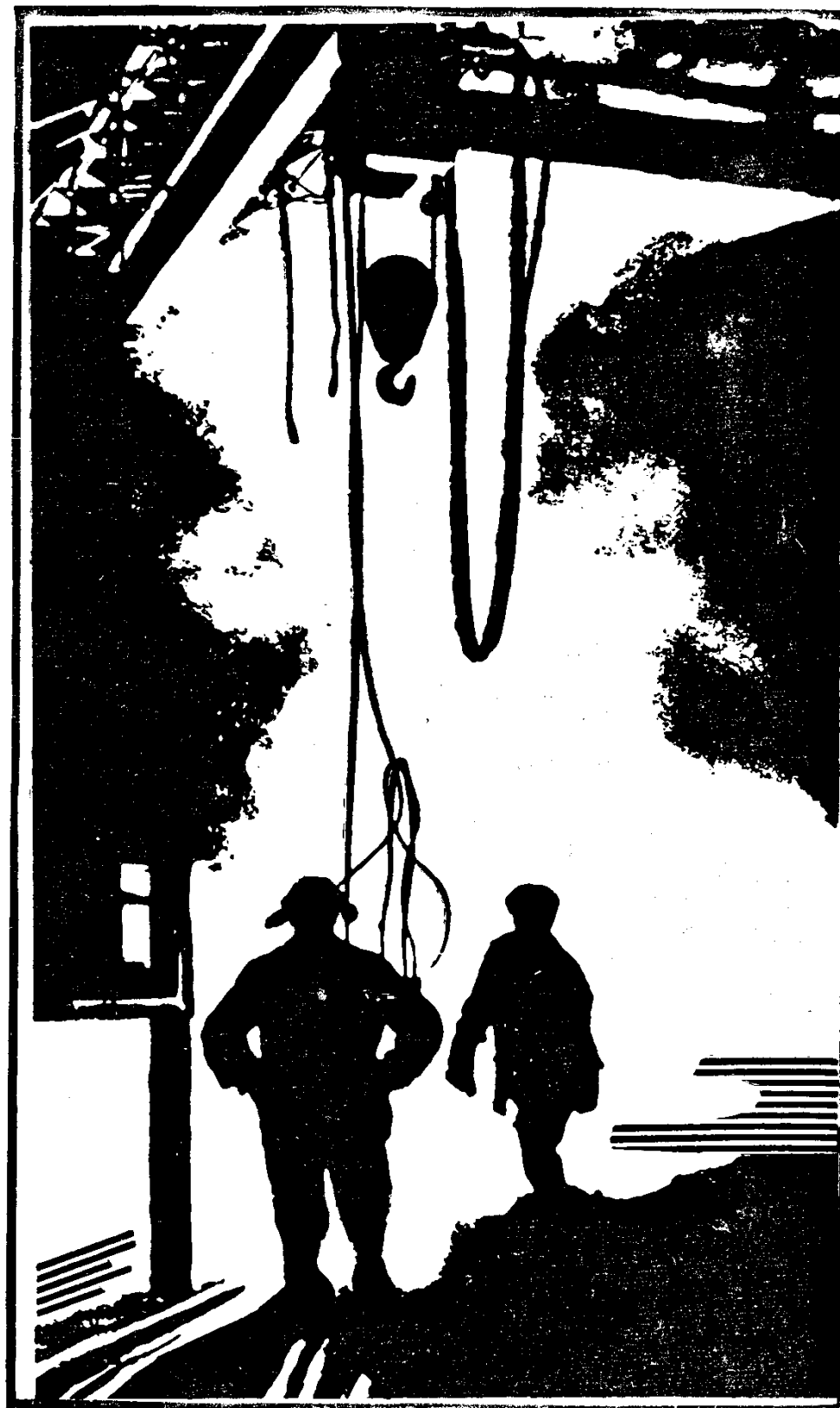
И станы встали,

как по рангам,

Летят — роскошные дары! —

Листы стальные
                                 по рольгангам,
 Как темно-красные
                                 ковры!
 И, как бумагу, сталь
                                 в рулоны
 Потом сворачивают там.
 И труд
                                 там мерится на тонны,
 И пот на тонны
                                 и металл.
 ...Везут
                                 обрезки слитков —
   «обрезь»
 И с желобов
                                 счищают «скраб» —
 Здесь —
                                 что ни слово —
   точный образ,
 Что ни работа —
                                 то масштаб!
 На этот
                                 жесткий мир металла,
 Не отрываясь,
                                 я глядел,
 И все сильнее
                                 проникала
 В меня серьезность
                                 этих дел.
 Я возвращался
                                 мыслью снова
 В те дорогие
                                 времена,
 Когда железная основа
 Стране
                                 вот так была нужна...
 Она
                                 и в те десятилетия
 Беспечной
                                 вовсе не была,
 Когда задумывала
                                 эти
 Сверхдальновидные
                                 дела,

Когда задумала
Магнитку,
Как гений
в творческую ночь,
Не уповая
на молитву,
Своей
рукою
строю мощь!

ЧЕЛЯБИНСК

Магнитогорск
Мартен и слябинг.
Стекла и стали переплет.
И в город юности —
в Челябинск —
За час, не больше,
перелет...
Прикосновение
к Уралу,
К земле заводов
и людей,
Прикосновение
к металлу
Уральской юности
своей...
...Лишь книгам
посвящавший
ночи,
Еще
почти что
без грехов,
Вот здесь
в «Челябинский рабочий»
Спешил я
с трубочкой стихов...
И — как бы снова —
все сначала:
У металлургов
в поводу.
Из цеха в цех
путем металла,

Как бы на привязи,
иду
И наблюдаю
превращенье
Руды — в металл,
железа — в сталь
И нашей мощи
приращенье,
В индустриальном
дыме
даль.
В сиянье —
в плавках и прокатах —
Мир индустрии
мне предстал.
Гигантом встал,
как на плакатах,
Рабочий класс
на пьедестал!

В ГОРОДЕ ЮНОСТИ

Вокруг м
И старые

На жизненном закате
все дороже,
Пронзительней намного
и родней.
Я прилетел
в июньский день погож
В прекрасный город
юности своей
Прекрасный,
потому что жизнь
прекрасна
И каждому
земля своя
милей!
И потому
считаю я
пристрастно

Как бы на привязи,
иду
И наблюдаю
превращенье
Руды — в металл,
железа — в сталь,
И нашей мощи
приращенье,
В индустриальном
дыме
даль.
В сиянье —
в плавках и прокатах —
Мир индустрии
мне предстал.
Гигантом встал,
как на плакатах,
Рабочий класс
на пьедестал!

В ГОРОДЕ ЮНОСТИ

*Вокруг меня снуют
И старые и молодые лица.*

С. Есенин

На жизненном закате
все дороже,
Пронзительней намного
и родней.
Я прилетел
в июньский день погожий
В прекрасный город
юности своей —
Прекрасный,
потому что жизнь
прекрасна!
И каждому
земля своя
милей!
И потому
считаю я
пристрастно

Прекрасным
                                 город юности своей,
 Той юности,
                                 которой не осталось,
 Той юности,
                                 которой нет теперь,
 Которой
                                 столь трагически
   досталось
 Чуть выше нормы
                                 бедствий и потерь.
 Навстречу мне,
                                 как из другого мира,
 Взволнованная
                                 молодость
   летит,
 Сама
                                 собою занятая
   мило,
 Мгновенье рядом —
   и проходит мимо,
 Ведь я для них
                                 почти как инвалид...
 А девушки
                                 по-прежнему красивы —
 Не иссякает
                                 эта красота!
 За то, что ты
                                 красива,
 Жизнь, спасибо!
 Что все
                                 твои
   заполнены
   места...
 Я
                                 путь
   держу
   до станции конечной.
 В наследство
                                 вам
   свой город
   отдаю...
 И возле вашей
                                 юности беспечной,

Окаменев,
                                 как памятник, стою.
 Смотрю на вас
                                 от имени погибших,
 Смотрю на вас
                                 от имени живых,
 От имени
                                 до времени поникших,
 Израненных
                                 ровесников своих.
 Принимаю жизнь.
   Вас к жизни не
 Пускай мне с вами
   рядом не ид...
 Благословляю
                                 молодость чужую
 На лучшие поступки
   и пути.
 На жизненном закате
   все — до...
 Пронзительней намного
   и родне...
 Мне снова
                                 улыбается, похоже,
 Прекрасный город
                                 юности моей.

ЗЕМЛЯКИ

Мне
                                 не до спячки,
 Шаги
                                 легки.
 Зовут
                                 землячки
 И земляки
 В дворцы
                                 и клубы,
 В читальни
                                 и —
 Греми,
                                 как в трубы,
 Стихи
                                 свои...

Окаменев,
как памятник, стою.
Смотрю на вас
от имени погибших.
Смотрю на вас
от имени живых,
От имени
до времени поникших,
Израненных
ровесников своих.
Приемлю жизнь.
Вас к жизни не ревную.
Пускай мне с вами
рядом не идти —
Благословляю
молодость чужую
На лучшие поступки
и пути.
На жизненном закате
все — дороже,
Пронзительней намного
и родней...
Мне снова
улыбается, похоже,
Прекрасный город
юности моей.

ЗЕМЛЯКИ

Мне
не до спячки,
Шаги
легки.
Зовут
землячки
И земляки
В дворцы
и клубы,
В читальни
и —
Греми,
как в трубы,
Стихи
свои...

С трибуны
глянув,
Враз
обоймешь
И ветеранов
И молодежь.
Я с ними —
нежен,
Со мной —
нежны.
Не я
вам
нужен —
Вы
мне
нужны!
Я
без Урала
Как без души
(Пиши —
«пропало»,
«Пропал» —
пиши).
Я
без Урала
Как
без земли —
Пока
бураны
Не замели...

СТИХИ В МАГНИТКЕ

*Бывшему главному сталеплавильщику
Магнитогорского комбината Трифоно-
ву А. Г., которому принадлежат приве-
денные здесь первые две строки в
кавычках.*

Стихи в Магнитке
очень «модны»,
Сказать точнее — к делу годны:
Они звучат
и на планерках,

И в новых, здешних,
поговорках,
Как эта:
«Вытянемся в нитку —
Не подведем Магнитку!»
И «переделан»
Маяковский
На новый лад —
магнитогорский:
«Очень жаль нам тех,
которые
Не были
в Магнитогории»...
Ничьей иронией
не троньте
Вот эту чудную
черту —
Ведь так же было
и на фронте,
Где всё
у всех
начистоту,
Где жизнь
как бой за высоту!
Где всё,
и маленькая малость,
Пронзительно воспринималось,
Где у людей
в конце концов
У офицеров,
у бойцов,
Отдельных тайн
не оставалось,
Ни у «низов»,
ни у «верхов» —
Где людям
вместе рисковалось,
И сердце
честно раскрывалось
Для лучших песен
и стихов.

И в новых, здешних,
поговорках,
Как эта:
«Вытянемся в нитку —
Не подведем Магнитку!»
И «переделан»
Маяковский
На новый лад —
магнитогорский:
«Очень жаль нам тех,
которые
Не были
в Магнитогории»...
Ничьей иронией
не троньте
Вот эту чудную
черту —
Ведь так же было
и на фронте,
Где всё
у всех
начистоту,
Где жизнь
как бой за высоту!
Где всё,
и маленькая малость,
Пронзительно воспринималось,
Где у людей
в конце концов
У офицеров,
у бойцов,
Отдельных тайн
не оставалось,
Ни у «низов»,
ни у «верхов» —
Где людям
вместе рисковалось,
И сердце
честно раскрывалось
Для лучших песен
и стихов.

главному сталеплавильщику
ерского комбината Трифоно-
которому принадлежат приве-
здесь первые две строки в

ЗАСЫПЛЮ УРАЛ ТЕЛЕГРАММАМИ СНОВА

А. Шмакову

Засыплю Урал
                    телеграммами снова —
Друзьям, и знакомым,
                    и новым друзьям,
Поэтам
            уже
            поколенья другого
И все-таки
            истинно близкого
                    нам.
Вернулся сюда —
            не забыт, не отвергнут,
Разлуки долой!
            И размолвки долой!
Разносам,
            допросам
            никем не подвергнут,
И прибыл не в гости,
            а прибыл домой!
...Спасибо за чудо
            той юности чистой,
Которая сверена
            с гор высотой,
С высокой грядой,
            каменистой, плечистой,
И с будничной жизнью,
            святой и простой.
Тебе, Златоуст,
            за учебу спасибо!
И город на золоте,
            старый Миасс!
Нас школа учила
            и строго растила,
Как учит рабочих
            рабочий наш класс.
Еще в семилетке мы знали,
            кем будем,
Мы были серьезны,
            как здешний народ!
Где будем нужней
            и полезнее людям,

Кто — в техникум горный,
                    и кто
Спасибо тебе, ЧТЗ,
                    за науку —
Работал я там
                    от весны до зимы
Но ты протянул мне
                    рабочую ру
Еще приобщил
                    и к поэтскому кр
К кружку начинающих,
                    добрых д
Дал верного друга.
                    И даже подр
Хочу поклониться
                    тебе до земл
За дружбу народов
                    у нас на Ура
Спасибо!
            Мы дети единой земли
И вместе учились,
                    и вместе игра
И вместе —
                    сквозь Время какое

В душе я храню
                    благодарное сл
По радиоволнам
                    его передам.
Я шлю телеграммы —
                    с восторж
Друзьям, и Товарищам,
                    и Город

* * *

С Челябинском
                    не говорил я до
По телефону
                    иль лицом к лицу.
Не по приказу,
                    а по чувству до
Звоню ему,
                    как будто бы отцу.

МИ СНОВА

. Шмакову

ва —

зьям,

вергнут,

я!

ргнут,

мой!

ой,

чистой,

ростой.

а,

асс.

дем,

арод!

ям,

Кто — в техникум горный,
и кто — на завод.

Спасибо тебе, ЧТЗ,
за науку —

Работал я там
от весны до зимы,

Но ты протянул мне
рабочую руку,

Еще приобщил
и к поэтскому кругу —

К кружку начинающих,
добрых друг к другу...

Дал верного друга.
И даже подругу...

Хочу поклониться
тебе до земли!

За дружбу народов
у нас на Урале

Спасибо!
Мы дети единой земли,

И вместе учились,
и вместе играли,

И вместе —
сквозь Время какое! —
прошли!

В душе я храню
благодарное слово.

По радиоволнам
его передам.

Я шлю телеграммы —
с восторгами — снова

Друзьям, и Товарищам,
и Городам!

* * *

С Челябинском
не говорил я долго

По телефону
иль лицом к лицу.

Не по приказу,
а по чувству долга

Звоню ему,
как будто бы отцу.

1

162

1

163

ЗАПОЛЯРЬЕ

1

Переглядываемся

с другом:

— Мы уже

за Полярным кругом! —

С другом,

лириком сверхпопулярным,

Мы трибуним

за кругом Полярным!

...Север — это

большой холодильник?

И величественные

льды?

И медведи

на льдинах?

И морские

львы?

Север —

северное сиянье!

Наши

северные берега!

Наши

северные россияне,

Грудью встретившие

врага!

Не луга,

не ромашка, не клевер —

А студёный

девятый вал!

Я давно собирался

на Север —

Там я сердцем

не раз побывал:

Не ушли до сих пор

в забвенье,

Это все

до сих пор

не старо —

Стрелы

«Мурманского направления»,

Ежедневные

сообщенья

От Советского
Информбюро.

И за те
и за эти годы
Сердцем
Северу
поклонюсь.
Погляжусь
в эти славные воды
И в снегов
океан окунусь.

2

Ледокол «Мурманск» в доке

Ледокол вернулся
В порт,
домой.
Ледокол
«Мурманск»
Стал
на ремонт.
Из воды
поднят,
Наверху —
весь!
Виден нам сегодня
Весь
как есть!
Поднят он высоко —
Как
на стол.
На ладони
дока —
Ле-
до-
кол!
Мощный
моря пахарь,
В белом далеке
Льды колот,
как сахар...

Как щипцы в руке...
Нет, сложнее практика
И трудней труды:
Это все же Арктика!
И не сахар —

льды...

Ясно, что на деле
Было все не так —
Долгие недели
Был полярный мрак.
Через Шар Югорский
Караван провел
Броневой

геройский

Этот ледокол!
Длился путь полгода,
Наконец пришел
С фронта, из похода
Воин-ледокол.

3

Мне
слова
прекрасны сами:
«Северяне»
и «саами»,
«Мурманчане»,
«мурманчанки»,
И «кольчане»,
и «кольчанки»
(И звучат не хуже,
други,
Чем «колчань»
и «кольчуги»...)
Я смакую их,
как что-то
Очень свежее
на вкус,
Повторяю их
без счета
И «мотаю»
все «на ус»...

Как щипцы в руке...
Нет, сложнее практика
И трудней труды:
Это все же Арктика!
И не сахар —

льды...

Ясно, что на деле
Было все не так —
Долгие недели
Был полярный мрак.
Через Шар Югорский
Караван провел
Броневой

геройский

Этот ледокол!
Длился путь полгода,
Наконец пришел
С фронта, из похода
Воин-ледокол.

3

Мне

слова

прекрасны сами:

«Северяне»

и «саами»,

«Мурманчане»,

«мурманчанки»,

И «кольчане»,

и «кольчанки»

(И звучат не хуже,

други,

Чем «колчаны»

и «кольчуги»...).

Я смакую их,

как что-то

Очень свежее

на вкус,

Повторяю их

без счета

И «мотаю»

все «на ус»...

Как — после лайнеров — олени,
Андрей?

Быть может, менее

современней,

Зато, наверно,

совершенней —

Безаварийней и верней?

От тундры вечности

мудрея,

Писатели

в снегах — с утра.

Олени

нюхают Андрея

И Сажина Петра.

И, видно, за своих признав,

Везут их тундрою стремглав.

Олени,

труженики тундры,

Не жалуются,

что им трудно.

Несут рога свои,

как нимбы,

Словечко нежное

и им бы...

Я загораюсь

враз

о современность,

Как спичка,

чиркнутая о коробок.

Я верю в непреложность,

в неременность

Своих дорог.

О, я не колобок,

Не домосед

сосед за пирогами,

Не увалень,

а удалец.

Душой — к друзьям,

Лицом к лицу — с врагами,

И, если надо, я боец.

То на ладонь планеты

опуска

То вновь подбрасывая

к выши

Не ставя крест на мне,

не от

Двадцатый век

пульсирует в

Поездка на КамАЗ

Жизнь

действительно

удивител

Это

сказано

и до вас,

Это я

ощутил дополнительно

Прилетев

на КамАЗ.

Современность

вновь

на Кам

Завораживала

меня,

Чтобы стройку объехать

на

Не хватило

нам полного дня

...Словно гордые

горы Кавка

Здесь

в разрезе

передо мной

Фантастические

каркасы —

И металл

кружевной,

живой,

Объезжаем плацдарм

велика

И, если надо, я боец.
То на ладонь планеты
                                опуская,
То вновь подбрасывая
                                к вышине,
Не ставя крест на мне,
                                не отпуская,
Двадцатый век
                                пульсирует во мне.

6

Поездка на КамАЗ

Жизнь
                                действительно
  удивительна!
Это
                                сказано
  и до вас,
Это я
                                ощутил дополнительно,
Прилетев
                                на КамАЗ.
Современность
  вновь
  на КамАЗе
Завораживала
                                меня,
Чтобы стройку объехать
  на «ГАЗе»,
Не хватило
                                нам полного дня.
...Словно гордые
  горы Кавказа,
Здесь
                                в разрезе
  передо мной —
Фантастические
  каркасы —
И металл
                                кружевной,
  живой,
Объезжаем плацдарм
  великанский,

Пятилетки
     девятой
         фронт!
 Будет
     автомобильный
         Камский
 Современнейший
     сверхзавод!
 Выйдут
     камские
         большегрузы,
 Двинут в села
     и города,
 На дороги
     всего Союза,
 Словно
     новые боги труда!
 ...Мы проехали
     с Аней Бибиной,
 Из горкома
     ВЛКСМ,
 С Аней Бибиной,
     с Аней Улыбиной,
 По объектам
     по всем.
 Как влюбленно
     она рассказывала
 Юный эпос
     КамАЗа
         мне.
 Очень нежно
     меня
         привязывала
 К молодежной
     этой земле,
 Где полсотни
     национальностей
 Проживает
     семьей
         одной,
 Где
     до тысячи специальностей
 Строят дружно КамАЗ
         родной.

Круглосуточные
     работники
 Зря
     на улицах
         не «рябят».
 А воскресники
     и субботники
 Праздник истинный
     для реб
 Где пустырь расстился
     ос
 Новый город
     за
         год
     возведен
 Этот город
     воздушно-высо
 Будет
     молодостью
         заселен
 Не хватает
     для улиц
         назван
 Их
     обдумывает
         горсовет.
 Молодые
     проспекты Дерз
 Появляются
     здесь
         на свет.
 И высаживаются
     саженцы,
 И высаживаются
     ростки.
 Ходят девушки,
     словно вах
 Легкой юности
     лепестки.
 Регулярно
     свадьбы
         по пятн

Круглосуточные
                    работники
Зря
    на улицах
            не «рябят».
А воскресники
            и субботники —
Праздник истинный
            для ребят!
Где пустырь расстился
                    осотный —
Новый город
            за
            год
            возведен.
Этот город
            воздушно-высотный
Будет
            молодостью
                    заселен.
Не хватает
            для улиц
                    названий,
Их
    обдумывает
            горсовет.
Молодые
            проспекты Дерзаний
Появляются
            здесь
                    на свет.
И высаживаются
                    саженцы,
И высаживаются
                    ростки.
Ходят девушки,
            словно важенки,
Легкой юности
            лепестки.
Регулярно
            свадьбы
                    по пятницам.

В загсе —
очереди.
Подожди.
Продолжается жизнь,
не пятится.

Поливают
землю
дожди.

Тут
никто
не приемлет
тления,

Напружиненный
как в бою.

Грандиозные
впечатления

Раздвигали
здесь
душу мою.

Молодые,
пока без отчеств,

Собрались тут
и строить
и цвести!

На КамАЗе
нет одиночества.
Комсомольская дружба
есть!

НОВОЕ СЛОВО

В этом
тоже —
и краткий и строгий —
Стиль столетия,
почерк
наш:

Называли
неплохо
стройки:

ЧТЗ,
Днепрогэс,
Уралмаш.

Человек наш,
мечтатель и практик,
Их задумал,
как песни,
сперва.

Как названия звезд
и галактик,
Полюбили
мы эти слова.
И вписались они
распрекрасно
В словари —
и в эпоху —
при

А теперь
утверждается
властно
Наше новое слово
КамАЗ.

1972

ИЗ КАСКИ

...И как не по
сквозь каску

— Я не хочу
расти
из
каска! —

Гаврилов Саша
мыслит так.

И хочет он
расти
из сказки,

Где в красных ягодах
овраг,

Согласен он
расти из сени,

Быть нежным
сыном синевы,

Чтобы Россия
пела в сыне,

Как пела
в гениях с Невы...

И я,
как Сашенька Гаврилов,

Хотел расти
(и в детстве рос)

Из сказок
речки говорливой,

Как названия звезд
и галактик,
Полюбили
мы эти слова.
И вписались они
распрекрасно
В словари —
и в эпоху —
при нас!
А теперь
утверждается
властно
Наше новое слово
КамАЗ.
1972

ИЗ КАСКИ

...И как не понять —
сквозь каску не хочется

мне прорасти.
А. Гаврилов

— Я не хочу
расти
из
каска! —

Гаврилов Саша
мыслит так.

И хочет он
расти
из сказки,
Где в красных ягодах
овраг,

Согласен он
расти из сини,
Быть нежным
сыном синевы,
Чтобы Россия
пела в сыне,
Как пела
в гениях с Невы...

И я,
как Сашенька Гаврилов,
Хотел расти
(и в детстве рос)
Из сказок
речки говорливой,

Из листьев
 лебедей-берез.
 А век
 швырнул
 башкою
 в каску,
 Как будто
 мной
 кого боднул;
 А век захлопнул
 жестко
 сказку
 И львиной головой
 мотнул...
 А я мечтал
 об этом
 разве?
 А приходилось,
 и не раз,
 Писать стихи
 в противогазе,
 Идти
 с любимой
 под фугас...
 Не гарантированы
 сказки.
 Я вовсе
 не сгущаю краски.
 Еще не просто все,
 прости.
 Не дай вам бог
 расти из каски.
 И сквозь железо
 прорасти.

1971

МОЛОДОМУ ПОЭТУ

Каждый возраст
 свое сочиняет,
 Каждый возраст
 живет своим,

172

Каждый возраст
 собой
 начинае
 Сочиняемое
 им.
 Невозможно уже,
 «не солидно»
 В пятьдесят
 с небольшим
 моих
 «Выдавать» мне
 как твой,
 зави
 Восемнадцатилетний
 стих...
 Вы — свое,
 мы — свое
 допишем
 Ветераны
 в стихах
 и юнцы,
 Дозвеним,
 доживем,
 додышим,
 Разновозрастные
 бойцы.
 Лишь давайте
 не знать стиха
 Продолжая
 кипенье
 воль,
 И обмениваться
 стихами,
 Словно возрастами,
 что ль....

1973

МИНВОДЫ

От болезней
 лечась незваным
 Пряча в воду, что ль,
 их «ко»

173

Каждый возраст
                    собой
                                начинает
Сочиняемое
                    им.
Невозможно уже,
                    «не солидно»,
В пятьдесят
                    с небольшим
                                моих
«Выдавать» мне
                    как твой,
                                завидный
Восемнадцатилетний
                    стих...
Вы — свое,
                    мы — свое
                                допишем —
Ветераны
                    в стихах
                                и юнцы,
Дозвеним,
                    доживем,
                                додышим,
Разновозрастные
                    бойцы.
Лишь давайте
                    не знать стиханья,
Продолжая
                    кипенье
                                воль,
И обмениваться
                    стихами,
Словно возрастами,
                    что ль....

1973

МИНВОДЫ

От болезней
                    лечась незваных,
Пряча в воду, что ль,
                    их «концы»,

Я купался
в нарзанных
ваннах,
Как в шампанском
когда-то
купцы.

Я довольствовался
нарзаном.
И «вовнутрь»
принимал
нарзан.

А того,
что совсем
нельзя нам,

Не попало
ни грамма
в стакан,

Потому что
не сдался скуке.

Слушал:
только что
в гуле скал,

В эполетах,
в копытном стуке,

В листьях осени,
в птичьем вспуге

Юный Лермонтов
проскакал!

Все тут
классикою
дышало!

Приглашало,
влекло в полет!

И снижаться
не разрешало —

Ни с каких высот —
до болот.

А кругом
подрастает
юность!

Не моя,
а чужая
пусты!

(Я цвету,
на нее любуюсь!)

Учит
лириков
наизусть.

Так светло тут
и так кислородно

И повсюду
гениев след —

От Бештау
до Кисловодска

Нашей классики
вечный свет!

Здесь
слепил нас
алмаз
эльбрусский

Где земля
и небо слились,

Здесь
вершинам
поэзии русской

Мы и кланялись
и клялись.

1971

ЖИЗНЕЛЮБ

Радости т

Жизнелюб,
я жизни люб,

Мне люди любы.
Жизнелюб,
жизнелюб,

Будто губы!
Там и сям,
так и сям

Жизнь вертела —

(Я цвету,
на нее любуюсь!)
Учит
лириков
наизусть.
Так светло тут
и так кислородно!
И повсюду
гениев след —
От Бештау
до Кисловодска
Нашей классики
вечный свет!
Здесь
слепил нас
алмаз
эльбрусский,
Где земля
и небо слились,
Здесь
вершинам
поэзии русской
Мы и кланялись
и клялись.

1971

ЖИЗНЕЛЮБ

Радости пей! Пой!
В. Маяковский

Жизнелюб,
я жизни люб,
Мне люди любви.
Жизнелюб,
жизнь — у губ,
Будто губы!
Там и сям,
так и сям
Жизнь вертела —

Не иссох,
                   не иссяк;
 В форме тело,
 И душа
                   не ушла,
 Ретивое
 Все звенит
                   в высь,
                                   в зенит
 Тетивою.
 Верит в высь,
                   верит в жизнь —
 В это чудо;
 В нашу жизнь,
                   в нашу высь,
 А не в чью-то.
 Чудо лет,
                   чудо дней
 Не исчерпать;
 Чудо лей,
                   чудо пей,
 Чудо черпай!
 Будет час —
                   не будет нас.
 Жизнь бессмертна!
 Сменит нас,
                   смертных нас,
 Жизнь бессменна!

* * *

Мы в жизнь пришли
                                   не опускаться,
 Не
                   низвергаться с высоты,
 Как спутник
                   в космос,
                                   запускаться
 В любовь,
                   в восторги
                                   и в цветы!
 О, нам дано
                   со дня рожденья

Вперед движение
                                   и вверх,
 Такие
                   в жизни
                                   восхожденья,
 Таких восторгов
                                   фейерверк —
 Что вся душа
                                   в цветах и в звездах.
 В цветах и в радостях
                                   и дом!
 И даже в смерть,
                                   как летчик в во
 По восходящей
                                   мы уйдем.

1972

* * *

От молодости
                                   ордена
 У вас остались
                                   и медали.
 Пусть смотрит
                                   юная страна,
 Какие бури
                                   вы видали.
 Шагает юность
                                   мимо вас
 С особым
                                   сердца
   замираньем,
 Отдать готова
                                   каждый раз
 Честь,
                                   как матросы
   адмиралам.

1970

Вперед движение
и вверх,
Такие
в жизни
восхождения,
Таких восторгов
фейерверк —
Что вся душа
в цветах и в звездах.
В цветах и в радостях
и дом!
И даже в смерть,
как летчик в воздух,
По восходящей
мы уйдем.

1972

* * *

От молодости
ордена
У вас остались
и медали.
Пусть смотрит
юная страна,
Какие бури
вы видали.
Шагает юность
мимо вас
С особым
сердца
замираньем,
Отдать готова
каждый раз
Честь,
как матросы
адмиралам.

1970

ПЕСНИ

В ТРАМВАЕ ЕДЕТ ЧЕЛОВЕК

В вагоне едет человек,
Твой ветеран, двадцатый век.
В глазах — раздумье, а не смех.
А на висках — не тает снег.
Ах, сколько лет, сколько лет
Он был солдат твой и поэт,
Он был певец твоих побед.

Но больше молодости нет.
Он отдал молодость боям.
Он отдал молодость друзьям.
Он отдал молодость стране.
Он отдал молодость и мне.
Рекой Садовое кольцо
Течет в вечернюю зарю.
На это строгое лицо
Я с уважением смотрю,
И от волненья в горле ком,
Хоть с ним я вовсе незнаком,
И только молча говорю:
«Благодарю! Благодарю!»

1970

СИДЯТ В ОБНИМКУ ВЕТЕРАНЫ

Сидят в обнимку ветераны,
Немного выпили — не пьяны...
А за спиной чужие страны,
Бои, атаки и тараны,
А в сердце — раны, в сердце — раны.
Живые мертвых вспоминают,
С тоской и болью вспоминают,
Но только мертвые не знают,
Что их живые вспоминают...
Им не услышать голос милых,
Им не обнять своих любимых.
Ничем помочь друзьям не в силах,
Живые плачут на их могилах.
Сидят в обнимку ветераны.

178

Солдаты, сестры, партизаны
Сидят поют, а в сердце — раны.
Незаживающие раны.

ГОРЯЧИЙ СНЕГ

Юр

Клубились яростно метели
По сталинградской по земле.
Дымилась потные шинели,
И шли солдаты по золе.
И танк в сугробе как в боло...
И бьют снаряды по броне.
Снежинки таяли в полете,
Как ветки с листьями в огне.
И падал в битве человек
В горячий снег, в кровавый
Смертельной битвы этой вет...
Как бы расплавленный мета...
Сжигал и плавил всё на све...
Что даже снег горячим стал
И за чертой, последней, стр...
Бывало, танк и человек
Встречались в схватке рукоп...
И превращался в пепел сне...
Хватал руками человек
Горячий снег, кровавый сне...
Опали белые метели.
Цветами стали по весне.
Большие годы пролетели,
А ты всё сердцем — на вой...
Где отпевали нас метели,
Где в землю многие легли.
...А дома — мамы поседели
...У дома — вишни зацвели.
А у тебя в глазах навек —
Горячий снег, кровавый сне...

1973

КАМЧАТСКАЯ ПЕ

У камчатских сопок
Мы живем с тобой.
Бьет о берег высоко

179

Солдаты, сестры, партизаны
Сидят поют, а в сердце — раны,
Незаживающие раны.

ГОРЯЧИЙ СНЕГ

Юрию Бондареву

Клубились яростно метели
По сталинградской по земле.
Дымились потные шинели,
И шли солдаты по золе.
И танк в сугробе как в болоте,
И бьют снаряды по броне.
Снежинки таяли в полете,
Как ветки с листьями в огне.
И падал в битве человек
В горячий снег, в кровавый снег.
Смертельной битвы этой ветер,
Как бы расплавленный металл,
Сжигал и плавил всё на свете,
Что даже снег горячим стал.
И за чертой, последней, страшной,
Бывало, танк и человек
Встречались в схватке рукопашной,
И превращался в пепел снег.
Хватал руками человек
Горячий снег, кровавый снег...
Опали белые метели.
Цветами стали по весне.
Большие годы пролетели,
А ты всё сердцем — на войне,
Где отпевали нас метели,
Где в землю многие легли.
...А дома — мамы поседали.
...У дома — вишни зацвели.
А у тебя в глазах навек —
Горячий снег, кровавый снег.

1973

КАМЧАТСКАЯ ПЕСНЯ

У камчатских сопок
Мы живем с тобой.
Бьет о берег высоко

Океанский прибой.
У камчатских сопок
Жизнь я полюбил.
Был я скромн и робок,
Край меня закалил.
Не грусти — бывает
На земле туман.
Помни: нас окружает
Океан. Океан.

Мы живем не слабо!
Сильный край нам дан!

Помни наши масштабы:
Океан. Океан.

У камчатских сопок
Мы живем с тобой.
Бьет о берег высоко
Океанский прибой.

УЛЫБКА

Идет солдат
в сраженья и походы
Который раз,
который год подряд!
Чтоб мирно жили
страны и народы.
От счастья
улыбается солдат.
Он улыбался
в радости и в славе,
И в грустный час
не вешал нос солдат.
Наверно, и в Софии
и в Варшаве
Его улыбку
в памяти хранят.
— С улыбкою жить полагается! —
Солдаты в вагоне поют.
Когда машинист улыбается —
Колеса быстрее бегут.
Покинул он
свою родную роту

И возвратился
на родно
И видит мир
опять его
И по улыбке доброй
уз
С улыбкою жит
Вернувшись в р
Когда человек у
Душа его, значи

1945

ПОМНИ СО

Снова
сады
на земле з
Там, где был пепел
ко
Каждая пядь
этой веч
Помнит солдата,
помн
Памятник помнит,
помн
Воина смерть
и рожд
Небо
глубокие тайны
Помнит сраженья,
по
Юная жизнь
и цветет
Там,
где был пепел к
Каждою веткою
душу
Каждой живинкою
кр
— Помни солдата!
П

И возвратился
на родной завод.
И видит мир
опять его работу,
И по улыбке доброй
узнает.
С улыбкою жить полагается,
Вернувшись в родные места.
Когда человек улыбается —
Душа его, значит, чиста!

1945

ПОМНИ СОЛДАТА

Снова
сады
на земле зацвели
Там, где был пепел
когда-то...
Каждая пядь
этой вечной земли
Помнит солдата,
помнит солдата.
Памятник помнит,
помнит гранит
Воина смерть
и рождение.
Небо
глубокие тайны хранит,
хранит,
Помнит сраженья,
помнит сраженья...
Юная жизнь
и цветет и шумит
Там,
где был пепел когда-то.
Каждою веткою
душу щемит,
Каждой живинкою
красит гранит:
— Помни солдата!
Помни Солдата!

Девушка
    мимо
        куда-то
            спешит,
Девушка
    в сердце
        тревогу
            таит,
И виновато
Юноша возле
        гранита стоит.
Помни Солдата!
Помни Солдата!

ВЕСНЫ МОИ

Весны мои —
Весла мои!
Снова плыву
В зелень, в листву!
Сколько мне лет?
Сорок иль нет?
Двадцать всего?
Меньше того?

Весен и зим
Круговорот!
Неотразим
Времени ход!
(Времени ход —
Только вперед!)
Неистребим
Звездный рубин,
В гроздьях рябин,
Неразрубим,
Неразлюбим.

В ритме весны
Сердце стучит.
Лучшие сны
Явь мне дарит.

Чувствам стареть
В мае нельзя,

Если смотреть
Маю в глаза.

Весны
Стереть
В сердце
Нельзя!
Весны мои —
Весла мои!
Флаги мои!
Стяги мои!

МЕЖДУ НАМИ...

(Романс)

Между нами — года.
Между нами — молчанье.
И морская вода,
Пароходов качанье...
Я тебе не пишу.
Только помню те речи,
Только в сердце ношу
Наши давние встречи.
Позабыть не могу
Все, что было когда-то.
Это я берегу.
Это — чисто и свято.
Это — наше с тобой,
Это все — между нами,
Глубоко под водой,
Под годами-волнами...
Между нами — года,
Между нами — молчанье,
И морская вода,
Пароходов качанье...

ПЕСНЯ СТРОИТЕЛЯ Кам

Моя судьба

П

Хорошие ребята
Приехали сюда,
Отличные девчата.
Веселая среда.

Если смотреть
Маю в глаза.

Весны
Стереть
В сердце
Нельзя!
Весны мои —
Весла мои!
Флаги мои!
Стяги мои!

МЕЖДУ НАМИ...

(Романс)

Между нами — года.
Между нами — молчанье.
И морская вода,
Пароходов качанье...
Я тебе не пишу.
Только помню те речи,
Только в сердце ношу
Наши давние встречи.
Позабыть не могу
Все, что было когда-то.
Это я берегу.
Это — чисто и свято.
Это — наше с тобой,
Это все — между нами,
Глубоко под водой,
Под годами-волнами...
Между нами — года,
Между нами — молчанье,
И морская вода,
Пароходов качанье...

ПЕСНЯ СТРОИТЕЛЯ КамаЗа

Моя судьба — КамаЗ!

Плакат на стройке

Хорошие ребята
Приехали сюда,
Отличные девчата.
Веселая среда.

слова,

«Казань»,

«Рязань».

«Москва»...

Мы стали здесь друзья.

Мы праздничны и в будни!

КамАЗ — судьба моя!

Ты ярче, чем алмаз,

Горишь в ночи огнями,

КамАЗ, КамАЗ, КамАЗ!

Родился поздно я,

Но здесь — моя Великая

Отечественная!

Живут на свете раз.

Свое бессмертье строим,

Свое бессмертие строим,
Свой памятник — КамАЗ!

Останутся труды.

Останутся заводы.

И вырастут сады.

Ты ярче, чем алмаз,

Горишь в ночи огнями,

КамАЗ, КамАЗ, КамАЗ!

«КамАЗ — судьба моя!

Моя любовь и песня,

Мой дом, моя семья!»

THEY DON'T KNOW THE DIFFERENCE

Как-то я смотрел французский фильм о первой мировой войне. Перед зрителем показывали казни, казавшие немцев, оккупировавших Прибалтику. Содрогалась душа от жестокости осужденных. После каждого казня: «У французов короткая память».

Да, к сожалению, у некоторых
напоминать и напоминать им о
рабством человечеству.

...Тупые лица фашистских зве

Вдруг мне подумалось — за

какие красивые были наши солдаты! У них, у тех, кто уничтожил фашизм и спас человечество! С нашими друзьями, уральцев-танкистов. Ах, наш Фомичев — наш танковый Советского Союза Кулешов и Солдаты и солдаты Александр Соколов, Качев, Романов, Худяков, Маленко, Волков, Троешкин, Чирков, Богомолов, Левшунов, Мордвинов, Агамалеев, Кириллов, Лапин, Гаврилов. Мне хотелось бы сегодня всех поздравить с Днем Победы, и поблагодарить всех за подвиги!

Командиры корпуса генерал-майоры Свердловской и Пермской

Командиры полков и батальоны, роты и взводы, сержанты и рядовые! Вашим подвигам посвящается эта книга. Пусть она будет напоминанием о героическом прошлом нашей страны, о великой Победе, и в салютах этого дня

Глядя на салют 9 Мая, на л
и сел, вспомним друзей, погиб

ДРУЗЬЯМ

Как-то я смотрел французский документальный фильм о второй мировой войне. Перед зрителями проходили страшные кадры, показывающие немецкую оккупацию Франции, Польши, Украины, Прибалтики. Содрогалась душа при виде ужасов майданеков и освенцимов. После каждого такого жуткого кадра диктор повторял: «У французов короткая память?»

Да, к сожалению, у некоторых людей короткая память. Надо напоминать и напоминать им о фашизме, грозившем тысячелетним рабством человечеству.

...Тупые лица фашистских зверей и их главарей заполняли экран.

Вдруг мне подумалось — захлестнуло мне душу это чувство: ах какие красивые были наши солдаты! Какие у них человеческие лица! У них, у тех, кто уничтожил это страшное фашистское чудовище и спас человечество! С нежностью, с любовью я вспоминал друзей, уральцев-танкистов. Ах какие вы золотые люди! Комбриг наш Фомичев — наш танковый Чапаев! Друзья-фомичевцы Герои Советского Союза Кулешов и Сурков, танкисты и разведчики, офицеры и солдаты Александр Соколов, Тимофеев, Кочемазов, Толкачев, Романов, Худяков, Малков, Пасынков, Дмитрюк, Пономаренко, Волков, Троешкин, Чирков, Денисов, Приходько, Баранов, Богомоллов, Левшунов, Мордвинцев, Нечмоглод, Чиж, Менделеев, Агамалеев, Кириллов, Лапин, Гриценко и многие, многие другие! Мне хотелось бы сегодня всех вас назвать поименно и поздравить с Днем Победы, и поблагодарить за День Победы, за Труд Победы, за подвиги!

Командиры корпуса генералы Родин и Белов, Лозовский! Командиры Свердловской и Пермской бригад!

Командиры полков и батальонов! Взводов! Отделений! Офицеры и рядовые! Вашим подвигом пронизан этот день — День Победы, и в салютах этого дня есть и вспышки вашей отваги!

Глядя на салют 9 Мая, на ликующую жизнь на улицах городов и сел, вспомним друзей, погибших друзей, вспомним наши пути...

САЛЮТЫ

Начинает смеркаться.
День Победы. Салют.
Чтобы им любоваться,
Собирается люд.
Дети пляшут от счастья,
А отец пожилой,
Так, на взгляд, без участия
Курит рядом с женой,
От всего отрешенный,
От себя, от семьи.
Он стоит погруженный
В размышленья свои.
Он в такие минуты
Далеко от семьи.
А дойдут ли салюты
До друзей, до земли?
Их

другие «салюты»
Пригвоздили, пронзив.
Забываются люди.
Превращаются в миф.
Превращаются в память.
Не забудь их, живой.
Превращаются в пламя
Над твоей головой.
Для кого-то салюты,
Для кого-то они —
Боевые маршруты,
Незабытые дни.

ДЕВЯТОЕ МАЯ

Стираются даты.
Стареют солдаты,
О молодость наша,
Помедли, куда ты?
Победные трубы
Вложи в мои губы,
Пусть грозно и грубо
Рычат эти трубы.

Пусть снова становится
Наша отвага
У красного стяга,
На купол рейхстага.
О люди России!
Танкисты Урала,
Чья ярая ярость
Врагов покарала!
Проснитесь, приснитесь —
Как были, такими, —
И те, кто в могиле,
И те, кто в Тагиле,
У скал Таганая,
У волн Громотухи,
Придите, грядите,
Как боги, как духи:
Я должен сегодня
Увидеться с вами,
Обняться в любви,
Обменяться словами,
За ваше здоровье
Как следует выпить,
На мраморе
Ваши фамилии выбить!
Содвинемся в клятве
И скажем по праву:
— Никто не отнимет
У нас эту славу!
День нашей Победы,
Ты гордость! Ты ярость!
Ты молодость наша!
Ты сердцу как парус!

* * *

Не мы стрельбу открыли. Не
О, страшный Сорок первый,
Нашествие взбешенной, клей
Зачеркнутый крестами
июньск

Пусть снова становится
Наша отвага
У красного стяга,
На купол рейхстага.
О люди России!
Танкисты Урала,
Чья ярая ярость
Врагов покарала!
Проснитесь, приснитесь —
Как были, такими, —
И те, кто в могиле,
И те, кто в Тагиле,
У скал Таганая,
У волн Громотухи,
Придите, грядите,
Как боги, как духи:
Я должен сегодня
Увидеться с вами,
Обняться в любви,
Обменяться словами,
За ваше здоровье
Как следует выпить,
На мраморе
Ваши фамилии выбить!
Содвинемся в клятве
И скажем по праву:
— Никто не отнимет
У нас эту славу!
День нашей Победы,
Ты гордости! Ты ярости!
Ты молодость наша!
Ты сердцу как парус!

* * *

Не мы стрельбу открыли. Не мы
на них напали.
О, страшный Сорок первый,
пронзивший души год,
Нашествие взбешенной, клейменной
черной стали,
Зачеркнутый крестами
июньский небосвод...

В каких томах опишешь, какой измерить
 мерой
 Все беды, все несчастья
 и тяжести невзгод,
 Странья миллионов, миллионные
 потери —
 Все то, что пережили,
 что перенес народ?
 А мы стихи любили,
 мы лебедей лепили,
 Цветами украшали
 любимое жилье...
 Не мы стрельбу открыли
 и путь войне открыли,
 Но мы, но мы победно
 закончили ее!
 В Берлин пришли мы —
 русские,
 татары
 и казахи,
 Народы всей Отчизны
 с Лениным в груди.
 ...Имперские знамена,
 простертые во прахе,
 Обугленные, черные
 фашистские вожди.
 Кто у меня отнимет
 святое ощущение
 Победы и расплаты
 и счастье торжества?
 Оно всегда со мною,
 как кровообращенье,
 И гордость Дня Победы
 всегда во мне жива.
 Я с ней пройду все годы,
 все радости и беды.
 Есть ежегодно в мае
 Девятое число!
 И снова повторяется
 бессмертный День Победы,
 Теченьем лет в забвенье
 его не отнесло.
 Пусть вечноobeliski,
 летящие, литые,

Творенья честной кисти,
 скульп
 Поэмы, эпопеи
 и трубы золоты
 Победу нашу славят,
 величие

* * *

Сколько лет тебе нынче,
 Девя
 Мы опять тебя славим,
 цветы
 Даже если тебе
 лет исполнит
 Будешь ты молодым,
 как вчер
 Ты заполнишь цветеньем
 сады
 И другие солдаты
 пройдут у т
 И с тобою
 и с ними
 и мы буд
 Если даже
 мы будем уже нех
 Кто тебя целовал
 в сорок пя
 Мы из мрамора выйдем,
 из тр
 Будет вновь нам
 по двадцать

ВРЕМЯ

Время
 все выше и выше!
 В гору
 нам снова
 и снова!
 Так в Дагестане
 на крыше

* * *

ВРЕМЯ

189

Дома —
                     фундамент другого.
 Не опускаемся
                     ниже,
 А поднимаемся
                     выше!
 Вы же
                     и мрамором в нише,
 Люди!
                     И в космосе вы же!
 Та же рука
                     на ракетках
 На голубых
                     стадионах.
 Та же рука
                     на ракетах
 На огневых
                     полигонах.
 Выше,
                     ответственной, Время!
 Должность сложней
                     человечья,
 Разум
                     пусть властвует всеми
 На человеческом
                     вече!
 Не отключай же,
                     отвага,
 Древний озноб свой
                     бодрящий!
 Не отклоняйся
                     от флага,
 Воин,
                     сурово смотрящий!

СОД

Предисловие. А. Б. Лор
 ВРЕМЯ
 Пропеллер . . . . .
 Прощание . . . . .
 Волны . . . . .
 Дорога на юг . . . . .
 «Еще штыками оберну
 Волга . . . . .
 Песня . . . . .
 Степь . . . . .
 Василию Вохменцеву
 Высота . . . . .
 Златоуст . . . . .
 Дождь . . . . .
 МЕТАЛЛ
 Воспитание металла . . . . .
 Митинг
 «Я был на стройках К
 «Раздался выстрел...»
 «Чтоб стать мужчиной
 «Есть мужество, досту
 Я жив . . . . .
 «От хаты к хате...»
 Пехотинцу . . . . .
 Разбитый танк . . . . .
 «Есть истины...» . . . . .
 У входа в Скалат . . . . .
 Дорога
 ИЗ ФРОНТОВЫХ ЗАПИ
 Распутица . . . . .
 «Мамаево побоище» . . . . .
 Девушки . . . . .
 День рождения . . . . .
 В разведке . . . . .
 Петр Левшунов . . . . .
 Письма с Урала . . . . .
 Освобождение Камен
 Капли океана . . . . .
 «Я рассматривал твои
 Перерыв . . . . .
 «Я был убит присни
 «Был холод декабрьс
 «Будет время — пока
 «Опять отъезд на ф
 Вагоны . . . . .
 Письмо . . . . .
 Из дневников послед
 Пленные . . . . .
 Венский лес . . . . .
 Скорость . . . . .
 Первый день . . . . .
 «Как будто я за веко
 Снимки . . . . .
 «Я вижу старость св
 ПРОДОЛЖЕНИЕ ПУТИ
 Магнитка . . . . .
 Свердловск . . . . .
 Учитель . . . . .
 «Мне нелегко...» . . . . .
 Потомкам . . . . .
 «Мы в землю стольк
 Жены погибших . . . . .
 «Порой приходит п
 Это все люди... . . . . .
 Сверстникам . . . . .
 ПАМЯТЬ
 Удивительно прямой
 «Ушли — непреклони
 «Фронтовые, погибши
 «Когда-то я боялся С

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие. А. Б. Лозовский	5
ВРЕМЯ	
Пропеллер	9
Прощание	9
Волны	9
Дорога на юг	10
«Еще штыками обернутся песни...»	10
Волга	11
Песня	11
Степь	12
Василию Вохменцеву	12
Высота	12
Златоуст	13
Дождь	13
МЕТАЛЛ	
Воспитание металла	17
Митинг	19
«Я был на стройках Южного Урала...»	20
«Раздался выстрел...»	21
«Чтоб стать мужчиной...»	21
«Есть мужество, доступное немногим...»	21
Я жив	22
«От хаты к хате...»	22
Пехотинцу	24
Разбитый танк	25
«Есть истины...»	26
У входа в Скалат	26
Дорога	26
ИЗ ФРОНТОВЫХ ЗАПИСОК	
Распутица	34
«Мамаево побоище»	36
Девушки	36
День рождения	39
В разведке	40
Петр Левшунов	43
Письма с Урала	44
Освобождение Каменец-Подольского	47
Капли океана	55
«Я рассматривал твою фотокарточку...»	72
Перерыв	73
«Я был убит приснившимся осколком...»	73
«Был холод декабрьский...»	74
«Будет время — покажут...»	76
«Опять отъезд на фронт...»	77
Вагоны	78
Письмо	78
Из дневников последних походов	79
Пленные	85
Венский лес	85
Скорость	86
Первый день	87
«Как будто я за веком следом ездил...»	87
Снимки	87
«Я вижу старость своего отца...»	88
ПРОДОЛЖЕНИЕ ПУТИ	
Магнитка	91
Свердловск	92
Учитель	93
«Мне нелегко...»	94
Потомкам	94
«Мы в землю стольких положили...»	94
Жены погибших	96
«Порой приходит по утрам...»	96
Это все люди...	97
Сверстникам	100
ПАМЯТЬ	
Удивительно прямой	103
«Ушли — непреклонны...»	108
«Фронтовые, погибшие...»	108
«Когда-то я боялся быть не первым...»	109

«Как живешь, комсомольская домна?..»	111
На территории завода	111
«Я так подумал: время — океан...»	111
«Я начал с пафоса большого...»	112
«Я ввергнут в жизнь, в волненья, в страсти...»	112
«Все в порядке...»	113
«В Челябинске, в сорок четвертом...»	113
Танкистская стипендия	115
«Я не люблю усталых рассуждений...»	118
«...Ты помнишь бой...»	118
Танки Отечественной	120
В госпитале	120
Челябинские комсомольцы	121
«Ничто мне не дано навеки...»	123
Воспоминание	123
М. Максимову	124
Поэты Победы	125
«В сержантском клубе авиаполка...»	126
«Просыпаюсь, как от гонга...»	127
«Ежедневно окружаюсь...»	127
«Именья на Дону»	129
Автобус ветеранов	131
В Берлине	136
«Вновь — Бранденбургские ворота...»	139
Дети города Жечни	140
Художник	140
«Постарели солдаты...»	141
Чемодан Шалапина	143
«Певец из Рязани...»	144
«Я стоял на торпедном наклонно...»	144
«Сквозь вешность...»	144
«Почему мне приснился комбриг мой опять...»	146
«У меня на столе...»	147
Репетиция	147
Себе	150
Богатырь	150
Магнитогорск	151
Челябинск	154
В городе юности	155
Земляки	157
Стихи в Магнитке	158
Засыплю Урал телеграммами снова	160
«С Челябинском не говорил я долго...»	161
Заполярье	163
Новое слово	170
Из каски	171
Молодому поэту	172
Минводы	173
Жизнелюб	175
«Мы в жизнь пришли не опускаться...»	176
«От молодости ордена...»	177

ПЕСНИ

В трамвае едет человек	178
Сидят в обнимку ветераны	178
Горячий снег	179
Камчатская песня	179
Улыбка	180
Помни солдата	181
Весны мои	182
Между нами... Романс	183
Песня строителя КамаАЗа	183
Друзьям	185
Салюты	186
Девятое Мая	186
«Не мы стрельбу открыли...»	187
«Сколько лет тебе нынче...»	189
Время	189

1954

MONROE TRIP